

СТРАЖИ ТАРНЕКА

Расцвет Ларк

САНДРА ВОГ

[VK.COM/KUROTTRANSLATIONS](https://vk.com/kurotranslations)

Ларк предвидела две вещи: она влюбится в юношу с мудрыми зелеными глазами, а он убьет ее. Шестнадцатилетняя Ларк Кэрю любит оставаться дома, ухаживать за садом и собирать травы для лекарств. Но когда ее Взор предупредит ее, что на деревню скоро нападут монстры, которых зовут Тронтами, Ларк придется отправиться в путь, чтобы попросить помощь у легендарных Всадников Тарнека. Она не ожидает, что один из Всадников, Гарейн, и есть тот юноша, что является ей в видениях. Как и не ожидает, что люди Тарнека звали ее по другой причине: Ларк — Страж Жизни, первая из четырех Стражей, что должны пробудить свои силы и восстановить украденные амулеты. Вместе амулеты Жизни, Смерти, Тьмы и Света будут хранить мир в равновесии. Чтобы вернуть амулет Жизни, Ларк откроет в себе внутренние силы и отдастся любви, которую всегда считала своим поражением.

Сандра Вог «Расцвет Ларк» («Стражи Тарнека» — 1)

Перевод: Kuromiya Ren

*Джонатану,
моему мужу, моей любви и моему герою*

*Равновесия круг Белизною зовет:
Взмахом руки тьму во свет преврати,
Силой ее, земля, одари,
Ее Взор сбережет, и Ларк расцветет.*

1

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Сокол принес первый знак.

Я бы не обратила внимания, ведь звери и птицы часто следовали за мной. Но этот перелетел через забор, пока я вырывала корни гисани. Обычно гисань и соколы не ладили. Мыши часто прятались под ее ветками, и хищник пролетал мимо. А этот сокол пролетел над ненавистным кустом, почти задев листья, и опустился на забор, глядя на меня. Я прекратила работу и недовольно посмотрела на него, сказав:

— Если будешь мешать мне, я не успею выполнить задание, — и он взлетел, но не забыл оставить мне послание, которое принес. Оторвавшись от забора, он выпустил что-то мелкое из когтей, и предмет опустился мне на колени. Я подобрала его: перышко жаворонка [1].

— Ларк!

Голос бабушки был таким громким, что разносился над полем. Обернувшись, я увидела, что она стоит рядом с амбаром, сжимая в руках какой-то сверток.

— Идем, Ларк. Оставь это!

Я оставила уродливую гисань наполовину выполотой и поспешила по траве. Рилег, овчарка, поднялся на три лапы и последовал за мной.

— Бабуля, нельзя оставлять тот куст. Он к вечеру вырастет вдвое, — предупредила я, приближаясь.

— Тогда поспеши с этим. Почки нужно поскорее срезать, — она передала огромный сверток мне. — Листья в зеленую чашу, цветы — в синюю, но почки обернешь фартуком, их нужно раздавить. Нужно выдавить их, пока облаком не закрыло солнце, — она указала на одинокое белое облачко на синем небе. — Скорее. Что у тебя в руке?

Я раскрыла кулак и показала ей перо. Я не рассказывала ей, как оно попало ко мне. Она посмотрела на него, потом на меня.

— Третье? — спросила она.

Я пожала плечами.

Бабушка быстро улыбнулась с понимающим видом.

— Поспеши, — повторила она и направилась прочь, прихрамывая.

— Три пера — не так и много, — сказала я Рилегу, а он сел вместе со мной в тени амбара. Мои руки легко управлялись с таволгой. Бедная бабушка. Ее узловатые пальцы уже не могли делать мелкую работу, это делали мы с Эви.

Зато энергии у нее все еще было хоть отбавляй, и все время она создавала масла, бальзамы и лекарства из различных трав, что мы выращивали. Никто не мог пройти по рынку Мерит, не остановившись у нашего лотка. Там пахло сладостью, теплом и лекарствами. Даже Крем Посс перестал продавать свои травы на рынке, а начал продавать свою лаванду нам.

— Так выгоднее, — говорил он, качая лысой головой. — У вас мощная магия, леди.

Это была не магия, хотя немного ее никому еще не вредило. Тяжелый труд был секретом, и, как отмечала бабушка, господин Посс мало что знал об этом. Но магией всегда было просто объяснить непонятное. К тому же, у меня был Взор, у бабушки и кузины был дар исцеления, потому многие приписывали нам и способности к заклинаниям.

Три — не так и много. Одно перо я нашла под камнем прошлым утром, перед тем как начала пропалывать полынь. Я радостно показала его бабушке, ведь перо принадлежало моему тезке. Второе было в кусте сирени, темнея на фоне зелени. Бабушка видела, как я днем высвобождала его из ветвей. Третье я не обсудила с ней.

Бабушка увидела бы в трех одинаковых вещах зловещее предзнаменование. Но перо, принесенное соколом, означало большее:

Это был знак.

Наша деревня Мерит была связана с природой, но та чаще приносила вести, чем шалила. Куда серьезнее были послания, принесенные животными, ведь их считали знаками, и если три знака попадали к одному человеку, этого человека призывали, его ожидало задание, с которым он был связан.

Сокол принес это перо, знак, да еще и моего тезки. И он словно помахал крылом, сказав:

— Юная Ларк, не смей не заметить это.

Первый знак. Неужели меня призовут? И призовут к чему? В голове появились тревожные мысли, но я прогнала их, я должна игнорировать их. Бабушка могла уже подозревать что-то, но не я, и не в этот прекрасный день, не в таком мирном месте. Связь хоть и призывала, но была очень редкой. Последний раз, насколько я помнила, был связан с соседом Габеном Роулом, которого призывали угадать новое место для колодца в Крене. Жители деревни смеялись, что пастуха выбрали искать воду, но Габен мастерски выбрал место, где нужно копать, где даже не думали проверять до этого.

А если призовут меня, застенчивую внучку Хьюм Кэрю, что я буду делать? Я умела

лишь работать в саду. Может, мне нужно будет найти овцу Габена.

От этой мысли я улыбнулась. И в едином порыве выхватила из кармана перышко жаворонка, подняв его над собой.

— Если это первый знак, то где другой? — крикнула я, с вызовом озираясь. — Я призвана? — но в небе не было птиц, на полях не было животных. Я взглянула на Рилега, что оставался рядом со мной. — Ну? — сказала я ему, смеясь. — *Ты* ничего не хочешь мне дать?

Рилег поднял голову и, выдохнув, лизнул мою руку.

Бабушка получила почки таволги до того, как облаком заволокло солнце. Я вернулась к гисани у ограды, обнаружив, что она успела выпустить еще два корня. Один принялся копать Рилег, а я вырывала другой. Обычно мне было жалко вырывать растения, но только не гисань. У нее были черные листья и шипы, она была злой, как шпион из Темного леса, готовый подавить собой всю красоту нашего края. Корни нужно было вырывать и сжигать, но разобраться со всеми корешками было не так и просто.

Я не боялась тяжелого труда, как и вся моя маленькая семья. У каждого был свой талант, что мы использовали на уровне инстинктов во благо. И в ответ земля давала щедрый урожай, животные были послушными, а мы пользовались уважением в деревне. Мне нравилось заниматься работой в саду, она была привычной. И в этот день, как и в большинство летних дней, солнце светило, согревая и подбадривая, ветерок шелестел листьями и касался кожи, я впивалась пальцами в грязь. Я была рада, я была дома с семьей, мне не нужно было оказываться среди незнакомых людей.

— Идем, Рилег, — сказала я. Было поздно, когда я закончила. Главный куст гисани был вырван, как и ее побеги и четыре корешка, что выглядывали из земли. Я разожгла костер, чтобы сжечь их, пританцовывая при этом, словно это могло отогнать остальную гисань, прыгая вместе с Рилегом, пока он не залаял в ответ на мой смех. Пепел я выбросила за ограду, чтобы он улетел в Темный Лес.

И тогда появился второй знак.

Шелест вызвал страх, от которого покалывало шею. У меня были длинные и тяжелые волосы, и покалывало кожу у каждой пряди. И я стояла, зажав в руке пепел. Холодок бегал по шее, словно чье-то дыхание, и я невольно посмотрела на дальний край поля, на ограду, что тоже соприкасалась с Темным Лесом. Там была лиса, и рост ее едва достигал нижней палки забора. Рилег напрягся, но молчал.

— Стой здесь, — прошептала я. Рилег застыл, как камень.

Я отбросила пепел, не так приветствуют посетителя, и прошла к тому концу поля. Лиса сделала несколько шагов и замерла. В ее рту что-то было. Мы встретились на полпути, она выронила свою ношу и, попятившись, ждала мой ответ.

Будь я бабушкой или Эви, я бы смотрела на то, что она принесла, без страха. Но у меня не было их целительской выдержки. Я не сразу смогла говорить.

— Это не твоя вина, — хрипло прошептала я. — Спасибо.

Лиса склонила голову и развернулась, покачивая красивым хвостом на бегу.

Дрожащими пальцами я развязала фартук и сняла его, чтобы собрать принесенное. Я позвала Рилега, и он пришел элегантными шагами, несмотря на отсутствующую лапу. Вместе мы покинули поляну в лучах угасающего солнца.

* * *

— Хорошо. Пора.

Было поздно, но только теперь мы решили рассмотреть, что я принесла. Бабушка

настояла, увидев ужасное выражение моего лица, чтобы сверток из фартука остался на улице. И мы ужинали и занимались привычными хлопотами.

— Все будет хорошо, Ларк, — только и сказала она и попросила накрыть на стол.

Мы ели суп и хлеб из овса, хотя мне не хотелось есть, мы слушали рассказы Эви о рынке, помыли тарелки, протерли пол, приготовились к завтрашней работе и вели себя так, словно это был обычный вечер. Но тут бабушка достала медовуху, налила себе немного и выпила для храбрости. И сказала:

— Неси фартук, Ларк.

Я принесла его с крыльца. Ткань пропиталась темной жидкостью. А мне нравился этот фартук, теперь я боялась, что останется запах, и я не смогу его носить. Я положила сверток на стол на масляные картины Эви.

— Давай посмотрим, что там, — бабушка развернула ткань, беря на себя ответственность. Я скривилась. Эви и бабушка сдержались.

— Это сделала не лиса, — прошептала я.

— Кто-то из горожан? — поинтересовалась Эви, разглядывая отрубленную руку. — Но почему вот так?

— Это похоже на предупреждение, — ответила бабушка. — Смотрите: на пальце нет кольца, — каждый мальчик в двенадцать лет в нашей деревне получал уникальную полоску кожи, которую носил на левом среднем пальце. Эта рука принадлежала кому-то старому.

— Может, он был не отсюда, — прошептала я. — Путешественник?

— Нет, — ответила бабушка. — Смотрите на след — кожа другого цвета на пальце, словно полоска. Когда-то он носил кольцо.

— Но эти полоски кожи ценны только владельцу, — заметила Эви. — Зачем снимать кольцо?

— Кто знает. Как я и сказала: это предупреждение.

Я смотрела на бабушку, на ее лице едва заметно проступила тревога. Я посмотрела на Эви, любимую кузину, которая светилась любопытством, которое появлялось у учеников. Как и бабушка, Эви могла помочь всем нуждающимся. Если не могла она, не мог никто. Эви при этом не чувствовала боли. И с этой рукой тоже. Хоть и звучало это жестоко, Эви просто хотела понять, как это произошло.

— Руку отрезали специально, — продолжала бабушка. — Так в бою не режут.

Эви кивнула.

— Да, но смотри — пальцы в порезах, ногтя нет. Бой был.

— Он мог сопротивляться, — голос бабушки дрогнул, став не таким музыкальным. Я судорожно вдохнула, ее тон говорил о ее плохом предчувствии. — Может, перевернем? — она взялась за край фартука, и рука перевернулась ладонью вниз. Пальцы были скрючены под ней.

Бабушка задержала дыхание с всхлипом. Она отступила на шаг, схватившись за кресло неподалеку. Мы с Эви тут же вытянули руки, чтобы поддержать ее, но она уже пришла в себя. Я посмотрела на стол и на руку, лежащую на нем. Она была обожжена, на плоти пропечаталось какое-то клеймо. На миг я замерла, позволяя напитку, что успела глотнуть, пролиться в горло, приятно обжигая жаром. Я подошла к Эви, что склонилась, разглядывая клеймо. Наши волосы свисали, вместе ниспадая на стол, но мои волосы были коричневыми, словно желудь, а ее — серебряными, как луна. Мы странно дополняли друг друга. Кузины, родившиеся в один день, в один час, дочери сестер-близняшек. У нас было одинаковое

родимое пятно: над девой лопаткой в форме круга. Я подумала, что бабушка вскрикнула из-за этого, ведь на руке был круг, но внутри него была «Z», чьи линии пересекали силуэт круга. Линии были грубыми.

Я задержала дыхание, разглядывая клеймо.

— Страшный след, — прошептала я. — Края еще не засохли. Но черные. Что могло его оставить?

Эви сразу сказала:

— Порез сделан веткой хукона. Его сок делает кровь и кожу черными.

— Точно, хукон, — тихо согласилась бабушка. — Отравляет изнутри. Но здесь не растет хукон. Это сделали Троты.

Я вздрогнула. Мы посмотрели на бабушку. Название Трот мы слышали несколько раз за свои почти семнадцать лет, но этого хватало. Они были ужасными созданиями из легенд в нашей деревне, монстры, что напоминали внешне людей. Два раза они уничтожали наше поселение, убивали наших мужчин и женщин. И в прошлый раз жертвами стали наши родители.

— Предупреждение, — прошептала Эви. Она отступила и посмотрела на меня. — Лиса принесла это. Я не думаю, что Троты пользуются уважением у созданий леса.

Я покачала головой, но бабушка сказала:

— Думаю, лиса рисковала жизнью, чтобы принести это нам. Это предупреждение, шанс подготовиться, — и она добавила уже мягче. — Не как в прошлый раз.

Мы с Эви посмотрели на нее. Голос бабушки выдавал то, что никогда не показывало ее сильное тело. Она, как и мы, пережила последнее нападение. Но нам тогда и трех лет не было, потому мы не запомнили ничего. Бабушка видела все, она жила с этим страхом. Она выжила, изменилась, вырастила нас, как и другие старшие жители деревни, что занимались домом и внуками. Но этот страх был не из тех, что забываются со временем.

— Нужно созвать Собрание, — сказала Эви. — Я сообщу всем на рынке завтра.

Собрание. Я надеялась, что в этом нет нужды, что вся деревня не должна собираться на одной площади. Пусть жители здесь и были дружелюбными, на Собрании было слишком много людей для меня, слишком много энергии в одном месте.

Но бабушка согласилась.

— Придется, — она замолчала, словно задумалась о чем-то, а, может, сомневалась из-за меня. — Сначала нужно больше узнать об этом, — она указала на руку. — Нужно точно знать, чья она.

Бабушка взглянула на меня, как и Эви, поняв ее. Бабушка осторожно спросила:

— Сделаешь это для нас, Ларк?

Рилег заскулил со своей лежанки у камина. Я кивнула, но слишком медленно, и Эви вцепилась в мой локоть. Мое прикосновение вытягивало энергию. Ее — дарило энергию, она давала мне силы. Бабушка только ждала. Она знала даже лучше меня, что со мной будет потом. И она поможет мне, когда все закончится.

Вдохнув, я протянула ладонь к отрезанной руке, чтобы узнать ее историю, и я должна была это сделать. Мне не нужно было прикасаться к ней, как и сосредотачиваться, злость и ненависть уже поднимались от ожога волнами, окрашивая все в черный перед моими глазами. Уют кухни исчез, я впервые увидела Тротов.

Я не сдержала вопль. Они сутулились, как гоблины, но были крупнее и с серой испещренной кожей, похожей на обгоревшую древесную кору, которую намочили. Одинокие

пряди волос торчали на их головах, два туманных круга оказались глазами, разрезы были ноздрями, монстры скалились, показывая острые зубы. Создания бежали вприпрыжку... нет, они *преследовали* одинокого мужчину, пробивающегося через Темный лес, от него исходило отчаяние и усталость.

Но у него не было шансов. Он был старым, он и сам не питал надежды сбежать от этих искаженных теней, и он поступил так, как и все наши жители перед лицом смерти: сдался без слов. А охотники хотели не этого, они хотели преследование. Старика потащили вперед, бросали его, пока сердце не отказало, теперь его оставалось лишь разорвать на части и разбросать по лесу. Руку сохранили, так они отмечали победителя. В чем победителя? Было ли сражение? Я явно кричала, чувствовала слезы на щеках, но себя не слышала. Откуда-то донесся громкий голос бабушки:

— Ближе, Ларк. Ты должна узнать мужчину.

Еще больше слез пролилось, ведь я не хотела касаться мертвых пальцев. Это было слишком страшно, слишком много ненависти и насилия... я уловила оскал, и он был таким зловещим, что по моей спине пробежал холодок.

«Ближе, Ларк», — приказывала бабушка, я понимала, что должна это сделать. Пальцы легли на руку, и я поняла, что она принадлежит Руберу Минлу. Старик дважды в год ходил в Темный лес, чтобы собрать шкуры мертвых зверей, попавших невольно в ловушки растений, что хватали их быстро, а убивали медленно. Рубен Минл, добрый портной, хотел, чтобы они погибали не зря, чтобы их шкуры защищали и согревали кого-то. Уходя от видения, я уловила что-то новое: мерцание света, еще больше Тротов. И в этот раз их страшные глаза смотрели на Мерит.

Я оказалась в кресле, скорчившись, содрогаясь и рыдая, руки бабушки лежали на моих висках, забирая мой страх. Волны ужаса утихали, уплывая в ее сухие, покрытые порошком, ладони, давление в голове ослабевало. Тьма отступила, меня уже не тошнило.

Такой была цена таланта, что и держала меня вдали от остальных, заставляла стесняться. Истошающие последствия Взора — уникального и, как по мне, нежелательного дара читать энергии и, что еще хуже, *чувствовать* истории и намерения. Взор вытягивал знания из энергии вокруг меня, дар был редким. Вот только остальным эта способность казалась благом, мне же — бременем.

Холодный пот не пройдет еще долго, я сжалась в кресле, а Эви обняла меня, укутав в шаль, с сочувствием шепча:

— Хотела бы я помогать тебе, как бабушка. Забрать эту боль, — но она не могла, она была слишком со мной связана. Она обняла меня, а бабушка вышла на крыльцо и стряхнула порошок с рук, чтобы плохие мысли ветер унес прочь от нашего дома. Бабушка вымыла руки свежее водой из колодца и вернулась.

— Это было смело, Ларк, — только и сказала она. — Отличная работа.

— Это было отвратительно, — мои зубы стучали.

— Да, но теперь у нас есть время подготовиться, — они узнавали все, что я видела. Я не помнила, что говорил, когда Видела, но знала, что пересказывала видение. Решение об угрозе Тротов будет обсуждаться на Собрании.

«Спасибо, лиса», — я дрожала. Зато мы были предупреждены.

— Бедняга, — сказала бабушка. — Рубер Минл не заслуживал такой кончины.

— Дедушка Райфа, — прошептала Эви. Райф был другом, юношей, что, как мне казалось, любил Эви. Я смогла коснуться Райфа, чтобы увидеть подтверждение его чувствам,

но мы с Эви были слишком близки, чтобы я могла читать ее, чтобы я узнала, совпадают ли их чувства.

Холод понемногу отступал. Я чуть выпрямилась. Рилег увидел шанс и протиснулся между бабушкой и кухней, чтобы лизнуть мою руку. Я улыбнулась ему, хвост его бил по ногам женщин. Мы рассмеялись.

Эви принялась заваривать успокоительный чай, а бабушка убрала руку. Вот и все. Я не знаю, куда она ее спрятала, а вот фартук мой уже не вернется. Пусть он мне нравился, но я была рада, что его и той темной вещи не будет больше в доме. Мы приготовились ко сну, успокоив друг друга пожеланиями спокойной ночи.

Мы с Эви поднимались по лестнице к нашим комнатам на чердаке. Перед сном мы каждую ночь сидели на скамейке, заплетая косы и сплетничая, как обычные девушки, обо всем, что волновало парней и девушек нашего возраста. Я не выходила за пределы сада так часто, как Эви, потому говорила она, а мне нравилось слушать. Голос Эви был мелодичным, слова ее лились песней, она добавляла подробности к тому, что уже рассказала за ужином, и я улыбалась, представляя веселый рынок, полный суеты и людей.

— Расскажи о Кэт, — попросила я. — Она смогла сунуть маргаритку в карман Куина?

Эви усмехнулась.

— У Кэт хоть раз что-то получалось с первого раза? Я подозреваю, что на нее скоро положит глаз маленький кузен Куина.

Я заговорила с нарочитой тревогой:

— Она не обрадуется. Не думаю, что маленький Нэлен вытащит изо рта палец, чтобы поцеловать ее.

Эви фыркнула и покачала головой.

— Вот только Кэт не знает, что Куину нравится Нэнси. И как ей ему понравиться?

— *Бедняга* Куин, — шутила я. — Это ему за все насмешки, — мне не очень-то хотелось, чтобы хорошему другу докучала Кэт. — Если она начнет просить твою помощь, Эви, посоветуй ей сунуть в туфли грецкие орехи.

— Грецкие орехи, — задумчиво сказала Эви, — прекрасное лекарство от ревматизма, — мы захихикали, и звучал смех легкомысленнее, чем в прошлые ночи.

Обычно мы не говорили о Райфе, но меня еще тревожила мысль о том, как себя чувствовала Эви, узнав, что рука принадлежала Руберу Минлу, узнав, что она может принести Райфу печальную весть.

Я выпалила:

— Тебе кто-нибудь нравится? Ты уже прятала маргаритку кому-то в карман?

— Ларк! — Эви покраснела, но я ей не поверила, ведь она никогда не краснела. — Это тайны.

— Но ты ведь можешь делиться секретами со мной. Ты ведь расскажешь, Эви?

— Расскажу. Никаких маргариток. Я же тебе говорила. Я не хочу, чтобы сердце любило.

— Но своим присутствием пленяешь многих, — усмехнулась я. — И выбирать есть из кого.

Эви ответила не так весело, как я ожидала.

— Разве? Это должен быть кто-то один.

— И кто же?

Она молчала, глядя на меня синими глазами.

— Выбери за меня, — вдруг сказала она.

Мне не понравилась перемена ее настроения, я рассмеялась над тем, как глупо это прозвучало.

— Я? Почему?

Я шутила не о том или затронула не ту тему, что она хотела, потому что она долго молчала. Но вдруг, словно во тьме вспыхнула лампа, Эви улыбнулась и потянула меня за косу.

— У тебя ведь есть Взор, милая Ларк. Ты узнаешь. Ты выберешь того, кого я люблю. Я тебе доверяю,... а ты выберешь.

Я всегда восхищалась кузиной, она могла честно выражать свои мысли, но никогда не показывала свои чувства. Она говорила честно, но если бы она попросила меня выбрать Райфа, то тут и делать было нечего. Я уже подтвердила свои подозрения — чувства Райфа я знала, он точно ее любил. И, прижав ладонь к сердцу, с важным и серьезным видом я сообщила:

— Так тому и быть, госпожа Эвелина. Скоро наш день рождения, так что в подарок тебе я обещаю это: я использую мудрость Взора, чтобы выбрать твою любовь. И он будет *великолепным*.

— Только не Нэлен, — попросила она.

Мы смеялись, избавившись от плохих мыслей. Собрание за один день не созвать, но Эви была терпеливой, а я радовалась, что у меня будет больше времени, чтобы подготовиться к встрече с толпой. Этой ночью мы болтали о ерунде. А успокоительный чай подействовал, вскоре я начала зевать.

Это не магия, а лишь знания о травах и друг друге. Мы обнялись и разошлись.

Порой мне снились обрывки, навеванные Взором, о том, что будет. Я помнила о них, когда просыпалась, чувствовала их так, словно они были реальными, яркими. Такими были мои сны этой ночью.

Я сидела и смотрела на высокого юношу, раскрыв рот. Я точно еще никогда не была так увлечена чьей-то красотой. Он был на два-три года меня старше, сильный и худощавый, с каштановыми волосами и загорелой на солнце кожей, ставшей от этого теплого золотого цвета. Он назвал меня по имени, и у меня перехватило дыхание, когда он улыбнулся мне. Мене переполняла легкость, радость и что-то еще. И его улыбка, показавшая белые зубы, пронзила меня новым чувством, я вскрикнула и проснулась.

Уже почти утро, небо за окном было бледным. Я какое-то время лежала в сером свете, пытаясь осознать то, что видела, хоть это и было сложно — лицо уже ускользало от меня, как сны, где подробности размывались. Глаза зеленые, как шалфей, мерцали золотистыми искрами, а потом растаяли; каштановые пряди растрепались на ветру... Я прижала подушку к груди, чтобы удержать то, что успела запомнить, оставить в сердце, не дать этому растаять.

Мы говорили о любви перед сном, потому я, видимо, и была так очарована этим видением. Я тосковала, как мне казалось, но снова уснула. Но не совсем спала, потому что на бесконечно долгий миг я попала в другой сон, стремительный, как стрела, пущенная из лука. Я вдруг оказалась в своей комнате, забившаяся в угол, а Рилег нюхал мою щеку. Я не могла погладить его, руками я обхватывала себя, словно пыталась инстинктивно защититься. В этом полусне я снова увидела того юношу. Но в этот раз он был с мечом и проткнул им меня.

Это был не знак. Это простая правда.

— Приходите ВСЕ! Приходите ВСЕ! — в колокол звонил Сэмел Льюэн, сообщая с Собрании.

Людей в деревне было не так много, но рыночную площадь они заполнить могли, пестря одеждой. Цвета здесь были почти именами, по любимым цветам нас можно было узнать. Сэмел Льюэн — деревенский красильщик. Он искусно смешивал ингредиенты, которыми выступало все на свете — овощи, листья, орехи и ягоды — и все это становилось яркими красками в его мисочках и сосудах, рецепты любимого цвета каждого были записаны и закреплены за определенным именем. А его жена Карр и ее сестра Берен ткали изысканные ткани из нитей, что делали из особых смесей. Они завлекали на рынке так же, как и бальзамы бабушки и сладости Рулы Нарбен.

Я не хотела быть в толпе, потому смотрела на цвета, а не в глаза людям, хотя их взгляды не были злыми. Но взгляды были сильными, как и прикосновения, я сразу начинала улавливать энергию. Потому я смотрела, как разные цвета двигаются по мощеной площади. Порхающая девушка в фартуке лютикового цвета была милой, но глупой Кэт. Высокий и тощий Керрик Свон был в модной тунике светло-серого цвета, как небо на рассвете, а Райф, что стоял в центре рыночной площади, носил одежду насыщенного сине-серого цвета сумерек.

Я видела бирюзовое платье Эви недалеко от Райфа, ее серебряная коса ниспадала на спину. Она приветствовала людей у колодца, и приблизилась к ней, скромно улыбаясь, когда проходила мимо соседей и друзей.

— Ах, Ларк! Рада тебя видеть! — а эта дама — Керен Вим, одна из старейшин деревни. Как и бабушка, с возрастом ее начало мучить давление, но взгляд ее все еще был ярким, а слух острым. Я поклонилась, выказывая уважение, и прошептала приветствие. Следом шли Том Мейкер и Дэн Хурн в коричневом и красном, и все больше людей проходило мимо, одетые в разные цвета, и здоровалось. Я пятилась, чтобы приветствовать их, пока Бена Джовин не рассмеялась, потянув за мой рукав зеленого цвета, похожего на мох, и сказав:

— А Ларк все такая же застенчивая. Твой милый голосок едва слышно, дорогая!

Я негромко рассмеялась, но она была права, а Эви, что всегда легко общалась с толпой, убрала волосы с моего плеча и ответила:

— Могучие дубы растут из желудей. Ларк должна быть тихой, иначе ослепит нас своим сиянием.

Я покраснела, но Керен взглянула на меня ясными глазами и сказала:

— Точно, Эви. Правильно говоришь. Идемте, начнем Собрание, — она и еще двое старейшин направились к деревянному невысокому помосту, который ставили только для Собрании. Теперь их видели все, хотя они сели в три кресла. Остальные устроились слушать: кто-то сидел, кто-то стоял. Я присела на широкий край колодца, так за спиной у меня никого не было. Эви осталась со мной.

Начиналось все как обычно, с поклона, рука была прижата к сердцу, старейшинам, потом — кивок соседям. Старейшины вели Собрание, но каждый был важен. Все голоса слышали.

Бабушка ступила на платформу, чтобы рассказать историю о руке. Я не хотела ворошить эти воспоминания, потому я думала о другом, о словах Эви. Ее слова звучали прекрасно, но

они были неправильными. Волосы мои хоть и были цвета желудей, я не была дубом. Я не смогу никого ослепить своим сиянием, хотя было правдой то, что я должна оставаться тихой. Добрые слова Эви помогали сдерживаться. Энергии текли через меня, словно музыка. Энергия растений или животных обычно успокаивала, но у людей было слишком много разных эмоций, характеров, историй, что переполняли меня, сбивая с толку, если я оказывалась очень близко. Прикосновение заставляло меня видеть невыносимые вещи. Мне требовалось время, чтобы привыкнуть к чьей-то энергии, чтобы она перестала так влиять на меня, но пребывание в толпе не давало такой возможности. Любой день на рынке хоть и был веселым, украшенным цветными флажками и белыми палатками с лентами, был и испытанием на прочность для меня, которое я могла проходить лишь на цыпочках, надеясь, что никто не коснется меня и не столкнется со мной. Я перестала ходить на рынок и избегала незнакомцев. И хотя люди в Мерит были добрыми, от большого количества эмоций у меня начинала кружиться голова. Жители деревни держались от меня подальше, как я и хотела, хотя не понимали, почему я предпочитала — нет, нуждалась — в одиночестве в полях или в саду, где все было проникнуто гармонией.

Я оглядывала соломенные крыши, окружавшие площадь, глубоко дыша и успокаиваясь от вида просторного неба. Я слышала, как голос бабушки становится то громче, то тише во время рассказа, по толпе проносился шепот в ответ на ее слова.

Я внезапно вспомнила сны. После той ночи я толком не спала, я лежала и видела искаженное лицо юноши. И хотя первый сон я толком не помнила, второй никак не оставлял меня. Он проникал в мои мысли каждую ночь, преследовал меня изображением того, как я умираю от руки кого-то, которого можно было с трудом назвать человеком.

Второй сон был полон ужаса. Лицо было высоко надо мной, властное и красивое, но красота была ужасающей. Он был высоким, словно я лежала на земле, лицо его было злым, и я не могла подавить страх. Он кричал, я не могла разобрать слов, а потом высоко поднял меч. Он собирался пронзить меня им, я понимала это, как и понимала, что умру. Белая вспышка стерла его, и я оказалась в своей комнате, дрожа от страха.

Знаки. Сны. Я не знала, что делать с этими чувствами.

— Ларк! — кто-то шепнул мне на ухо.

Я оглянулась и улыбнулась от облегчения, увидев Куина. Его веселый нрав успокоил меня, его энергия была простой и приятной, как у диких зверей. Куин был как брат, мог успокоить, но и безжалостно насмехаться. Но сегодня было не до насмешек. Он опустил на край колодца рядом со мной, крутя пальцами флейту из тростника. Он никогда не расставался с ней.

— Ларк, — он осторожно коснулся моих нахмуренных бровей и прошептал. — Мне жаль, что это именно ты нашла руку Рубера Минла.

Я не могла рассказать о своих снах ни Куину, ни кому-то еще. Я кивнула, отчасти радуясь, что мрачная история могла скрыть мою растерянность, Куин обнял меня рукой за плечи. Мы повернулись к Собранию. Тревожный шепот ходил по толпе. Все искали взглядом Райфа, чтобы высказать сочувствие. Райф стоял в стороне, он был выше многих юношей. Он сдерживал эмоции, оставаясь тихим, хотя челюсти его были сжаты. Я взглянула на Эви, но на ее лице не было эмоций.

— Госпожа Хьюм, благодарим вас, — Керен обратилась к моей бабушке, которая спускалась с платформы. — История мрачная, она открывает старые раны и заставляет бояться будущего. Я думаю, что мы должны воспринимать серьезно предупреждение, что

принесла рука, — она оглядела площадь. — Она ведь хотела нас предупредить?

По площади пронеслись возгласы согласия. Я смотрела на лица. Никто не сомневался в моем Взоре, все боялись возвращения Тротов. А младшие жители смотрели с любопытством.

Одна из младших задала вопрос. Сестра Куина, Минноу, в фартуке цвета ноготков, мы звали ее Мин, чтобы сочеталось с именем ее брата. Она выступила к платформе, чтобы ее было лучше слышно, и пыталась говорить, как взрослая.

— А откуда нам знать, что эти Троты причинят нам вред? Может... может, бедный господин Минл наткнулся на Тротов во время их охоты?

Керен с теплом смотрела на четырнадцатилетнюю девочку. Я думала, задаст ли кто-то такой вопрос, и хорошо, что это была Мин. Ее веснушчатое лицо с розовыми щеками было милым в своей простоте. Интерес Керен был серьезным, все старейшины внимательно смотрели на Мин.

Джаретт Доун, еще один из старейшин, заговорил:

— Милая Минноу, — сказал он, приподнимаясь над креслом, — посмотри на собравшихся. Что ты видишь?

Многие смотрели на Мин, а она озиралась, ее щеки стали краснее из-за такого внимания.

— Я-я вижу соседей, господина и госпожу Уилхок, друзей — Кэт и Дрюэн, бабушку. Брата, Куина, он у колодца с Ларк Кэрю...

— Ах. Присмотрись, юная Мин. *Что* ты видишь?

Многие могли ей ответить, но она должна была понять сама, отыскать ответ. А он был жестоким, я чувствовал печаль многих, словно все одновременно вспоминали ужасное. Мин все оглядывалась, губы ее шевелились, она пыталась сложить ответ.

— Я вижу красивые лица молодых, — сказала она, — красивые лица старых. Так? — весело спросила она.

— Почти, Мин. Неплохо, — сэр Джаретт встал, поддержав ее. — Здесь и правда красивые лица молодых и старых жителей, — заявил он. — Но я спрошу тогда: ты видишь, что кого-то не хватает? Где же жители среднего возраста? Нет, их здесь нет. Их забрали у нас Троты тринадцать лет назад. Не осталось никого, кто мог бы рожать детей. Только слишком старые и слишком молодые, которых мы смогли спрятать, были *пощажены*.

Последнее слово было смягчено, никто не чувствовал, что эта потеря была пощадой. Сэр Джаретт замолчал и прочистил горло.

— Так мы думали. И теперь я понимаю, глядя назад, что произошло. Они убили наших детей — ваших родителей — и теперь, посмотрите, среди нас появились новые родители. Троты могут захотеть забрать вас.

Послышались вскрики. Том Мейкер вышел из толпы, его волосы белели и напоминали соломѹ над его невысокой фигурой.

— Погодите, сэр Джаретт! Здесь ошибка! Старшие из наших внуков едва начали строить семьи. Еще рано!

Кто-то испуганно и согласно кивал, но Керрик Свон вышел вперед, хмурясь все сильнее.

— Том, а они не забрали твоих родителей пятьдесят лет, как и моих? Мы выжили, но они забрали наших детей! Пятьдесят лет, тринадцать — нет определенной схемы. Троты — монстры, а не люди, у них нет плана, они лишь хотят убивать. А мы — их кровь. Они хотят, чтобы мы побегали от них.

У жителей были страшные мысли. Жестокие слова звучали на наших языках неуклюже,

а грядущее столкновение с теми, кого все надеялись забыть, было против нашей природы, потому слова звучали потрясенно. Печаль превратилась в тревогу, боязливый шепот прокатывался волнами по толпе, мое дыхание участилось. Небо, казалось, потемнело.

— Но мы не убежим.

Площадь молчала. Старейшины встали. Фаррин Роул был пастухом и мудрецом. Он говорил очень редко.

— Мы не убегаем от смерти. Это не в нашей природе.

Это обрадовало людей.

— Да, сэр Фаррин! Пусть приходят, — сказал Керрик. — Если они хотят веселья, то никого здесь не найдут!

— Друг мой.... — но голос старейшины утонул в воплях. Неплохая мысль: Троты оставят нас, если мы не дадим им веселиться. Чего бояться? Все расслабились. Такой план действий не предполагал действия вообще.

«Но Рубер Минл бежал от них, — подумала я. — Они заставили его бежать, пока он не сломался».

— Ларк?

Я подняла взгляд и поняла, что рука Куина уже не лежит на моих плечах, что все Собрание смотрит на меня.

Это была не мысль. Я сказала это вслух.

— Ларк? — повторила Керен. — Что ты видела?

Я молчала, опутив взгляд, чтобы не видеть их глаз.

— Я видела, что Троты радуется страх, — сказала я, понимая, что мой голос сейчас едва слышно. — Их жестокость пробуждает страх, и он смог лишь бежать.

Молчание. Я заставила себя посмотреть на жителей, что следили за мной, отыскать взглядом Райфа и выразить сочувствие глазами. Он не должен был знать такое о своем деде.

— Ларк, они близко? — тихо спросил сэр Джаретт.

— Пока нет, — я прочистила горло. — Думаю, что нет, — я посмотрела на бабушку, она кивнула, она разрешала мне рассказать. Я повернулась к сэру Джаретту, чьи глаза были огромными, и я вспомнила одну маленькую деталь, что теперь казалась важной. — Я видела полумесяц на рассвете.

— Ах, — он кивнул. — Убывающая луна. А у нас еще даже не полнолуние...

Тревожный шепот, подсчет. Между полнолунием и убывающим полумесяцем было десять дней. Я чувствовала напряжение, тревогу, желание, чтобы я ошибалась, но я не могла ошибиться. И я выпалила, отчасти извиняясь.

— Я видела это лишь вспышкой, честно говоря. Но Троты смотрели на Мерит, на фоне было небо, и...

Керен тепло сказала:

— Мы тебе верим, Ларк. Ты можешь этого не помнить, дорогая, но той ужасной ночью тринадцать лет назад перед нападением ты проплакала весь день. Ты, что всю жизнь до этого улыбалась! Мы не знали, что у тебя есть Взор, что ты чувствуешь их приближение. Ты, Ларк, попыталась предупредить нас, как и сейчас.

Но кому это помогало? Я боялась, и все боялись. Есть ли предупреждение, или нет, мы не могли защититься.

— Друзья мои, — сказал сэр Фаррин. — Меня не так поняли.

Все смотрели на него.

— Мы в Мерит не убежим. Но я не говорю, что ты должны остаться с Тротами, надеясь, что мы, — он почти улыбнулся, — заставим их *заскучать* и бросить нас. Мы не убежим, но останемся и защитим себя и каждого.

Если жители Мерит не убегут, они и сражаться не смогут. Люди потрясенно молчали, пока кто-то не сказал:

— Как, сэр Фаррин? — Рула Нарбен, что делала сладости. — У меня есть лишь деревянные ложки.

— Топоры есть, — прошептал Парди Гиннис. — У меня есть один.

Толпа уже смотрела на кузнеца, Мирка Джовина, спрашивая, мог ли он обеспечить всех оружием. Словно мы могли его использовать. Мирк почесал лысую голову, пожав плечами в одеянии цвета индиго.

— Нет, у нас есть немного оружия. Но... — сэр Фаррин говорил уже чуть громче, чтобы толпа замолчала. — Но у нас есть друзья.

Друзья. Я посмотрела на своих друзей — на всю деревню. Я не могла представить, как Рула Нарбен или Керрик, или невысокий Парди будут защищать себя бесполезными инструментами. Сердце колотилось, воображение разыгралось. Их разорвут на клочки, всех разорвут. И мои друзья... как я смогу выдержать вид Куина в крови? Или если серебряные волосы Эви покраснеют, а бабушка...

— Ларк! *Ларк!* — шипел Куин, снова обхватив меня за плечи рукой. — Твое лицо! Твое красивое лицо! Ты что-то чувствуешь?

Я покачала головой, но слишком поспешно. Мы все чувствовали себя беспомощными? Я склонилась к Куину, вбирая немного его тепла. Люди вокруг шептались, размышляя вслух: какие друзья нам помогут? Другие города и деревни торговались с нами, любили выпивать с нашими жителями, но будут ли они сражаться за нас? Нас никогда не просили сражаться за кого-то, наша деревня была мирной, никто и не просил нашей поддержки. Кто придет помочь нам?

Говорили о городе Крен, о соседней деревне Данн. Я думала, что Бена Джовин упомянет Тиру, город, что был в пять раз больше Мериты. У них были солдаты. Собрание кипело идеями. Теперь здесь был восторг, предвкушение победы, конца страданий... А потом, одна за другой, словно лопались пузырьки, идеи угасали. Данн был тоже мирной деревушкой, Тира о нас не знал, да и был далеко. Что будет через десять дней?

Сэр Фаррин выглядел мрачно, он спокойно ждал, пока все притихнет. Когда наступила тишина, когда все снова стали тревожными, он сказал два слова:

— Есть Всадники.

Всадники.

Энергия Куина изменилась. Он задрожал от восхищения, как и я из-за него. Я не понимала этого. Я не слышала о Всадниках, как и, судя по лицам, большинство молодых. Но старшие жители, похоже, знали. Они молчали, ведь атмосфера переменилась. Безмолвное опасение зависло на площади.

Керен медленно кивнула. Я искала лицо бабушки в толпе. Она была недовольной. Эви была задумчивой.

— Куин, — прошептала я, — кто такие Всадники?

Он склонился к моему уху.

— Двенадцать тех, кто может нас спасти.

Помощи не было, он мог предложить лишь это. Сэр Джаретт заговорил:

— Они придут, — согласился старейшина, говоря себе, но и мы уцепились за эти слова. — Они придут.

Мин хотела спросить о Всадниках, я видела, что она опять идет к платформе, запинаясь от внимания, что было приковано к ней на первом вопросе. Но ее дедушка потащил ее обратно, заставив молчать, схватив за плечо. Мне было жаль. Я хотела знать о Всадниках, но отвечать никто не стал, все уже согласилось. Быстрое решение трех старейшин означало, что все закончилось. А о воспоминаниях нужно забыть, чтобы остались силы.

Я смотрела на всех, что были в смятении, в растерянности, и только рука Куина удерживала меня на краю колодца. Мыслями я вернулась к своему сну. Я снова видела юношу, его разозленное лицо теперь улыбалось, а потом в меня снова полетел меч, пронзая мое сердце. Я не чувствовала удар, видение прекращалось вспышкой белого, зато я успевала рассмотреть меч: прямой сверкающий серебром клинок, изысканная рукоять с золотыми вкраплениями. Он был красивым. Меч был большим.

— Ларк, — прошептал Куин. Я подняла взгляд.

Собравшиеся разделились в центре, образовав круг. Мило Свон, старший внук Керрика, прошел в середину, сгибаясь под весом деревянной миски. Он принес камни. Я пропустила разговор, согласие и решения, а уже принесли камни. Пора выбирать, кто будет просить Всадников о помощи.

Мило поставил миску на принесенный стул. Все должны проходить мимо и брать один серый отполированный камень, там было по одному на каждого, кто был старше пятнадцати. Один из камней был с крошечной дырочкой в центре. Кто его вытянет, тот к ним и пойдет. Он отправится в путь, чтобы попросить помощи у Всадников, ведь один человек мог стать им другом. Двое уже создавали проблемы.

Давно в деревне не использовали камни. Их приносили только в важные моменты, я еще не бывала в том возрасте, чтобы принимать в этом участие. Предвкушение охватило толпу, отбор начался с самых младших жителей, все выстроились в линию. Сможет ли избранный встретить Всадников или его постигнет судьба Рубера Минла?

Но другого выхода не было. Райф Минл вышел вперед и сказал:

— Пустите меня. Я позову их.

Удивленный шепот прошел по толпе. Я видела, что Эви смотрит на него, хотя стояла дальше в линии. Керрик Свон тихо сказал:

— Это делается не так, Райф.

— Знаю, — ответил он. — Но пустите меня.

Пока все шептались, глядя на Райфа, никто не заметил черную вспышку на небе. Даже я поздно подняла голову, но все равно испугалась.

Ворон, большой и блестящий, летел прямо к нам. Он достиг площади, и тогда уже люди заметили его и бросились в стороны. Он не обратил на них внимания, а нырнул в миску с камнями. Миг, он сложил крылья, ударил клювом, а потом, выбрав предмет, взмыл в воздух. Два взмаха крыльями, и он принес предмет мне. Я уже протянула руку, понимая, что будет. Ворон уронил камешек в мою ладонь, развернулся и улетел в Темный Лес.

И все поняли, что он дал мне отмеченный камень.

— Это... странно! — выпалил Керрик Свон.

Старейшины стояли, а я каким-то образом оказалась в центре круга. Никто не ожидал, что гонцом стану я, все знали, что я с неохотой покидаю дом, избегаю незнакомцев. Это все ошибка. Меня заполняли их тревога и сомнения, от такой вибрации энергии мне было не по себе. Я заставила себя сосредоточиться на камне, что был теплым в руке, я нащупала большим пальцем дырочку в центре. И только когда я услышала голос бабушки и подняла голову, я поняла, что трясусь.

— Нужно подумать, стоит ли слушаться ворона, — сказала она. — Может, такой знак — простой намек, а не требование.

— Я пойду вместо нее! — крикнул Куин. — Я быстрый и сильный.

«Если бы ты мог», — вздох. Бабушка упомянула об этом.

Куин вдохнул, собираясь продолжить, но Райф перебил его, подойдя к нему.

— Нет, Куин, это мое дело. Это мой дед, предупреждение мое.

И другие жители деревни, мужчины и женщины, принялись выдвигать причины, по которым они должны занять мое место. Они были смелыми, пока я стояла в центре и дрожала, цепляясь за камень. Вряд ли они вообще уже смотрели на меня, но я чувствовала их. Я словно очутилась на рынке, шум становился невыносимым. Голоса были все громче, голова кружилась. Я зажала руками уши, пытаюсь прекратить поток ощущений, камешек оставался в моем кулаке, теперь он был прижатым к виску. Запахи стали сильнее, тепло тел источало запахи пота, земли, растений, запах воды из колодца поднимался ко мне, я ощущала пыль, что была на камнях внизу. Меня вот-вот стошнит.

— Хватит! — выдохнула я. — Хватит! *Хватит!*

Воцарилась тишина. Жители чуть расступились вокруг меня. Я смогла вдохнуть. Я опустилась на колени, не в силах удержать равновесие.

— Ларк, — сэр Фаррин. — Мы о тебе беспокоимся.

— Знаю, — я все еще дрожала, руки тряслись поверх светлых булыжников, камешек выкатился из моей ладони.

Кто-то крикнул:

— Мы можем не обращать внимания на ворона. Любой из нас пойдет вместо Ларк.

— Иди домой, Ларк, — сказала бабушка. — Твое участие не понадобится.

Я попыталась унять дрожь в руках.

— Нет.

— Ларк, я сделаю это. Позволь мне.

Куин, потом Райф. Я не слышала их, но изо всех сил старалась успокоиться, выдавить слова, хотя получалось с трудом.

— Это мое путешествие.

— Ларк...

— Нет, Райф! — крикнула я слишком громко, отступив от юноши, что подошел слишком близко. — *Поверь* мне.

Он словно понял, отступил на шаг, освободив немного пространства, и тихо сказал:

— Ларк, ты не должна идти.

— Если бы, — *хотелось* бы. Я схватила отмеченный камень, вцепившись в него, словно он был якорем для меня, словно мог удержать меня от криков «нет». И я заговорила так ясно, как только могла сейчас, подняв руку с камнем над головой. — Ворон принес мне *третий* знак. А это, — я вытащила из кармана платья три перышка жаворонка и подняла их

в другой руке, — первый знак. Я призвана. Я должна искать Всадников, — мои руки опустились, я посмотрела на бабушку, зная, что она помнит, как я отказывалась от третьего перышка. Смириться с правдой было сложно, и ее лицо было искажено, отражая мой страх. — Так и должно быть. Вы тоже это понимаете.

Над толпой пронесся выдох. Больше не было споров. Я глубоко вдохнула и посмотрела на них, стараясь выглядеть смелой.

— Скажите, кто такие Всадники? — и добавила уже с меньшей уверенностью в голосе. — Как мне найти их?

Жители повернулись к помосту. Керен все еще стояла, хотя остальные старейшины сели.

— О них мало известно, дорогая, — сказала она. — Их двенадцать, но их редко видят. Троты — их враги, это все знают. Они пришли нам на помощь пятьдесят лет назад и спасли от полного уничтожения. Но в прошлый раз... у нас не было шанса, — тихо закончила она. Боль никогда не рассеется полностью. Я вспомнила ее слова о моих слезах, о том, как она хотела бы понять тогда причину моих слез. Керен, чьим цветом был безжизненный угольный, потеряла шесть дочерей во время нападения Тротов. Одна из них была беременной.

— Пятьдесят лет! — выдохнула я. — Откуда нам знать, существуют ли еще Всадники?

— О, существуют, — ответила она. — Порой до нас доходят слухи, крупницы, по которым понятно, что эта легенда жива.

— Например? — Мин. Она была такой же любопытной, как я, как и все.

— По слухам из других городов, слышали шум топота копыт, находили следы копыт...

— Пони... — прошептала я, думая о том, как это вообще можно было посчитать важным.

— Кони, — исправила Керен.

Я никогда не видела лошадей. Вряд ли хоть кто-то в Мерит видел лошадей. Пони не были чем-то необычным, но лошади появлялись лишь в сказках на ночь для детей. Потому мы не сразу смогли понять, что она серьезно.

А милая Мин заговорила снова, выражая мысли всех вокруг.

— И они помогут нам? Эти всадники на *лошадях*?

А еще их видели пятьдесят лет назад. Очень старые всадники на лошадях.

— Да, Мин, — улыбнулась Керен. — Я верю в это, — и она обратилась ко мне, хотя слова относились и ко всем остальным. — Ларк, ты должна принести флаг в долину Брен. Она в дне пути от северной границы Темного леса, между предгорьем Кулан и холмами Тарнека. Ты поймешь, на той долине в центре растет одно дерево рябины, — она замолчала на миг. — Идти тебе придется около двух дней. Заберешься на рябину и привяжешь флаг на самую высокую ветку. Пусть ветер играет с ним. Подожди возле дерева рябины. Может, ждать придется два-три дня, и тогда ты сможешь попросить их. Всадники помнят Мерит, а если нет, они захотят уничтожить Тротов.

— Не такое уж опасное задание, — сказала я, выдавливая радость. — Если я поспешу, то смогу сократить путь на полдня.

Я не могла обмануть бабушку. Я почувствовала, что она появилась за моей спиной.

— Прошу, уважаемая Керен, — вступилась бабушка, ее голос был невыносимо мрачным. — Ларк не должна идти одна.

Керен отвечала властным тоном.

— Хьюм, будет опаснее, если она пойдет с кем-то. Это их правило. Ты это знаешь.

— Я знаю внучку, — парировала бабушка. — Она еще не ходила так далеко. И ее может сбить с пути Взор.

Но я придвинулась к ней и сказала как можно ровнее:

— Бабушка, все будет хорошо. Дороги там есть, я не встречу незнакомцев, — я понятия не имела, правда ли это, но я выдавила смешок, хотя она качала головой, и продолжила. — И на дерево я залезу лучше, чем Куин, — словно ловкость могла что-то изменить. Словно так я могла доказать, что смогу с этим справиться.

— Ларк Кэрю, — сэр Фаррин снова встал, он смотрел на меня, все еще сидевшую на коленях на мощеной площади. Я медленно поднялась на ноги. — Ларк Кэрю, запомни: не сходи с дороги. Не разжигай костер. И, что еще важнее, не ходи в холмы Тарнека. За пределами долины Брен не наши владения.

— А чьи? — послышался голос из толпы.

— Холмы Тарнека принадлежат Всадникам, они оберегают свои секреты. Нарушителя тут же убьют. А за теми холмами горы Мир. Территория Тротов, — он закашлялся. — Но никто не пройдет холмы.

Я смотрела на него. Все смотрели на него, думая, что успел повидать за свою жизнь самый старый человек в нашей деревне. Связь с травой, дождем, солнцем... Природа хранила множество секретов, но она открывала их терпеливым, тем, кто смотрел и слушал.

Интересно, видел ли сэр Фаррин Всадников.

— Помни об этих правилах, и твоя дорога будет безопасной, юная Ларк, — его голос наполнился силой, которую я не ожидала услышать у старейшины. — Пожелаем Ларк удачи и счастливого пути, ведь ее путешествие станет нашим первым шагом в защите любимой деревни.

Каждый житель развернулся и поклонился мне, прижав ладонь к сердцу, касаясь подбородком груди. Я скользила взглядом по морю лиц, дыхание застряло в горле, когда я увидела, что бабушка и Эви ведут себя так же, как и остальные, и этот жест отделил меня от них. Райф, Куин, Минноу, все остальные верили, что я помогу спасти самое дорогое. И в этот миг я чувствовала волну добра, нахлынувшую на меня, окружившую и отступившую.

Слова прозвучали неловко и глупо.

— Я... я могу идти?

Керен ободряюще улыбнулась.

— Сейчас лишь полдень. Раньше начнешь, раньше закончишь, дорогая, — и уже серьезно она добавила. — Ты готова?

Я сунула перышки жаворонка обратно в карман платья и сказала ровно, хотя и натянуто:

— Прекрасный день для похода.

* * *

Эви упаковала еду для путешествия в маленький, но надежно прошитый ранец, который меня научила шить бабушка: хлеб и сыр, пригоршня фундука, сушеные яблоки. Бабушка налила небольшую бутылочку медовухи.

— На всякий случай, — сказала она. Мой плащ вытрясли, почистили и сложили, он мог вполне послужить и покрывалом на ночь. Я добавила в сумку ножик и флягу с водой, переобулась в удобные сандалии. Керрик Свон пришел в наш дом с флагом, что я должна буду поднять для Всадников, длинный кусок ткани, что сделала еще прабабушка Карр, цвета темной розы.

— Его, наверное, и ночью видно, — сказала я, сосредоточившись на мелочи, а не на моем отбытии.

— Для такого яркого цвета понадобилось множество лучших ягод и фруктов, — ответил мрачно Керрик, погладив ткань узловатыми пальцами.

Время шло слишком быстро. Я опустилась на колени и уткнулась голову в мягкую шерсть Рилега.

— Веди себя хорошо, — прошептала я. — Заботься о бабушке и Эви, — Рилег заскулил. Он хотел пойти со мной, и я хотела бы, чтобы это было возможно.

Я посмотрела на Эви, мы обе притворялись, что не волнуемся.

— Присмотришь за гисанью? — спросила я. — Она очень проворная.

Она кивнула. А потом отдала мне то, что держала в руках.

— Карр сделала его. Я же знаю, что ты расстроилась, потеряв предыдущий.

Фартук. Как и мой испорченный, он был из хорошего хлопка и выкрашен в мягкий цвет зеленого мха.

— Я хотела подарить его тебе на твой... на *наш* день рождения, — сказала она. — Но... Но меня не будет здесь в наш семнадцатый день рождения.

Я надела фартук, завязав ленты по бокам. Он накрыл мое платье, что было на оттенок темнее.

— Вот так-то, — усмехнулась я. — Теперь я понравлюсь этим стареньким Всадникам.

— Я подумала, что твой любимый цвет поможет тебе скрыться среди деревьев, если... — она вдохнула. — Если придется прятаться.

— Повезло тогда, что не тебя призвали, — я указала на ее яркое бирюзовое платье.

Мы рассмеялись, а бабушка обняла нас.

— Ты вернешься через семь рассветов, Ларк, а Мерит будет спасена.

Она отстранилась и заглянула в мои глаза.

— Верь, что у тебя получится, Ларк. Не сомневайся, что была призвана по хорошей причине.

Причина. Я не могла ответить. Я обняла ее на прощание.

Дорогой была протоптанная тропа, гладкая и открытая, ставшая такой совместными усилиями Мерит и соседней Данн. Дорога граничила с Темным Лесом, шла недалеко от обеих деревень, мимо полей, устремлялась к болотам Нилер. Я не знала, куда тропа вела дальше, но дорога была, как на ладони, и я шла по ней вприпрыжку, чтобы идти быстрее. Я была не одна. Из Леса доносились песни воробьев, прячущихся в ветвях, что тянулись к свету, а в полях были жители, что вернулись к работе после Собрания. Они махали мне, скидывали широкополые шляпы над головами.

Но я не ожидала, что замечу два силуэта в траве неподалеку от дороги. Горло сжалось, я не хотела уже сейчас встретиться с незнакомцами, а потом с радостью поняла, что слышу слабую трель флейты Куина. Силуэты поднялись, чтобы поприветствовать меня, когда я приблизилась, один был высоким, другой — низким, и я рассмеялась, а потом заявила:

— Вас здесь быть не должно. Я иду одна, забыли?

— А кто думает, что мы идем с тобой? — спросил Райф с невинным видом. — Да, Куин?

— Ага. Райф вспомнил о поручении в Данн, ему нужна моя помощь, — Куин солнечно улыбнулся. — А мы вдруг встретили тебя по пути. Нет ничего плохого в том, что мы пойдем

одним путем.

— Но ты не сможешь вечером повздыхать у окна Нэнс, — парировала я.

— Эви тебе донесла, — я была уверена, что права.

Райф помрачнел.

— Мы пойдем только до Данн. Дальше нельзя.

Теперь, когда я шла не одна, было проще притворяться, что мне не страшно. Я расправила плечи, чтобы казаться выше.

— В Данн есть люди, а на дороге их нет, а я встречаться с ними не хочу. Будет глупо, если я не смогу закончить все сама. Вряд ли они выбрали бы для такого задания простофилю.

Куин серьезно ответил:

— О, даже не знаю. Я слышал, что простофили нынче в почете, — он отскочил, пока я не успела ударить его по руке.

С ними идти было легко, дорога пролетала быстро. Веселился только Куин, Райф был мрачен из-за смерти деда, и эта печаль передалась и Куину. Но мы все равно шли рядом, и я была рада такому обществу.

Темный лес не оставлял нас, дорога шла вдоль него до болот Нилер, а залитые солнцем поля справа резко контрастировали с мрачными деревьями слева. В Темном Лесу не было гармонии, он словно возник от гнева природы. В нем легко можно было заблудиться, застрять в переплетении кустов, затеряться в густом тумане, что проникал холодом под кожу. Но жители деревни не боялись его. Мерит привыкла к Темному Лесу, ведь все росли, видя его, а легенды хоть и принимали, но и проверять не пытались. Через лес шла только одна тропа из Мерит, только одна из Данн, и я могла вспомнить лишь двух мужчин и одну женщину, что ходили туда — одним из них был Рубер Минл.

Я заметила, что Райф смотрит на Лес, словно мог что-то разглядеть в черном переплетении.

— Ты ходил туда с дедушкой?

Он покачал головой.

— Я в его делах не участвовал. Мне больше нравилось работать в садах, он это понимал. В голосе Райфа звучала тоска, и я пожалела, что спросила, но Куин сгладил неловкость.

— Ларк как-то раз пыталась сходить в Темный лес. Но далеко зайти не решилась. В следующий раз она позовет на помощь солдат из Тиры.

Райф рассмеялся, а я сердито посмотрела на улыбку Куина. Когда мы были младше, Куин вынудил меня пройти десять шагов в Темный лес, и я смогла. Час спустя четверо мужчин из деревни нашли меня в дупле дерева, где я спряталась. Я не смогла пройти дальше десяти шагов, потому что застыла из-за странных безумных ощущений, что проникли в мои мысли и душу. Все дрожали при виде Леса, а Взор в сотню раз усиливал эти ощущения. Бабушка всю ночь вытягивала безумие из меня с помощью порошка на ладонях, больше я туда ходить не осмелилась.

— Сам иди в следующий раз! — заявила я. Куин обхватил меня рукой за плечи и насмешливо присвистнул флейтой.

Данн была маленькой деревушкой, что была лишь немного крупнее Мерит и славилась буйным цветом роз, что окружали площадь, а еще за мастерство приготовления эля. Троты никогда не нападали на них, и им повезло, ведь они, как и жители Мерит, не любили насилия и не умели сражаться. Люди Мерит не знали, как выбирают Троты, почему одних

они убивают, а других — никогда. Мы садили кусты роз, думая, что они смогут защитить. Но наши розы вырастали бежевыми, медовыми и яблочными, мы никак не могли добиться яркости цветов, как в Данн, и Троты пришли. Решив, что дело в цвете, мы повесили яркие флаги вишневого, розового и малинового цветов на площади и по краю. Это не помогло. Троты снова собирались вернуться.

Лучше не расстраивать даннцев зловещими рассказами, так мы решили втроем. Они узнают об этом позже на рынке. Остановка была только чтобы попить, и чтобы я наполнила фляжку водой из их колодца на площади. Вода была вкусной, из той же реки, что и у нас, а у меня могло и не получиться позже найти источник.

— Хо, а это что? — пробормотал Райф, мы появились на площади. Небольшая толпа собралась у колодца. Даже издали я ощущала, как их энергия покалывает на моей коже, восхищение и тревога, мурашки пробежали по моим рукам в ответ. Куин потянул меня за рукав, но я не хотела оказаться среди людей.

— Может, они уже узнали о Тротах, — сказал он, хмурясь.

Но толпа собралась не поэтому. Мы приблизились к людям у колодца, и сквозь них стало видно уродливого невысокого мужчину, что и привлек их внимание. Он был наемником, это было очевидно — у него была седеющая неухоженная борода, одежда была поношенной, пыльной от дороги. Я видела таких и в Мерит. Но он был в странной остроконечной, небесно-синей шляпе, а таких я не видела никогда.

Зато Райф видел.

— Он был в Крене две недели назад. Его зовут Харкер. Говорят, его выгнали из дому, и теперь он скитается. Что-то вроде провидца. Он предсказывает судьбу.

— А шляпа — его знак отличия? — спросила я.

Куин прошептал в ответ:

— Отличия? В ней он похож на болвана.

— Не о чем беспокоиться, они сочиняют сказки ради денег, — сказал Райф. — Люди любят слушать их выдумки, но провидцы лишь изображают транс, их историям верить нельзя. Иди, Ларк, наполни фляжку.

Я сделала это, друзья окружали меня барьером, хотя жители даже не посмотрели на нас. Толпу привлекал провидец, и они вопили ему:

— Харкер, скажи!

— Уважаемый, а что же...?

Я женюсь? Мне станет легче? Сын вырастет сильным? Урожай будет хорошим? И похожие просьбы повторялись, толпа хотела узнать будущее. Уродливый Харкер подпрыгивал, ходил между людей и указывал на счастливицов, рассказывая их судьбу, словно сплетни:

— Твоя кружка быстро опустеет... Твои волосы выпадут с первым снегом... — все смеялись и кричали, они бросали монеты в смешную кружку в его руках.

Но толпа притихла, когда кружка упала на камни, провидец застыл в центре круга людей. Скорчившись, он выглядел еще страшнее, а голос его зазвучал ниже, был со странными нотками:

— Берегитесь! Земля плачет! Она кричит от боли, трещины поглотят целые деревни! Слушайте: Крен расколется, там будет трещина! Хавер утонет в море!

— А теперь о конце света, — фыркнул едва слышно Райф.

А голос становился все громче.

— Следите за водой, бойтесь неба. Ночь поглотит день, страх придет с невероятной силой! Разрушение! Разрушение! Все падут в отчаяние и будут просить о пощаде!

— Троты пощады не дадут, — прошептал Куин с нечитаемым выражением лица.

— Им нравится бояться, — я чувствовала восторженный трепет толпы, словно под моей кожей гудели пчелы.

Райф тихо добавил:

— Лучше бояться сказок.

Я сунула флягу с водой в сумку и встала за Райфом и Куином, чтобы посмотреть.

Харкер стоял ровно, подняв голову, словно читал историю с неба.

— Горе тем, кто не верит. Бойтесь грядущего! Мы утонем в безумии! — он поднял руки над головой и хлопнул в ладоши, восклицая. — Я виноват! Виноват! — после таких криков, он выпалил в нашу сторону. — Я сказал это, чтобы *спасти тебя*!

Его руки опустились, ноги начали двигаться: шаг за шагом, покачиваясь, словно он был марионеткой на ниточках. Я в тревоге сглотнула. На фоне восторга толпы я чувствовала этого человека, его энергия была пустой, одинокой и горькой. Я не хотела, чтобы он приближался.

— Что? — задыхался Харкер, направляясь к нам из толпы. — Что? — его глаза закатились, показывая белки, он закричал так, что все подпрыгнули. — Леди... она здесь. Сила и рука... Где? Где? — его рука потянулась из рваного рукава, палец указывал в небо, а потом принялся двигаться по кругу, словно он искал кого-то в толпе. Он дрожал, но рука с вытянутым пальцем не дернулась, описывая дугу.

— Назад, Ларк, — сказал Куин.

Я послушалась, Куин и Райф заслонили меня, мы попятились. Толпа шепталась, провидец, наверное, указал на кого-то, его крики слышались, но уже тише:

— Те, кто в круге, не спрячутся. Те не сбегут! Приходите! Помогите! — он, всхлипывая, закричал. — Не прогоняйте меня! Простите, простите, простите...

— Это бред, — мы шли по северной улице прочь от центра поселения. Мой смех прозвучал нервно и громко и тишине.

— Все это лишь притворство, — сказал Райф. — И чем страшнее выдумка, тем больше монет он получает.

— Но, — сказал Куин, — нам повезло, что он не выбрал тебя, — он улыбнулся и потянул прядь моих волос. — *Леди*, — передразнил он.

Я улыбнулась и пихнула его плечом, но провести его не удалось. Он нахмурился.

— Ты ведь не расстроилась из-за старика, Ларк?

— Нет.

Райф какое-то время разглядывал меня.

— Троты вот-вот придут, а он говорит, что земля расколется. Он дурак, а не провидец.

И вдруг все закончилось. Мы оказались в конце улицы, в конце деревушки. Райф и Куин больше не могли идти со мной, а я не могла терять время. Мы безмолвно смотрели друг на друга.

— Удачи, — сказал Райф, быстро кланяясь, в чем не было нужды. Мы не соприкасались, я бы не вынесла его боль.

— Вот, — Куин протянул мне веточку папоротника, что чуть примялась из-за того, что была в его кармане. — Защита дружбы.

Я могла обнять Куина, что и сделала.

— Надеюсь, мне защита не понадобится.

Он кивнул.

— Поскорее доберись до долины Брен и подай сигнал Всадникам.

— И поскорее возвращайся, чтобы не попасться Тротам, — закончила я за него. Я вернусь. Я должна.

Но Райф сказал:

— А я бы не отказался от сражения с Тротами, — и ответил на наши удивленные взгляды. — Один из них украл кольцо деда. Я хочу его вернуть.

4

Я никого не встречала и шла по дороге легко и быстро. Когда солнце ушло за горизонт, я добралась до дальних пастбищ, неплохо продвинувшись. Решив, что это уже смело, я сошла с дороги, чтобы найти себе место для ночлега, выбрав идеальный по размеру плоский камень недалеко от дороги. Я расстелила на нем плащ, убедилась, что дорогу видно. Я помнила предупреждения сэра Фаррина.

Я съела мало, ведь не спешила тратить всю еду. Я сорвала неподалеку от камня несколько листиков винтергрена и жевала их, наблюдая за тем, как темнеет небо. Наконец, я легла на спину, расслабившись на теплом камне. Птицы допели последние строки своих песен и отправились спать, а камень гудел простой энергией гармонии. Ночное небо было просторным, залитым светом, падающие звезды пролетали так близко, что, казалось, заденут мою щеку. Маленькая землеройка взобралась на камень, потом еще две, они были рады моему присутствию, ведь рядом со мной чувствовали себя в безопасности и тоже могли наслаждаться видом. Возшла луна, что уже была почти полной. Звезды поклонились ей и стали светить не так ярко, наш маленький мир утопал в серебре, в цвете волос Эви. Я вдруг поняла, что забыла подумать о чувствах Райфа к моей кузине.

Желание вернуться, вздох. Маленькие землеройки тихо сопели, и я тоже вскоре уснула.

Мне приснился Харкер, он стоял на мощеной площади, смеясь и выкрикивая пророчества. Мне уже надоел его больной юмор, и я огляделась, чтобы понять, нравится ли им его выступление. В этот раз людей было мало, нас было четверо. Четыре девушки окружали его, глядя, как искаженное тело содрогается от смеха, когда он выкрикивал пророчества для каждой.

— Тебя задуют! — хихикал он, указывая на тонкую девушку с бледным грязным лицом. — Ты будешь просить милостыню вдали от дома! — сказал он высокой девушке в рваных штанах и с красно-золотыми волосами. — Ты сдашься печали, — крикнул он Эви.

«Эви!» — попыталась позвать кузину я, но не издала ни звука. Харкер оскалился и указал пальцем на меня, словно я была во всем виновата.

— Если предупредишь, то проиграешь! — он развернулся и захромал по площади. Я топнула ногой.

— Ты не рассказал обо мне, старик! Не уходи!

А он трясся от смеха над моим возмущением.

— Тебе не нужно пророчеств, ты уже его видела! — он начал прыгать, показывая на меня и скороговоркой приговаривая. — Одна здесь! Одна здесь! — в ответ камни под ним раскрылись с ужасным гулом. Провидец рухнул вниз и полетел в дыру, вопя. — Она идет!

Из глубины трещины, из камней выросла женщина. Она была высокой, закутанной в плащ, красивой. Черные волосы ниспадали на ее плечи, темные глаза рассеянно смотрели перед собой, словно она не видела. Свет исходил от ее груди, очерчивая что-то, что она держала в руках, тяжелый на вид мешок. Она стояла и смотрела, но вдруг из дыры выпрыгнул Харкер.

— Мое! Мое! — и прыгнул к тому, что она держала в руках.

Он промазал. И с ужасающим воплем исчез в дыре.

— Харкер! — крикнула я и подбежала к краю, чтобы посмотреть на него. Он успел ухватиться за край мешка, и он упал, рассыпая содержимое: книги с украшенными обложками раскрывались, и страницы из них разлетались, как птицы, ускользая во тьму вслед за мужчиной.

Свет женщины пронзил полумрак, падая на меня. Я подняла голову и вскрикнула: ее глаза смотрели на меня. Черные и пустые глаза.

— Вот ты где, — она улыбнулась. Это испортило ее красоту. — Вот ты где, — ее улыбка становилась все шире, ужаснее, она напоминала трещину, что разрасталась и становилась глубже. И меня утатило в эту тьму.

* * *

Все еще было темно. Еще не наступил рассвет. Я была на камне у дороги, дрожала и потела. Я медленно села на камне, на мне спала одна из землероек. Она позволила прижаться щекой к ее мягкому меху, и я так сидела какое-то время, прижав ноги к груди, уткнувшись головой в скрещенные руки, на которых лежала и землеройка. Ее крошечное сердечко быстро билось, отражая мое паническое сердцебиение.

Та улыбка. Я видела ее, когда коснулась руки Рубера Минла. Ужасная брешь вместо рта, ведущая в темную пустоту, что поглощала меня. Что там говорил Харкер? Утонете в безумии... Если сны предсказывали мою судьбу, то каким будет конец? Меня пронзит меч или утянет в бездну?

Я не могла оставаться наедине с этими мыслями, а они не отступали. Я осторожно отпустила землеройку, схватила свою сумку и плащ и пошла дальше.

Часы сливались. Дорога шла мимо дальних пастбищ; трава здесь была высокой, а пейзаж неровным.

Наступил рассвет, лучи солнца залили траву, от которой исходил сладкий аромат. Я шла по утопанной тропе без особой радости, зато быстро. На востоке и юге была зеленая красота, Темный Лес мрачно нависал с запада. Север был неизвестностью. Я сосредоточилась на солнечном свете, что гладил мою щеку, и тропе, разделившей черное и зеленое.

Еще до полудня я добралась до болот Нилер. Дальше я пути не знала, но решительно направилась через грязь и камыши. Я должна с этим покончить. Я закончу задание и буду думать лишь о том, как вернуться домой. Я понимала, что веду себя глупо. Троты были реальной угрозой, а я боялась снов. Юноша убьет меня. Женщина проглотит меня целиком. Или, как сказал провидец: «Вы будете молить о пощаде».

— Простофиля я, Куин, — громко пробормотала я, словно он был здесь. А еще...

Меня не покидала тревога из-за того, в чем я не призналась ни Райфу, ни Куину, ни даже себе. Я прочитала старую энергию Харкера. Он не врал.

Словно в шутку я вдруг споткнулась и упала на колени, земля содрогалась подо мной.

Посреди болот Нилер, где и земли толком твердой не было, она двигалась и содрогалась, играя мной, заставляя подпрыгивать, как ребенка на одеяле. Я закричала, вспомнив, как Харкер упал во тьму, боясь, что грязь раскроется и заберет меня туда же, или что из земли выйдет темная леди и проглотит меня. Я заставила себя подняться на ноги и побежала. Я спотыкалась, падала, поднималась и бежала, не останавливаясь, даже когда земля снова стала ровно и успокоилась, словно мне все привиделось. Что там Троты! Я, как те зеваки из Данн, была напугана тем, чего нет.

Я спешила по болотам, остановившись, когда ноги коснулись устойчивой земли. Передо мной раскинулась широкий пейзаж предгорья Куллан и северного края Темного Леса, в темных ветвях которого путалось солнце. Пейзаж был тихим, просторным и простым, и я поняла, что глупо испугалась своей тени. Я подобралась к камню, что выступал из земли, словно клык, и обняла его, набираясь его уверенной прохлады, пока я восстанавливала дыхание и злилась из-за того, как легко пугалась.

Не того человека призвали для этого задания. Райф смеялся над Харкером, Куин веселил нас, им бы не понадобилось сейчас искать поддержки у камня. Никто в Мерит не вел себя так, как я. Даже Кэт хватило бы ума на это путешествие. Но выбрали меня — перепуганную глупую девочку. Если бы я родилась без этого Взора, из-за которого боялась своих мыслей и чувств, если бы я родилась сильным Целителем... Я прижала ладони к вискам, задумавшись, смогу ли забирать из головы ужасные мысли так, как это делала бабушка с помощью порошка на ладонях. Но от этого голова лишь сильнее болела, и я опустила руки, скользя взглядом по бледному небу.

Я теряла время. Нужно двигаться. Не очень-то желая отпускать надежный камень, я заставила себя подняться, сесть ровно, покачиваясь. Я забыла поесть. Я открыла сумку и вытащила свертки с едой, вымыв грязные руки водой из фляжки. Пировала я без особой радости, тело проголодалось, но мне есть не хотелось. Еда быстро исчезла, остатки хлеба, сыра и орехов я бросила птицам и маленьким зверькам, фляжка опустела. Я встала и огляделась. Предгорье Куллан было небольшим, оно вело к горам Мир. Серые камни выглядывали из травы, а несколько тонких деревьев не могли защитить или сдержать ветер. Я поспешила. Я хотела, чтобы все уже закончилось.

Теперь идти было сложнее. Тропа огибала камни. Я взбиралась по небольшим холмам, что становились все выше, все вокруг было серым и зеленым, птиц почти не было, как и зверей. И каждый раз я останавливалась, чтобы проверить, не виднеется ли дерево рябины посреди поляны.

Солнце двигалось на запад, тень оказалась по другую сторону от меня. Я пробиралась через камни и мох, одинокая в этих холмах, каждый раз думая, что этот холма последний... или следующий.

Порой за камни цеплялся утесник и озарял серость желтыми цветами. Я заметила по пути лиловые цветки. Бабушка захотела бы себе такое в сад.

— Все исцеление от трав, — говорила она. Я надеялась, что запомню, где видела их, чтобы потом вернуться.

Воображение веселило меня картинкой того, как старые Всадники везут меня на лошади и Мерит. Их длинные белые бороды тянулись за ними по ветру, у лошадей были роскошные хвосты и гривы, что растекались по воздуху. Я ничего не видела из-за волос. И я рассмеялась, радуясь такой смене настроения.

Вверх и вверх. Еще один холм привел к следующему. Я уже пообещала, что дальше еще

одного не пойду. Они стали слишком высокими, за ними даже не было видно холмы Тарнека, даже гор Мир. Я остановилась, чтобы перекусить хлебом и наполнить фляжку из ручейка, бегущего по камням. Я сделала глоток медовухи. Было неприятно, но я была уже близко, я чувствовала дрожь, что вела меня вперед.

Воздух остывал, поднялся ветер. Моя тень стала в два раза больше. Я остановилась на вершине холма и услышала пронзительный крик с неба — орел парил в вышине. Я смотрела, как он приближается. Взмах крыльев, и он пролетел мимо меня, а я ускорила. Орлы гнездились в холмах Тарнека, значит, я уже близко. Может, за этим холмом...

Я оказалась на самой вершине, раскрыв рот и глядя на то, что раскинулось передо мной. Земля изгибалась и спускалась, оставляя широкое пространство, превращаясь в зеленые холмы Тарнека, покрытые эвкалиптом, за ними возвышались пепельные горы Мир. Вершины их мерцали золотом и розовым — солнце касалось снега своими лучами. Я застыла, глядя на горы. Они начинались далеко за холмами, но возвышались так, что никто не смог бы их пройти. Я помнила, как кто-то — Дэн Хурн? — говорил, что взобраться на горы Мир нельзя, только пройти через них.

Я перевела взгляд вниз. Небольшая долина образовалась между крайними холмами, покрытая зеленью, с тремя ручьями, пересекающими ее и впадающими в маленький пруд. Подснежники мерцали на холмах, словно пыльца фей. Они уже должны были расцвести, но здесь, видимо, солнце светило по-другому. А, может, дело было в магии.

Наверное, это она. Долина Брен. Дерево рябины одиноко стояло в центре, словно маяк, — высокое, с нежными молодыми листьями, шелестящими на ветру. Тропа вела прямо к его корням.

Я забыла об усталости и слетела с холма. Волосы выбились из косы, но я не остановилась, чтобы их поправить, мне нравилось бежать свободно. Ноги едва касались тропы, я перепрыгивала камни, смеясь. Запах клевера и свежего сена, смешанный с ароматом весеннего дождя, заполнял воздух. Здесь пели птицы, они гнездились прямо на дереве рябины, что широко раскинуло свои ветви.

Солнце терялось в кроне дерева, проникая сквозь листья одинокими лучами, что, казалось, хотят обнять меня. Я рассмеялась и широко раскинула руки в ответ.

Его скрывал камень, но я бы все равно его не заметила. Не было никаких мурашек, или я и их не заметила. Я бежала навстречу солнцу, дорога огибала камень, а я щурилась от света и ничего почти не видела. А потом потрясенно застыла, почувствовав запах.

Смерть. Гниющая смерть.

Трот.

5

Он скорчился на фоне зелени, жуя что-то. Рот его был в красном, он озирался. Я вскрикнула, попятившись, и споткнулась. Он тоже отстранился, но лишь на миг. А потом бросился на меня, обнажив ужасные зубы, ухватившись за воздух, где я была лишь миг назад. Но я упала, и Трот ничего не получил, рухнув на бок. Едва дыша, я поползла по траве, жалея, что при мне нет никакого оружия, здесь нет никакого укрытия, ничто не помешает его следующему броску. Монстр захрипел, выпрямился и собрался прыгать, я вскинула руки в защите.

Атаки не было. На Троте оказались две лисы, обнажив клыки и заставляя его рычанием

отступить. Но монстр был сильнее лис.

— Нет! — кричала я им. — Не надо! — я бы заслонила их собой, но один из лис обернулась и посмотрела на меня с такой яростью, что я застыла. Я его понимала.

Иди. Беги. Иди на север.

Больше ничего говорить и не нужно было. Я сомневалась, но лиса все еще смотрела на меня, обнажив клыки, не пуская меня в бой.

Уходи!

Лиса бросилась на Трота, другая уже впиалась ему в горло, и удар был таким яростным, что монстр упал.

Я заплакала из-за их жертвы, но послушалась и побежала дальше в долину, направляясь на север. Я прорвалась через кусты, затоптав подснежники, взобравшись на холм, что был на краю долины, и так я оказалась в холмах Тарнека. Я не справилась, я сошла с пути, хотя меня предупреждал сэр Фаррин, попала на запретную территорию, а теперь вслепую бежала по холмам. Трот прорывался сквозь лес следом за мной.

Лес не был спутанным, как Темный. Он оказался просторным под покровом зеленой листвы, и бежать было легко, несмотря на сгущающиеся сумерки. Пихты и эвкалипт перемежались друг с другом, от их запаха покалывало в носу, я всхлипывала на бегу. Но запах мог отвлечь Трота, я слышала, как он усиленно нюхает воздух, после чего он скрылся за деревьями. И теперь я поняла, почему лиса сказала идти на север. Запах сбил со следа Трота, я еще могла сбежать.

Я взбежала на холм и спустилась с него, направились к следующему, цепляясь руками на ветки, чтобы не упасть, чтобы вырваться отсюда до наступления ночи, но света уже не хватало. Я шла вслепую. Деревья гудели энергией, но я не могла точно разобрать, энергия словно предупреждала меня. Свет звезд, луны или лампы — ничего этого здесь не было. Я спотыкалась о пни, цеплялась за них, чтобы подняться.

Я почти пересекла второй холм, когда рядом раздался вопль Трота. У меня задрожали коленки. Конечно, зрение. Он лишился нюха, но Троты жили в горах Мир, они могли видеть в темноте... отыскать в ней меня. Сумерки уже почти превратились в ночь.

Ножик был где-то в сумке, но я не успевала его достать. Я слышала пыхтение, оно становилось все ближе, монстр был за моей спиной. Я бросилась вперед, но он схватился за мой плащ и потащил обратно, к этим смертельным когтям.

Я кричала, размахивая руками. Ладонь попала по руке Трота, пытавшейся ударить меня, я почувствовала скользкую и пористую кожу, твердую кость под ней. От удара у меня перехватило дыхание, и я понимала, что против такой силы у меня нет шансов выстоять. Но это Трот закричал и отскочил, визжа, как свинья, убегая прочь, пока не остались слышны лишь его вопли вдали.

Я не понимала, что случилось. Я перекатилась на бок и встала, врезавшись в деревья, упав, но успев ухватиться за ствол. Трот мог легко меня убить. Я понимала, как легко это было для него, он хотел растянуть наслаждение гонкой и пытками, как с Рубером Минлом. Трот мог уйти за другими, и это ужасало. Кровавая гонка только началась.

Я отогнала страх. Нет времени паниковать. Я должна вернуться на поляну Брен, пока они не вернулись. Я должна попытаться. Может, я успею добраться до рябины и повесить флаг, пока меня не убьют.

Я, решив вернуться, добралась до вершины холма и застыла. Деревьев не было. Они так же резко кончились, как и начались. Здесь было видно небо, оно выглядывало из-под

последних веток, и я осторожно ступила на камень, что выступали из травы и мерцали в свете звезд. Тишина, болезненная, почти холодная. Холмы Тарнека лежали впереди, очерченные тьмой, оттененные силуэтом мрачных гор Мир. Подо мной была долина со сверкающими серыми камнями, они были разных размеров, были и осколки. Трава укрывала все вокруг, вся долина была зеленой.

Луна была полной, огромная сфера серебра освещала небо, прогоняя тень. Я смотрела, как разливается свет, вдыхая холодный воздух. Я могла спрятаться за этими камнями. Троты не будут так хорошо видеть в свете луны, рядом с деревьями они меня не учуют. На рассвете я смогу все видеть, потому, укрывшись запахом лес, я смогу вернуться на поляну Брен к рябине.

— Спасибо, лисы, — прошептала я. Слабый ветерок унес слова благодарности.

Я прошла чуть дальше, держась ближе к деревьям, взбираясь по покрытому травой склону, что потом обрывался почти под прямым углом. У края были камни, и я смогла укрыться за ними, ожидая солнца. Троты были не выше людей, так что я смогла бы спрятаться там от них. Я упала на четвереньки и принялась карабкаться в щель между камней, но замерла, опустив взгляд на долину. Слышался отдаленный гул.

Пони. Они мчались галопом к долине из тени на лунный свет. Я была высоко, серебряный свет шутил со мной, у пони оказались длинные ноги. Я прищурилась, склонившись через камень, и застыла, очарованная, когда услышала новый звук.

Что-то двигалось к склону, что-то большое. Шаги стучали о камень, топот приглушала трава, из ноздрей вылетали облачка пара. Я спряталась за камень и застыла, но кто-то уже был на склоне. Я сжалась, ожидая атаки, едва дыша... Но ничего. Я осторожно выглянула.

— Ох! — вырвалось у меня.

Невероятное создание сверкало в темноте, его словно окружало сияние звезд, отразившихся с неба. Лошадь. Белая лошадь.

Я скользила взглядом по долине. Не пони. Лошади. Все они. Я никогда раньше не видела лошадей, а здесь их было около сотни, и одна стояла передо мной. Я медленно отвернулась и моргнула, чтобы понять, исчезнет ли лошадь, как призрак, но она стояла передо мной, глядя, как я падаю на колени, раскрыв рот, и выдыхаю:

— Такая красивая!

Она, конечно, не ответила, но мне показалось, что она покачала головой. Быстрое движение, чтобы сбросить челку с глаз. Свет мерцал на ее шерстке. Я задрала голову, чтобы увидеть ее глаза, что были темными, задумчивыми, но живыми. Она ждала. Я медленно поднялась, зачарованная, приблизилась к ней и коснулась ладонью бархатного носа. Лошадь выдохнула мне в ладонь. Я отступила назад, погладила ее шею и щеку, а лошадь коснулась носом моей щеки в ответ. Я обняла ее за шею, прижавшись к лошади, вдыхая запах ее гривы, чувствуя ее спокойную энергию, и мне казалось, что я в безопасности.

Лошадь помогала мне стоять, и я не знаю, сколько это продлилось. Мы смотрели на долину, наблюдая, как пасутся разноцветные лошади, что в свете луны были серебряными. Мерцали гривы и хвосты, они бегали галопом по траве. Мышцы и кости изящно двигались. Я едва дышала, но не могла не насладиться красотой природы. Прекрасное место. Конечно, Всадники защищали эти холмы.

Я с сожалением подняла голову и убрала руки от лошади.

Я думала, что лошадь теперь уйдет. Но она уткнулась носом в мою щеку и выдохнула мне в волосы. Потом она грациозно, несмотря на размер, развернулась и пошла прочь.

Намек идти, если я не поняла.

Лошадь шла по камням, я брела за ней, но когда она повернулась к серебристой тропе, что вела прочь от долины, я замерла, растерявшись.

— Я не могу пойти с тобой, — я должна вернуться в долину Брен. Через лес. Обратно к Тротам.

Уши лошади дрогнули.

Я коснулась ее шерсти.

— Иди, — тихо сказала я, но голос все равно отражался от камней вокруг нас. — Спасибо. Я никогда не забуду твою помощь.

Лошадь тряхнула гривой и посмотрела на меня глубоким взглядом.

— Руна, — сказала я вдруг с улыбкой. — Я буду звать тебя Руна.

Лошадь качнула головой, словно принимала, а потом отступила, оставив мою руку пустой.

Я следила за Руной, убежавшей в густые кусты, молочно-белая шерстка последний раз блеснула в лунном свете. В этом месте не могло быть страхов, которые я натерпелась за последние дни. Я подняла голову и улыбнулась небу, неловко взобравшись на камень.

Шею покалывало.

Случилось сразу две вещи. Я слышала хрип Трота неподалеку, но шаги послышались еще ближе — осторожные, почти бесшумные шаги кого-то, обутого в кожаные ботинки, и я не должна была это слышать, кто-то явно подбирался ближе для атаки. Я расправила плечи, решив защититься, испуганно обернувшись на шум, и голос проревел так яростно и громко, что разнесся над всей долиной.

— Нарушитель!

Я знала, кто это был. Мой последний вздох. Но я уже не могла совладать с телом, застыв, голова была повернута так, что я увидела его глаза. И стоило мне взглянуть в его глаза, я вспомнила свои сны. Я попыталась вдохнуть, казалось, этот миг длился вечность. Его прекрасное лицо было искажено от ярости, смешанной с ледяным ужасом. На моем лице наверняка было потрясение, ведь я узнала его. Я потеряла равновесие. Я рухнула на землю, он возвышался надо мной.

— Нарушитель! — голос был хриплым, я увидела его обладателя своими глазами.

Он поднял огромный меч, описав им дугу, и не было никаких сомнений, что он ударит.

6

Я не умерла. Я не могла умереть. Я слышала шум бьющегося сердца в ушах, хрипло дышала. Я слышала гул, словно была под водой, или словно меня что-то тяжелое прижимало к земле.

А еще я чувствовала боль.

Но все это заглушало потрясение, ведь я не погибла. Мысли путались, сон не был ошибкой, меч падал на меня, вспышка белого... но я не умерла.

Он явно ругался. Резкие слова доносились сквозь шум в моих ушах, но я их с трудом разбирала.

— Она умирает! Она умрет! — кричал он небу. И он ругался, как я думала, из-за этой ошибки.

Время непостоянно. И моменты, которые мы хотим удержать, убегают в мгновение ока,

зато болезненные длятся вечность. И порой пропасть между вдохами казалась огромной, пропастью из ничего и всего сразу. Проявлялась четкость. Моя воплотилась в слухе. Уши стали такими чуткими, что мне казалось, что я слышу, как горят звезды. Ругань срывалась с прекрасных губ, меч стучал по камню, мягко ступал кожаные ботинки, шелестела шерстяная туника и плетеный пояс. Меня окружило шумное фыркание, оно было снизу и сверху. Звуки сливались и разделялись. Руна тоненько ржала, в стороне слышалось шумное дыхание Трота. Я слышала фыркание человека из сна, он легко взбежал по камням, раздался визг Трота, стук... А я могла лишь думать о том, как получилось, что Трот умер раньше меня?

Слух мой успокаивался, я перестала различать звуки, мысли унеслись далеко, где уже ничего не имело значения. Зрение затуманилось, я увидела себя с высоты, тело лежало на траве, как тряпичная кукла, волосы растрепались, одежда разметалась в стороны. Я увидела, что давит на меня Руна. Лошадь лежала на мне, впившись сильными ногами в землю, словно она пыталась подняться и не раздавить меня. Мышцы напряглись, Руна поднялась, отойдя от моего замершего тела, коснувшись носом моей щеки. Человек из моего сна вернулся на склон, пряча меч в ножны, который он вытер о траву, он взглянул на Руну, потом остановился у моей головы, вглядываясь в мое лицо с непонятным выражением.

Он вдруг замахнулся рукой, ударив меня по плечу.

Я резко выдохнула с криком, легкие наполнились холодным воздухом, я увидела его до боли красивое лицо.

Плечо болело.

— У тебя были проблемы с дыханием, — сказал он, не собираясь извиняться за свои действия.

Я не говорила, растерянная и смутившаяся. Он опустил меч на меня. А теперь возвращал мне воздух.

Да и смысла говорить не было. Он и не собирался меня слушать. Он отвернулся, глядя на Руну с интересом. Он открыл рот, словно хотел задать лошади вопрос, потом закрыл его, поджав губы.

— Вставай, — приказал он, даже не посмотрев на меня.

Я не двигалась, он зло выругался: красивый голос, лицо и улыбка пронзали злостью, словно его острый меч. Ему ведь около девятнадцати или двадцати? Злость его делала взрослее.

— Поднимайся! — потребовал он снова, все еще не глядя на меня. Он возился с чем-то, заправленным за его пояс. Ткань.

Я не ждала третьего приказа. Я села, оттолкнувшись от травы, но застонала, боль пронзила лодыжку.

— Не могу...

— Молчи! — он развернулся, голос искадила злость. — Я *убью* тебя, если заговоришь.

Мои глаза расширились, я ждала, что он достанет меч. Он отвернулся, злость сделала его неуклюжим. Он потянулся, но не за мечом, а за тканью, наконец, вытащив ее из-за пояса. Он повернулся ко мне.

— Я сказал, поднимайся!

Но я застыла, не мигая. Руна справа топала по земле.

Человек из моего сна взглянул в мои глаза. Он резко отвернулся и что-то едва слышно пробормотал. Он схватил ткань и завязал ее на моих глазах, затянув узел на затылке. Лунный свет исчез. Руна фыркнула. Запястья связал кожаный шнурок. Это был не пояс, это было

странно. Шнурок был слишком тонким, он резал кожу.

Он резко потянул меня за руки, поднимая на ноги, и я вскрикнула из-за его теплого прикосновения, еще больше чувствуя силу его хватки. Наверное, лодыжку я сломала, а темнота заставляла терять равновесие, но его прикосновение потрясало сильнее, энергия была и приятной, и причиняла ужасную боль.

— Что...? — он уже собирался встряхнуть меня, чтобы я выпрямилась, его рука дрожала силой. Но вдруг он замер. Наверное, увидел мою ногу, я почувствовала, как юноша согнулся. Он выпрямился. За миг я оказалась над землей, он закинул меня через плечо, словно мешок с крупой. Капюшон упал мне на голову. Сумка сползла с моей руки и теперь стучала по его спине, но он даже не вздрогнул. Юноша убрал с лица край моего плаща и пошел.

Хотелось бы сопротивляться. Или спорить. Хотелось бы списать все это на общее тихое смирение жителей Мерит. Но в моих действиях не было ничего благородного, я почти потеряла сознание. Я помнила из его прикосновения пронзительную боль, вспышку с изображением разлитого вина, отголоски далеких воспоминаний. Усталость, боль, голод, страх, тот факт, что я висела вниз головой, заставили кровь бежать по венам быстрее. В ушах шумело, и наступила пустота. Слишком быстро. Я должна была сказать ему, что завязывать глаза не было смысла.

Я проснулась от того, что меня бросили на твердую землю, но между мной и камнем оказалось что-то мягкое, наверное, одеяло или мой плащ. Я помнила, что глаза мои завязаны, помнила человека из сна. Но я не чувствовала на лице лучи солнца. Во рту пересохло. Я чувствовала запах мха и камня, плодородной земли. Горел костер. Так я могла описать место, о котором только и могла думать. Это могла быть Мерит.

Но если бы я была там, не было бы пут и повязки на глазах, не было и быстрого жаркого спора, что происходил неподалеку.

Человек из сна был с товарищами... злыми товарищами. Это не Мерит.

Я боялась. Нет, паниковала. Желание оказаться дома было мгновенно сожжено. Я сжала зубы, чтобы подавить стон, и не шевелилась, притворяясь, что я все еще без сознания.

— Мы не приводим пленников, Гарейн!

— Знаю.

Человека из сна звали Гарейн. И он чувствовал ужасную боль.

— Нужно было оставить ее умирать, — у низкого голоса был ужасный акцент. — Ее страдания здесь только будут длиться дольше. И твои, видимо.

Гарейн отвечал резким тоном:

— Что ты имеешь в виду?

— Посмотри на себя!

Он фыркнул.

— Я не могу.

— Тогда я посмотрю вместо тебя, — другой голос был мягким, он принадлежал кому-то помладше, почти как Гарейн. Здесь было трое. — У тебя дикий взгляд. Ты тяжело дышишь...

— Я ее нес, Вильх.

Первый мужчина рассмеялся.

— Слово это для тебя было тяжело!

Верно. Он нес меня так, словно я была пушинкой.

— ...и ходишь ты словно волк! — продолжал Вильх, но уже не улыбался. — Так что,

Гарейн, это тебя явно потрясло. Зачем ты это продолжаешь? Нужно было еще там закончить. И не оглядываться.

— Так давайте с этим быстрее покончим, — сказал первый голос без эмоций. — Никакой радости в этом нет.

— Ага, — сказал Вильх. — Гарейн, это твое задание. Выполняй.

— Не могу.

Я закрыла глаза под повязкой, радуясь этим словам, но счастье был недолгим. Вильз проигнорировал отказ.

— Таков закон, Гарейн. Нарушителей убивают.

— И я это знаю, — яростно парировал Гарейн. — И... не могу.

Первый голос зазвучал недовольно.

— Гарейн, если ты снова так поступишь...

Гарейн возмутился:

— Я *не* повторю ошибку, Брант, не думая, что я делаю это ради себя! Смотрите! Смотрите дальше костра. Какой закон, смотрите, что меня остановило!

Молчание, шуршание, все поворачивали головы, чтобы что-то увидеть. Два резких вдоха, Вильх и Брант заговорили прерывисто:

— Белый...!

— Это он? Как?

— Он помешал мне, Вильх. Он прыгнул между мной и ее телом. Клянусь, если бы я не отскочил, он ударил бы меня копытами, или я убил бы его вместо нее.

— Что? — фыркнул Брант, не веря. — Он выпрыгнул из ниоткуда?

— Это не случайность, — резко сказал Гарейн. — Он защищал ее. И все еще защищает, ведь пошел за мной сюда, — молчание, тихий вздох. — Словно он... *выбрал*. Я не мог этого так оставить.

Остальные думали. Я тоже. Вспышка была не из-за смерти. Меня *спас* Руна.

— «Белизною зовет», — процитировал Вильх. — Вот это проблема. Нужно собрать Совет...

— Вильх! — прервал его Брант. — Ты чуешь запах Трота? — он повернулся к Гарейну. — Ты видел Тротов? — спросил он.

— Да. Одного. Он быстро умер.

— Она привела монстра. Белый жеребец, или не он, но девушка — нарушитель, с ней нужно разобраться. Сейчас же, — Брант был непреклонен. — Если это не сделаешь ты, Гарейн, это сделаю я. Конь не пострадает. Я не промажу.

Я не успевала отреагировать. Послышались шаги, рядом засвистела сталь, скользящая по коже ножен. Руна тут же оказался рядом. Топот копыт прозвучал у моей головы.

Вильх сказал:

— Убери меч, Брант!

— Почему это? — процедил Брант. — Неуловимый жеребец оберегает ее, как собака! — я не слышала, чтобы он спрятал оружие. Я едва дышала, прикусив губу изнутри, чтобы держаться смирно.

— Но все ведь не просто так, Брант, — ответил Вильх. — Если ее избрал жеребец.

— Избрана она лишь на словах. Законом мы охраняем лошадей, — заявил Брант. — Нарушители границ не должны выживать.

Гарейн вздохнул, но Вильх возмутился:

— Но это *белый* жеребец. А это всего лишь девушка!

Воцарилась ужасная тишина, словно одна девушка могла быть опасной. Вильх заговорил:

— Если не знаем, развяжем ей руки и толкнем в сторону Тиры.

— И она приведет в город тьму? — фыркнул Брант. — Покажет им путь? А если конь пойдет за ней? Появится в Тире? Подумай, что потом случится! Эти места заполнят браконьеры, они всех украдут.

Тишина. Моя кровь застыла. И без дара было понятно, о чем они думают: лишить ее глаз, и она не найдет пути назад.

— Тогда особого выбора нет, — слова Вильха падали, как камни.

Молчание, а потом Гарейн мрачно сказал:

— Я все сделаю. Иначе снова возникнут смятения, — он повернулся ко мне. — Прости, — добрые слова звучали холодно. Но Брант снова заспорил, отойдя в сторону.

— Нет. Закончим. У меня уже нет сил. Я тебя понимаю, Гарейн. Конь, девушка. Да мы ничем не лучше Тротов.

— И? Отпустите ее, но... ослепите? И хватит смелости? — возмущение росло. Я сглотнула комок, задержала дыхание.

— Нет, Вильх, я этого не хочу. Она не может уйти.

Не уйду! Но я должна, пощады не хватит. А в воздухе появился новый запах, а слегка повернула голову, вдыхая. Приближался рассвет, я тратила время. Я уже потеряла ночь. Я должна вернуться на поляну Брен, и быстрее, но сбежать не выйдет. Я только с путами на руках буду бороться часами, а у них есть лошади и мечи...

— Она проснулась, — вдруг сказал Вильх.

Шум, руки схватили меня за плечи. Меня заставили сесть, спиной прижали к камню, меня окружили вплотную люди.

— Ты! — голос Бранта стал жестче. — Что ты слышала? Что успела увидеть?

— Ничего! — выдохнула я, выплевывая изо рта край капюшона. — Я...

Гарейн перебил меня.

— Ты смотрела с холма, следила.

Пальцы крепче вжались в плечи. Вильх и Брант склонились еще ближе. Пахло лошадьми, кожей, землей. Я чувствовала их энергии, она покалывала пальцы, наполняла вдохи. Двойная энергия была сильной, но не такой шокирующей, как всегда. Я чувствовала, что за этой энергией стоит история, что может потрясти, жестокий конфликт. Дыхание ускорилося.

— Скажи, что ты видела, — потребовал Брант.

— Я не видела вас! — закричала я, сжавшись. Из-за прикосновений в голове вспыхивали картинки: стая воронов кричит на пустом небе, дым над деревьями, суета, невинные люди втянуты в ужасающий бой. Их лица оказывались перед моими глазами, ужасающий вид испуга...

Гарейн закричал:

— Не нас! *Их!*

— Их? — выкрикнула я, не подумав. — Пожалуйста! Вы слишком близко! — перед глазами вспыхнули острые зубы Тротов, я подскочила. Крики, люди кричали, убегая. Мечи, кровь, копыта, рев огня. Люди на спинах лошадей, Всадники, взмахивали оружием. Троты были как серые мотыльки, они нападали на тела, цеплялись за горла животных и людей, им

было все равно. В воздухе пахло кровью. — Это слишком! — всхлипывала я. Не знаю, что я им рассказала, но такие видения были невыносимыми.

Меня отпустили руки. Они отстранились, и я упала на бок. Я убрала из-под щеки плащ, и твердый камень впился в кожу, возвращая меня из тьмы.

— Это магия? — осведомился Брант. — Она одержима?

— Нет, — Вильх говорил с восхищением. — Это не одержимость, это *Взор*. Она видела нашу битву, что была семь дней назад, она перечислила все, что там случилось. Даже не верится, но это из-за нашего прикосновения? Тогда скажи... — рука Вильха легла на мою щеку, принося новые картинки. Я услышала ругань Гарейна, когда с губ сорвался мой крик.

Руку резко убрали от лица.

— *Хватит!* — вмешался Гарейн, он пошел прочь.

Вильх дернулся, но Брант зашипел:

— Пусть идет.

— *Белый конь избрал* девушку, теперь у нее оказывается *Взор*...

— Это все слова, Вильх, может, простое совпадение. Не нужно сразу так радоваться.

Меня снова коснулись руки, но в этот раз осторожнее. Меня заставили отвернуться от камня, убрали волосы с лица.

— Смирно, — потребовал Вильх. — И ты не страдаешь.

Но я пятилась, боясь его, боясь видений, он убрал капюшон и снял повязку с глаз.

— Вот так, — сказал Вильх уже мягче. Он сел, глядя на меня. Брант присвистнул.

— Может, это и остановило Гарейна.

Но Гарейн уже вернулся и с яростью парировал:

— Лишь раз я повелся на красоту, — он оказался передо мной, ведя себя жестоко, словно хотел доказать свои слова. — Говори! Зачем ты здесь?

Я шурилась в лучах утреннего солнца, мне было плохо из-за Взора, а передо мной были трое мужчин. Вильх и Брант сидели близко, разглядывая меня, Гарейн стоял, но не смотрел на меня. Вильх был светловолосым, в отличие от Бранта, зато Брант был старше их двоих, все они были красивыми, хотя это именно они начали причинять мне вред, заставляли оправдываться.

— Вы... Всадники, — сказала я, с трудом веря в это. Я закрыла глаза, слабо говоря. — Это невозможно. Вы слишком молодые.

Вильх неожиданно и дружелюбно рассмеялся.

— И это говорит та, что слишком мала еще, чтобы ходить по лесу в одиночку, — Брант зашипел, и он продолжил спокойнее. — Я не подозреваю тебя, но это не значит, что меня можно обмануть.

Тишина, я слышала лишь свое быстрое дыхание. Боль, что я чувствовала у Гарейна, теперь усиливалась болью всех Всадников.

Всадники. Я заставила себя открыть глаза.

— Я шла к вам, — я не помнила, что хотела сказать им, в голове все еще были люди и деревья. — Моей деревне нужна помощь... Троты.

— Троты! В твоей деревне? — фыркнул Брант. — Это невозможно. Мы семь дней назад сражались с ними. Они не могли так быстро собраться.

— Не сейчас! — меня подташнивало. — Но они придут.

Вильху стало любопытно:

— Почему они отправили сюда юного представителя?

— Они не спрашивали, — и я добавила. — Не такая я и юная.

Это не слышали.

— Не спрашивали? Сама вызвалась?

— Ты одна? Тебя заставили?

Не вопросы, а обвинения, я к такому не привыкла и не могла ответить сразу. Голова кружилась. Я легла на камень, чтобы чувствовать его холод, услышала нетерпеливые возмущения Гарейна. Как они могли сражаться? Как могли махать оружием, нападая так же яростно, как и Троты?

— Ей нужна помощь, — Брант. Я видела его сквозь туман, кружащийся в голове. — Руки не стоит связывать. А вот плащом ее оберните, ей явно холодно. Я принесу попить.

Боль, смерть, страх. Хуже всего страх.

— Вот, — Вильх появился вместо Бранта. — Я тебе помогу.

Я вздрогнула, он снова схватил меня за плечи.

— Ваша... битва, — слова с трудом удавалось выдать, он усадил меня. — Это ужасно...

— Такие они и есть, — спокойно ответил Вильх. Он боролся с узлом на путях. — Твой конь, — сказал он, кивнув на Руну, — тревожится. Слышала, как он копал землю?

— Он не мой, — выдохнула я.

— Уже твой, — прошептал Вильх. — Лошадь выбирает всадника. Хотя это... неожиданно. Вот. Развязал. И прости за это, — он коснулся моего запястья. — Мазь поможет от следов...

Мне было плевать. Я отстранилась и прижала руки к вискам. Зубы стучали, тело содрогалось. Я скорчилась на земле.

— Голова. Не могу ее очистить.

— Брант! — позвал Вильх. — Гарейн!

— Вот, — голос Гарейна оказался рядом. Я попыталась открыть глаза, думая, смотрит ли он на меня. Он чем-то обернул мои плечи, чем-то легким и уютным. Его плащ. — У нее шок, — Гарейн повернулся к Вильху, который склонился к нему. — Ей нужно согреться.

Он коснулся рукой моей шеи, поправляя плащ. Я вскрикнула, он убрал пальцы. Но не смотрел мне в глаза.

— Это поможет, — вернулся Брант. Он подвинул меня спиной к камню, а потом дал мне чашку, помогая прижать ее к дрожащим губам, заставляя меня пить. Я не могла похвастаться грацией, но смогла проглотить.

Я ничего подобного еще не пробовала. Напиток напоминал теплое молоко, насыщенный и успокаивающий, но была какая-то пряность, которую я не узнавала, что-то сладковатое, но и острое, что придавало аромат. Я отобрала чашку из рук Бранта, желая больше этого напитка. Он скользил теплом по телу, замедляя дрожь, прогоняя туман и успокаивая дыхание. Я выпила все.

Вильх и Гарейн отошли и смотрели на меня. Вильх смотрел. Он вытер краем плаща напиток, пролившийся мне на подбородок.

— Лучше? — улыбнулся он, голос успокаивал.

Я кивнула. Я даже смогла улыбнуться в ответ, скользнуть взглядом по всем, кто оказался гостеприимным к нарушителю. Успокоившись и забыв о бое, я чувствовала их энергию. Хорошую энергию. У каждого были свои победы и горести, но энергия была хорошей. Это меня удивило, я их не боялась. Брант ощущался серьезным, Вильх —

сладковатым, и Гарейн что-то прятал за гневом.

Он проявлял нетерпение, когда Вильх склонился ко мне, фыркнув:

— Если ей стало лучше, может, *вежливо* спросим ее, что она здесь забыла?

Помощь закончилась. Я отставила чашку и прочистила горло.

— Я искала вашей помощи, — и вспомнила, — у меня есть знак...

— Знак? — хором спросили они. Всадники тут же приблизились, ожидая.

— В сумке. Вот, — это все докажет. Я сбросила с себя чужую накидку. Я начала открывать сумку, но Брант схватил меня за руку, забрал сумку и вытащил из нее розовый флаг из-под свертков с едой, расправляя ткань. Они молчали. Они были в растерянности.

— Это, — сказал Гарейн холодно, — должно висеть на рябине в долине Брен. Ты не должна так далеко заходить. И ты это знаешь.

— Я не хотела идти дальше, — осторожно ответила я. — Это все Трот, — и я вкратце пересказала встречу и бой в долине Брен.

— Лисы сказали тебе бежать к холмам? — Брант не верил.

— Ты забыл, кто говорит, — ответил за меня Вильх.

— *Может*, — возразил Брант. Он смотрел на флаг. — Может, ты и из Мерит. И ты вызвалась?

— Нет. Меня... призвали. Я призвана для этого.

Всадники повернулись ко мне. На миг на меня смотрели их глаза. И тут я поняла, прошептав:

— Мой знак... — я отвернулась и вытащила его из-за лица платья, показывая им три перышка. Я положила то, что принес мне сокол, на камень, чтобы они посмотрели, добавила два других, как доказательство.

В слабом утреннем свете перья не казались особенными, они были простыми, коричневыми, чуть растрепанными из-за соприкосновения с моим телом. Всадники не смеялись. В притихшем лагере послышался новый шепот.

Издали слышалось:

— Призвана, точно.

— Жаворонок.

Шептались Брант и Вильх, Гарейн молчал. Он легонько коснулся первого пера загорелым пальцем. Оно немного подвинулось, поймав на себе луч солнца.

— Ты Ларк, — он, заговорив, обернулся и посмотрел на меня.

Сквозь меня.

Вильх и Брант отступили. Или просто на миг исчезли для меня из виду. А я, похоже, прошептала:

— Это я, — но я не помнила точно. Помнила лишь цвет его глаз — их зеленую глубину шалфея, золотистые прожилки пылали в ней.

Становилось светлее, свежий ветер приносил аромат сосен и эвкалипта. Ветерок играл с каштановыми волосами Гарейна.

— Ларк, — повторил он, глядя на меня. И улыбнулся.

Как в моем первом сне.

К разгару утра мы прошли два огромных холма Тарнека. На лошадях было быстрее.

Платье не позволяло мне сидеть на лошади так, как это делали они, и я свесила ноги на одну сторону, прижавшись к груди Вильха и безумно улыбаясь от страха и радости первой поездки на лошади. Я цеплялась пальцами за край его седла. Брант следовал за нами, Гарейн ехал впереди.

Мы направлялись на Совет, что, как мне сказали, напоминал Собрание. Я ожидала, что меня свяжут, ведь я нарушила запрет, потому не сопротивлялась. Мне нужна их помощь, и я буду просить ее там. Всадники были решительными, но я не чувствовала страха рядом с ними. Тем более, они поклялись мне, что не позволят Тротам уничтожить Мерит. Пусть меня накажут, зато хоть это будет правдой.

Не в моей привычке идти навстречу неизвестному, но я должна была закончить задание. Я нашла Всадников. Я больше не была связана с призывом.

Мы ехали легким галопом, и плащи — это лучше чем бороды, я улыбнулась, — развевались за нами. Я знала, что Руна идет следом. Вильх, видимо, не врал, когда сказал, что лошадь выбирает всадника, Руна не отходил от меня. Я разглядывала каштановую кобылицу Вильха и черного гиганта Бранта, думая, почему их выбрали именно эти лошади.

Вильх сидел на спине лошади и казался ее частью. Хватило нескольких слов, чтобы лошади повели нас домой. Когда я спросила, почему так, Вильх сказал:

— Лошади сами выбирают, это их инстинкт, это рождает сильную связь. Всадники защищают холмы от браконьеров, что нарушают законы природы, — и он добавил. — Значит, Руна? Хорошее имя.

Жеребец Гарейна был дымчато-серым.

Парень из сна не обращал на меня внимания. Он вручил меня, почти толкнув, в руки Вильху, и теперь я видела лишь его спину впереди. Я не могла отвести взгляда. Сильная и прямая спина. Гарейн склонился чуть вперед, опустил голову, ветер сдувал волосы назад. Пару раз он оглянулся, и линия его щеки что-то пробудила во мне. Я не могла совладать с собой. Я не могла отрицать силы его улыбки. Его губы сейчас были сжатыми, но я видела, как его лицо просияло, когда он назвал мое имя, словно он сделал великое открытие, словно справился с какой-то проблемой.

А теперь свет угас на его лице, закрылся за какой-то болью. Узнав меня, он отвернулся, не позволяя заглянуть в его мысли, не позволяя улыбнуться. И я могла лишь зачарованно смотреть.

Мы ненадолго остановились, когда солнце достигло пика. Меж деревьев тек небольшой ручеек, ниспадая с вершины холма, куда мы еще не добрались. Вильх помог мне слезть с лошади, привел меня к воде и усадил, чтобы я могла попить и потянуться, пока Всадники направляли лошадей на их полянку для отдыха. Руна остался со мной. Я пила пригоршни воды, Руна не отставал, пуская пузырьки белым носом в воде. Он поднял голову и фыркнул, холодные брызги упал мне на шею, я рассмеялась. За Руной было видно Гарейна, но тот специально отвернулся.

Брант предложил мне их еду: холодное мясо и овсяную лепешку. Я поблагодарила его, но отказалась, и он вернул остатки моей еды — кусочки сыра и хлеба, которые тщательно завернула Эви. Пока я ела, я разглядывала свой фартук цвета мха, стряхивая крошки с красиво выкрашенной ткани. Я вспомнила слова Эви, что такой цвет поможет мне укрыться. Теперь я в этом не нуждалась.

— Уже недалеко, — сообщил Вильх. — Мы прибудем еще до наступления ночи.

Я кивнула.

— Ты не ела с нами? Ты такое не любишь?

— Вы не рассчитывали на четверых. Я не буду брать вашу еду.

— Ах. Ну, скоро ты сможешь удобно отдохнуть. И о твоей ноге позаботятся.

— Спасибо.

Он оглядел меня.

— И о запястьях.

— Спасибо.

Вильх улыбнулся и склонил голову.

— Хмм. Внимательная, слишком вежливая, немного робкая.

Ничего нового он не сказал, но я покраснела.

— Хотя уже не робкая. Тебе ведь хватило смелости забраться так далеко от Мерит, — он смотрел, как краснеют мои щеки. — Побайваешься нас, видимо, да? Но это логично, мы ведь тебя запугали всем этим.

— Чем этим? — я пыталась спрашивать прямо, он не ответил.

Вильх обернулся, улыбка угасла. Он смотрел на свою лошадь, что спускалась с холма с тревожным ржанием. Другие кони тоже следовали за ней, выпучив глаза. Я повернулась к ручью и вскрикнула, поняв, что вызвало их страх.

Ручеек разливался.

Вода резко ударила, с плеском разбиваясь о берег, свет мерцал на поверхности ручья. Вильх вскочил на ноги, протянув руку. А холм над нами скрылся за огромным потоком воды, что обрушивался на нас. Я слышала крик Гарейна, чтобы я стояла на месте, но я не смогла. Поток врезался в меня, Вильха и Руну, берег исчез под водой. Вильх был быстрее. Он поймал меня за рукав, на миг он смог меня удержать, но рукав оторвался, и я уплыла, подхваченная потоком, вода заливалась в рот. Я не умела плавать так хорошо, как Эви, но даже она не смогла бы тут выстоять, ведь бушующий поток бросал в стороны, я потерялась в этой воде. Я не понимала, где остальные.

Меня спасло дерево. Я ударилась животом о ствол. От столкновения из легких с кашлем вырвалась вода, ветки вцепились в мой фартук и мое платье, удерживая меня, пока я не обхватила дерево руками, зацепившись за ветку локтем, чтобы меня не смыло потоком.

Вода внезапно отступила. Волна взорвалась, как пощечина, и исчезла. Все произошло за три вдоха.

Я соскользнула на землю, не шевелясь, мокрые волосы и одежда обвисли, я искала взглядом Гарейна и Бранта... вода до них не достала. Они были готовы напасть: мечи в руках, лезвия занесены высоко, словно они могли сталью успокоить воду. Но сражаться было не с чем. Вокруг снова стояла тишина, с деревьев капала вода, я громко кашляла. Камешки и куски земли падали в кривой след ручья, что стал теперь в четыре раза шире, вода тонкой струйкой текла в центре. Всадники переглянулись, посмотрели на меня, на мое печальное состояние, я впивалась руками в землю, чтобы удержаться за нее. Я безмолвно смотрела на них.

— Вильх! — закричал в тишине Брант.

— Здесь! — донесся крик издалека. — И Руна со мной.

Гарейн спрятал меч, ударив им по поясу. Он с Брантом спешил по склону холма, он подхватил меня, помогая опереться на здоровую ногу, удержаться за лошадь Вильха. Они делали это спокойно, словно ничего страшного не случилось, хотя на лбах их блестел пот, Гарейн был бледным. Его рука согрела меня, он отстранился.

Я обрела голос.

— Ч-что это было?

Брант тут же сочинил отговорку.

— Вот, — он похлопал меня по плечу. — Немного промокла. А так ты в порядке.

Но это было не так.

— Так и говорил Харкер.

Его бодрость быстро исчезла.

— Что?

— Прошлым утром в деревне Данн. Старик проходил через нее, — зубы стучали, наверное, от холода. — Провидец. Он сказал, что мир страдает, что его трясет...

— Провидец сказки рассказывал? — перебил меня мрачный Гарейн. Он передал мне свой плащ.

— Не сказки! Он говорил правду. Он говорил о суете природы. Поток на это похож? Вчера содрогалась земля, когда я была на болотах, — это было только вчера? Казалось, это было вечность назад.

— Далеко. Что еще?

Я не рассказала ему про сон, про книги или девушек, про страдания Харкера. Я покачала головой и спрятала лицо в плащ Гарейна, после этого завернувшись в него. Он пах им, слабым запахом можжевельника. Раздался шум, мы посмотрели на Вильха, что взбирался на холм с Руной, одной рукой держась за гриву лошади, другой — за свой бок.

— Тому камню не понравились мои ребра, — сказал он нам с тенью улыбки, приблизившись. — У Руны длинный порез, но не глубокий. Это не повлияет на его скорость.

Руна подошел ближе, нюхая мои волосы и рукав, чтобы оценить мое состояние. Я обхватила его рукой за шею, коснувшись пальцами его раны. Вильх был прав, она была неглубокой. Брант шептался с другими Всадниками.

— Они играют с нами.

— Только играть и могут, — сказал Гарейн с горечью. — Пока что.

Вильх подошел к Всадникам.

— Не только играют, — прошептал он, оглянувшись на меня. — Они следят.

— *Кто* следит? — я поежилась, представив Тротов, и склонилась к теплому Руне.

Брант не ответил, заговорив с ними еще тише:

— Ты так думаешь, Вильх. Мы не знаем.

Вильх вскинул брови.

— Может, так и есть, — они спорили, не отпуская рукояти мечей.

Я осталась с Гарейном, что все же посмотрел на меня.

— Кто *они*? Троты? — спросила я.

— Никто.

Словно такой ответ меня убедил бы.

— Это было не ничто.

Он напрягся.

— Ты в безопасности с нами.

— Наверное. Но я не об этом спрашивала, — я вела себя так же грубо, как он, глаза его были холодными, он держался замкнуто, чего не было в моменты страха, я же хотела добиться его улыбки или хоть какой-нибудь другой реакции. Наконец, я сбросила его плащ и вернула ему.

Гарейн замер на миг, но едва заметно кивнул, забрал плащ и ушел.

Солнце начало спускаться по небу, лошади добрались до края широкой равнины, дальше простиралась покрытая травой и обрамленная камнями долина.

— Дом, — сообщил Вильх.

Я смотрела с высоты нашего седла.

— Дом? — чему он радовался? Изумрудный простор был красивым, но здесь не было ни домов, ни палаток, ни хижин. Может, они жили в пещерах?

— Маленькая Ларк, — тихо рассмеялся Вильх. — Не внизу. Смотри туда, — он указал на что-то за долиной.

Сэр Фаррин говорил, что Всадники хранят секреты. Я ошиблась, подумав, что это только лошади.

Каменные строения росли из пропасти, что разделяла долину пополам. Лес башен торчал из трещины, здания, казалось, росли из земли.

Вокруг этого строения раскинулись широкие поля зелени, деревья и лес. Деревья были уже не соснами и эвкалиптом, но дубами, каштанами и березами. Сосны были лишь вдали на склоне, возвышаясь, как шапки. Среди зелени могли уместиться домики. Даже издалека я заметила овец и другую живность, что усеивала траву у владений фермеров. За ними виднелись фруктовые сады. Горы Мир возвышались на севере Тарнека, они не отбрасывали на долину тень.

Вильх улыбнулся, увидев выражение моего лица.

— Такой вот пейзаж. Это Тарнек.

— Никогда не видела такие просторы, — сказала я восхищенно, глядя на флаги на верхушках башен. Королевство. На утесе расположилось целое королевство, огромное и заполненное.

Энергия крутилась во мне, не страх встречи с незнакомцами, а предвкушение. Я оглянулась на двух других Всадников. Они тоже выглядели радостными, и мне захотелось войти в это королевство. Даже Гарейн расслабился.

— Идемте! — направил всех Брант. — Мы еще не на месте!

По равнине добраться до Тарнека было невозможно, и мы шли по узкой тропе, высеченной в утесе, сорвавшись на галоп, едва мы попали в долину. Гарейн быстро обогнал нас, мчась на бешеной скорости, Вильх и Брант пустили лошадей бежать свободно, я цеплялась за седло, едва дыша.

Нас заметили дозорные. Мы были на полпути, я заметила трех мужчин на лошадях, что направились к нам от крепости. Вильх перекричал топот копыт:

— Трое наших братьев. Теперь тебя поведет домой половина Всадников.

Я нахмурилась. Слова добрые, но странные. Это не мой дом.

Приветствие тоже не было дружелюбным. Трое новых Всадников встали на пути.

— О! Вильх! Что ты принес? — раздался крик, пока мы приближались.

— Эй, все в порядке! — отозвался Брант, я застыла. Он много говорил со мной после потопа, но ни разу не сбавил серьезности.

Гарейн добрался до них первым, пожав в приветствии руки. Я слышала его голос, пока мы приближались.

— Осторожно. Не толпитесь вокруг нее.

Всадники строго и пронзительно смотрели на меня, Руну, Гарейна, опять на меня, но

уже с подозрением и любопытством. Впрочем, неудивительно, ведь я была нарушителем, покрытым иголками сосны и грязью, в застывшей высохшей одежде. Я услышала шепот:

— Опять? — а потом его заглушил крик Бранта:

— Ларк, знакомься. Это Тэран, Дартен и Карг. К твоим услугам.

Всадники оставались на месте, но склонили головы. Издалека я не чувствовала их истории, только их энергию — что-то, пустившее корни в землю, но податливое, как трава под ветром. Они были мощными, разного возраста, хотя все были младше, чем я представляла. Карг был блондином, остальные — темноволосыми. Глаза — синие, карие, ореховые, все выглядели приятными. Ни у кого не было каштановых кудрей и глаз цвета шалфея, как у Гарейна.

— Как? — спросил Тэран, сверля меня взглядом.

Гарейн молчал. Брант фыркнул:

— Позже. Ведите нас домой.

Пауза, молчание, пока Всадники ждали. Гарейн покраснел. Взгляды скользили по нам. Брант недовольно сказал:

— Все хорошо. Я так думаю. Я в ответе.

— Ладно. После вас, миледи, — отозвался Дартен, махнув рукой, указывая Вильху ехать вперед.

Тэран ехал первым, Вильх — за ним. Остальные следовали за нами, говоря, видимо, обо мне, но я их не слышала. Я застыла, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Мы продвигались все дальше. Крепость была окружена высокими стенами. Утес закрыл ее, а потом она вновь появилась, став еще внушительнее. Окна, бойницы, огромные камни, все это тянулось, сколько хватало взгляда, казалось, что это вот-вот обрушится на нас. Я задержала дыхание.

Вильх почувствовал мою реакцию. Он коснулся рукой в печатке моих ладоней, сжимавших седло.

— Добро пожаловать в Тарнек, — сказал он.

8

Не хватило бы слова «гостеприимность», чтобы описать наше прибытие. Многие выбежали через ворота, когда мы вошли во двор — стражи, конюхи, мужчины и женщины разных рангов и в разной форме. Я молчала, а толпа собиралась, я ожидала натиск вопросов. Но стоял лишь приятный гул разговоров и топот ног. Вильх помог мне спуститься, а внизу меня подхватили двое слуг, и их прикосновения не вызвали неприятных видений. Я не знала, что поразило меня сильнее: спокойствие, что я чувствовала среди обитателей замка, или само невероятное здание, кажущееся ненастоящим. Я оглянулась на Всадников — Вильха, Бранта и Гарейна. Они спешили, смеясь, и отдали лошадей в уверенные руки конюхов. И хотя его никто не вел, Руна послушно последовал за остальными, повсюду слышались вскрики при его виде. Белый конь, как я поняла, был известным.

Я не знала, обсуждали ли меня. Меня увели в замок Тарнек, в противоположную сторону от места, куда направлялся Гарейн.

Я надеялась, что это ничего не значит.

Видимо, большой размер замка показывал, что и проблемы здесь решаются важные, и я никогда не видела такого огромного здания. Одни ворота были в два раза больше, чем наш

дом. Потолок терялся в тенях, каменные полы вели через арки проемов, что вели к тайнам. Меня вели, пока я разглядывала все детали, по просторным залам, полным гобеленов на стенах в комнату, где мы остановились.

Комната была простой, с минимумом мебели, но милой. С потолка свисала люстра с пухлыми свечами, полы были покрыты шерстяными зелеными и синими коврами. Напротив большого камина была широкая кровать, у двери стояло зеркало. Кресло и пуфик купались в солнечном свете, что проникал через приоткрытые ставни и небольшой дверной проем на другой стене. Он вел в сад, где плющ обвивал камни, а цветы наполняли воздух сладким ароматом.

Я глубоко вдохнула, чувствуя тишину и умиротворение комнаты, но лишь на миг, а потом нас окружила шумная толпа слуг. Информация по замку разносилась быстро.

— Шевелитесь! Она здесь! — слышалось в коридорах, слуги принесли сидячую ванну, ведра, одежду, еду, множество мыл, полотенец и губок. Мне дали чашку сладкого чая, из волос вытряхнули сосновые иголки, покрыли мазью натертые запястья, а на одежде развязали шнуровку, раздев меня. Две девушки с любопытными взглядами сновали по комнате, набирая в саду из пруда воду. Все делалось так быстро, что я едва могла за ними уследить, не понимая, почему меня не захлестывает их энергия.

Было слишком красиво, а они были слишком добры. И все это не соответствовало моему статусу. И я заговорила достаточно громко, чтобы они замерли и послушали меня:

— Это все ошибка. Я — нарушитель, которого Всадники привели с холмов, — я скривилась от своей честности, ожидая себе подземелье с темницами, а не эту роскошь.

Полная женщина с румяными щеками расплетала мне волосы. Она улыбнулась мне.

— Мы приветствуем всех, кто добирается до замка.

То есть, если тебя не убили в окрестностях, как поступали с нарушителями, то тебя приветствовали? Я уставилась на нее. Я бы почувствовала ложь через ее прикосновения. Но она говорила правду.

— Но как же Совет? Меня привели для этого.

— Совет будет вечером, — сказала женщина. — Тебе нужно отдохнуть и исцелиться сперва.

Ее звали Найла. Она представилась моей помощницей и ловко управлялась с моим прибытием. Там поставили подносы, здесь легли полотенца, она помогла мне пройти в ванную, шикнув на девушку, что указывала на мое плечо, и весело спросила:

— В холмах тебя нашли?

Я едва успела кивнуть, на меня вылили ведра воды, теплой воды.

— Пруд нагревается, потому что под ним кухня, — объяснила Найла, а потом окинула взглядом мои волосы. Я сдалась их помощи. Я боялась рынков, где вокруг было слишком много людей, но здесь их прикосновения не показывали ничего, я лишь ощущала спокойную энергию, пока они натирали меня мылом и маслами, что пахли незнакомо, но заманчиво.

— Кольрай и эльспен, — сказала Найла, когда я пробормотала что-то про запах. — Их добавляют в воду. Пар пропитан их ароматом. Некоторые растут в саду, — она попросила меня поднять руки и принялась оттирать локти.

Я смотрела, как девушки носят воду, бегая по дорожке к широкому пруду. Сад был огромным, и замок окружал его. Темно-зеленую поляну окружали белые цветы, отдаленно похожие на розы, они обвивали колонны, что окружали сад. Плющ и самшит покрывали камни на стенах. Не так я себе это представляла. И в пути ничего подобного не встречала.

Когда меня, наконец, отмыли после трехдневного путешествия, меня вытерли полотенцем, нагретым на солнце, и помогли вылезти из ванной. Другие слуги унесли ведра, пока Найла подняла одежду, лежавшую на кровати.

— Это для сна, — сказала она, я зевнула и оделась. — Теперь сядь у окна и что-нибудь съешь, пока я буду работать с твоей ногой.

Они успели принести жаркое, твердый сыр и хлеб. Были и фрукты, пирог с сахарной пудрой. Я села с пригоршней черники, еще не расслабившись, но уже сонная, а из сада доносились ароматы цветов, лучи солнца касались моего лица, пока Найла опускала в медную миску, вода в которой была нагрета в камине, узкие полоски ткани. Она добавила туда две настойки, и вода стала темно-лиловой, когда они смешались. Воздух заполнил насыщенный аромат. Какие-то травы и темные цветы, я помнила их раньше, но сознание ускользало от меня.

— Очиток и тимьян, — сказала Найла, заметив, что я хмурюсь. — Из-за жара проявляется их сила.

— Жар проявляет силу этих трав, — сонно отозвалась я. — А пар — запахи колья и эльспена. Что еще?

Помощница рассмеялась и указала на красивые цветы, обвивавшие колонны.

— Запах колокольчиковых роз. Успокаивает и исцеляет.

Найла выжимала одну полоску ткани за другой и обвязывала мою лодыжку. Они были теплыми, я почувствовала, как глубоко в ноге начало покалывать. И чуть не подпрыгнула.

Найла кивнула.

— Началось исцеление, — и кивнула еще раз, когда я зевнула. — И чай подействовал. Тебе нужно отдохнуть.

Я успела сказать Найле, когда легла, что словно очутилась на облаке. Солнечный свет проникал сквозь зеленые листья, на белом одеяле появлялись узоры тени, ветерок менял их, направляя в комнату ароматы из сада...

— Погодите! — сказала я, сев, когда услышала, что она собирает вещи. — Вода, огонь и воздух, о них вы сказали. Но где же сила земли?

— С землей все не так просто, — ответила Найла, замерев у двери. — Она питает нас изначально, как и мы питаем ее.

— Не понимаю.

— Разве? Не понимаешь? Это же цикл: растения из земли исцеляют нас. А мы потом остаемся ей. Как мы будем относиться к земле, так и она будет помогать нам.

— Помогать чем? — прошептала я. — Что мы можем ей дать?

Я едва расслышала ответ.

— Заботу и любовь.

Мне снился дом. Снилось все, что я люблю: запах срезанной травы, цветущей сирени, холодный нос Рилега. Мне снились теплые объятия бабушки, смех Куина, взгляд Эви. Снизась улыбка Гарейна.

А за ними другая, ужасающая улыбка, что затмила все — черный провал, что с жадностью прошептал:

— Вот ты где... — я проснулась с криком.

Тени в комнате сгустились, но никуда не исчез запах роз, напоминание о том, как за один день резко изменилась моя жизнь. Сон прошел. Я была не дома. Я медленно села и

обняла руками колени, пытаюсь удержаться за что-то знакомое.

Словно услышав меня, Найла ворвалась в комнату с роскошным платьем.

— Хорошо спалось, госпожа Ларк?

Может, все это очарование исчезнет, если ему сопротивляться? Я строго посмотрела на нее.

— Скажите, я заколдована? Это какое-то заклятье?

Найла рассмеялась.

— Было бы сложно создать все это заклятием, — она кивнула на комнату и сад, имея в виду все королевство. — Это кого угодно истощит, — добавила она. Оставив платье на кресле, она зажгла свечи. Я следила за ней с подозрением, но она вела себя спокойно, выполняя привычные дела, вряд ли это было ложью. Закончив, Найла, уперев руки в бока, взглянула на меня.

— Пора вставать, миледи. Король ждет встречи.

Король. Я раскрыла пораженно рот.

— Но должен быть Совет! Всадников.

— Так и есть. Совет и король. Я уберу повязку с ноги.

Я не двигалась, и Найла сама убрала с моих ног спутанное одеяло и край ночной рубашки.

— Уже засохло, — прошептала она, глядя на повязку. Она вытащила ножичек из кармана и срезала ткань.

— Но *король!* — я представляла себе круг Всадников где-нибудь у костра. — Не нужно! Я просила помощи, но это не значит, что нужно привлекать короля, — да и как нарушитель я была не такой значительной, чтобы звать на встречу короля. Я задумалась, каким сильным должен быть король, как важно должен выглядеть на троне. Он мог поведать через Взор ужасную историю.

— Не двигайся, а то задену кожу, — Найла поддела засохшую ткань и принялась разрезать ее ножиком, пока она не отцепилась от ноги. Она взглянула на меня. — Все хорошо, госпожа Ларк. Вот так. Поешь.

«Все будет хорошо», — так говорила бабушка. Я пошевелила ногой. Боли не было, нога зажила. Я должна была поблагодарить ее, но не могла.

— Очень хорошо, — сказала она. — А теперь нужно одеться, — она прошла к креслу и ждала, пока я приду к ней. За всеми этими переодеваниями она не давала мне времени подумать, что происходит.

— Хороший цвет. Взгляни в зеркало и скажи, что думаешь, — Найла повернула меня к зеркалу, пока застегивала пуговицы. Я видела себя в полный рост. Силуэт освещало мерцание свеч, а отражение из-за этого золотого блеска было сказочным. Волосы длиной до талии, хмурый вид, кожа, чуть загорелая в пути, теперь мерцали. Даже карие глаза отражали золотое сияние. Я покраснела и перевела взгляд на платье. Оно было цвета мха, корсет украшали заплетенные ленты, пришитые золотыми и медными нитями, а юбка и рукава были бархатными. Найла быстро управлялась с пуговицами на спине.

Я удивлялась, что это платье прекрасно село, да еще и было любимого цвета. Но служанка пожала плечами, работая за моей спиной.

— У нас есть вещи для гостей. Я сделала верный выбор? Тебе идет.

— Повезло, что у вас так заведено.

Найла застегнула последнюю пуговицу. Я чувствовала по ее прикосновению, что она

улыбается.

— Это не заклинание, — сказала она, легонько похлопав меня по плечу. — Все так, как ты это видишь. Идем. Тебе нужно в зал.

Коридоры освещали факелы в железных подставках, что висели над гобеленами. Я считала их по пути, но после тридцати мне надоело, ведь было на что посмотреть, кроме них. В камнях поблескивали вкрапления оникса и слюды, я касалась шершавых кирпичей, их гладких участков. Ладони коснулись края гобелена, шелковые и шерстяные нити переплетались на мягкой ткани. Я купалась в тепле, я чувствовала время. Гобелен хранил историю, древнюю и глубокую.

Не знаю, как долго мы шли, сколько раз повернули, но путь был далеким.

Вдруг мы оказались перед огромными дверями из полированного дуба, на которых была замысловатая резьба — завитки лоз, листья, фрукты, потемневшие от времени, от многих лет полировки. Стражи потянули за них и открыли их перед нами.

Я вскрикнула.

Золотое сияние тысячи свеч заливало огромную комнату теплом. Еще больше гобеленов, что размером могли сравниться с моим домом, висело на стенах, поблескивая в мерцающем свете. И на них запечатлелись истории о фантастических существах, зачарованных лесах, синих волшебных озерах. Алая вышивка мерцала так ярко, что этот цвет мог согреть всю комнату.

Вдоль одной стены расположились деревянные стулья — их было шесть, все были уникальными и пустыми. В комнате больше не было ни людей, ни мебели. Так я думала, пока взгляд не устремился еще дальше, где ярко горели два камина, а между ними стояла группа людей — видимо, Всадников, ведь их было двенадцать — четверо из них были женщинами.

Гарейн стоял с ними, я сразу его узнала. И была еще одна фигура — высокая, худая и с белыми волосами, что сидела в дубовом кресле в центре на небольшом возвышении, руки этого человека лежали на чем-то, что он держал на коленях. Я представляла зрелище страшнее, но все равно не сомневалась, что это король. Один из Всадников сдвинулся, и я увидела второе кресло. Пустое, как и те стулья.

— Иди, — сказала Найла, улыбнувшись мне. Она отошла в сторону, открывая путь.

На меня смотрели незнакомцы, и сердце сжалось. Еще больше незнакомцев, еще больше историй о кровавых сражениях, и мне станет плохо еще до того, как я смогу сказать, что я — нарушитель, и попросить у короля помощи. Пальцы вцепились в края бархатных рукавов.

— Иди, — повторила Найла. — Тебя ждет Совет.

Она ушла. Двери закрылись.

9

Иди.

Они смотрели на меня. Король, Гарейн, другие Всадники не сводили с меня взгляда, пока я мешкала. И даже на таком расстоянии я чувствовала силу. Хорошую, но такую мощную, что я судорожно хватала воздух.

«Не поддавайся ей, — безмолвно приструнила себя я. И напонила. — Простофиля».

Я глубоко вдохнула и пошла вперед, глядя на пол, пытаясь не думать о том, какой маленькой я казалась в этой огромной комнате.

Гарейн застыл. Я чувствовала его смятение, схожее с моим, знала, что он отводит взгляд, пока остальные смотрят, как я приближаюсь. От его реакции было неприятно, но меня быстро окружила энергия остальных — невероятно мощная, заставившая тело дрожать. Я запнулась снова, но не из-за помутнения, а потому что гудение энергии не затмевало меня. Это было странно, и я споткнулась, не встретив этого сопротивления.

— Подойди ближе, — донесся до меня голос короля, заставляя приблизиться. Я смотрела на пол и поклонилась, думая, что так нужно себя вести.

Он не требовал, но и на просьбу это было мало похоже:

— Я хочу тебя увидеть, — я набралась смелости и подняла голову, взглянув на мужчину на троне.

Улыбка тронула губы короля. И по его бледным щекам паутиной протянулись морщины. Он был старым... нет, он был древним. Его волосы были ослепительно белыми, лишь несколько прядей серого цвета сочетались с его бархатным одеянием приятного серого цвета, словно шерстка зайца. Я разглядывала его. Края одеяния были расшиты серебряными нитями, что поблескивали в такт его дыханию. Руки его лежали на книге на его коленях, на красивом маленьком томике с кожаной обложкой, где был тщательно вырисован круг, книга выглядела древней, но нетронутой. Я вспомнила книги, страшного Харкера в панике. Одна из тех книг лежала на коленях короля...

— Твои глаза, — тихо настоял король.

Я взглянула ему в лицо, его взгляд был пронзительным, а брови — белоснежными. Я поняла связь, ведь у него были глаза Гарейна — зеленые с золотыми прожилками, теплые, цвета земли. Взгляд словно проникал в меня. Но его улыбка меня успокаивала. В ней была печаль и, что было странно, надежда, словно он смог меня узнать.

— Ларк Кэрю.

Полным именем я им не называлась.

— Да.

— Дочь Мелиссы, внучки Хьюм.

— Да, — я задрожала. Откуда он знает?

— Тебе будет семнадцать лет на семнадцатый день после середины лета.

— Да...

— И у тебя есть знак.

Знак. Я покачала головой, сглотнув.

— Нет, простите. Я не помню, что случилось с перьями. Я, должно быть, потеряла их в лесу. Их видели Всадники — Вильх, Брант и Га...

— Я не о том знаке. У тебя есть метка на теле. Метка Равновесия.

И все в комнате задержали дыхание. Я удивленно оглянулась.

— Метка на моей ло... — я сглотнула и заговорила внятнее. — Метка на моей лопатке?

— Метка Равновесия, — повторил король.

— Всего лишь маленький круг. Силуэт. Не такой и необычный. У кузины такая же родинка...

— Но у тебя есть Взор. Связь с земными существами.

Я возразила:

— Она — целитель. И куда лучше...

— Знак. Мы должны его увидеть, Ларк Кэрю, — он даже не давал мне времени возразить. — Илона, прошу.

Молодая женщина отошла от Всадника, в котором я узнала Дартена, и легкими шагами приблизилась ко мне. Ее темно-каштановые волосы были почти такой же длины, как и мои, рубиновое платье сильнее оттеняло их цвет. Она взяла меня за руку с бодрой улыбкой, не передав прикосновением ничего страшного, и подвела меня к королю. Я поддалась и позволила опустить себя на колени, развернуть и убрать с плеча волосы, показать королю и всем метку. Мою метку.

— Она, — прошептала Илона, застегнув пуговицу и поправив рукав.

Родинки были очень важными. Многие считали их, полученные с рождения, направляющими их к добру или к злу. Нам с Эви нравилось, что у нас одинаковые родинки, но мы редко вспоминали об этом, ведь сами видеть их не могли.

«У Рубера Минла тоже была метка», — вспомнила с ужасом я. Не все метки приводили к хорошему финалу.

— Ларк... — сказала Илона, кивнув на Всадников.

Гарейн вышел из группы, переглянувшись с королем. Он явно шел не с приятной целью. Он был тихим и скованным, а голос юного Всадника был полон отчаяния:

— Я должен?

Король ничего не сказал. Гарейн закрыл глаза. Он нахмурился, словно от боли, и мне было невыносимо видеть его таким. Его глаза раскрылись, он сосредоточился на чем-то и медленно подошел к месту, где я стояла на коленях. Я видела, что он не смотрит на меня, что он движется целеустремленно, что на его лице проступает боль, а затем решимость выполнить задание.

Мне казалось, что он вытащит меч.

Я взглянула на Илону. Она покачала головой.

— Всего на миг.

Гарейн оказался рядом, Илона повернула меня плечом к нему. Я повернула голову, чтобы хоть краем глаза видеть, как он вытянул правую руку. У него тоже была метка, на поверхности среднего пальца над костяшкой. Это был крошечный шрам, что был бледнее остальной кожи, — пересечение двух ровных линий. И он прижал свою метку к моей. Осторожно прикосновение, тепло его кожи...

Свет залил меня. Я кричала. Спина болела, а в глазах пылал свет тысячи свеч. Их сияние взорвалось, что-то подхватило меня, какая-то сила, которой я еще не видела. Ужасная боль и тоска пронзила сердце, но ее тут же смыла вспышка солнечной радости. Так было нужно, и это было выполнено.

Я стояла на четвереньках, хватая ртом воздух. Мое движение нарушило связь с Гарейном, и все эти свет, жар и вспышки внутри погасли. Я попыталась встать, но руки не слушались.

— У нее хватит сил? — спросила Илона у короля.

— Да, — ответил он.

Это было ужасно. Я не могла встать и, сидя, смотрела на всех собравшихся. Они стояли смирно с серьезными и удивленными лицами. Я встретила взглядом с Гарейном. Он был потрясен не меньше меня. Лицо его еще пылало от жара соприкосновения, но он казался от этого только красивее. Он светился так же, как и перед тем, как улыбнулся моему имени.

Мой голос был хриплым.

— Что это? Что... случилось?

— Ты пробудилась, Ларк, — ответил король. — Доказала.

Тело покалывало, словно оно было заряжено молнией. Я взглянула на него.

— Что доказала?

— Что ты та, кого мы ждали, — он погладил книгу, и я впервые увидела, как он двигается. И, к моему полному потрясению, он прижал ладонь к сердцу и склонился в традиционном высказывании уважения Мерит. И все повторили за ним. — Добро пожаловать домой.

— Это... не мой дом, — покалывание становилось сильнее. — Я из деревни Мерит, я послана просить Всадников защитить нас от Тротов.

— Мы знаем о твоей деревне. Мы знаем, что там нужна наша помощь, но это мы нуждаемся в твоей помощи.

— Моей? — что это означало? Все вокруг стояли со спокойным видом и молчали, а меня пронзили волны энергии, что становились все сильнее, но не причиняли боль, а придавали сил. — Я не могу ничем помочь.

Король смотрел на меня и ждал, как Всадники тогда, словно я должна сказать что-то важное. А я стояла, стараясь не дрожать.

— Ты хочешь уйти, — сказал он. Явно видел мои мысли.

— Да! Я хочу домой! — дом. Я вспомнила наш домик. Вспомнила бабушку, Эви и Рилега. Волны энергии стали сильнее, она шумела, а я сопротивлялась. Я видела, как тружусь в саду, погружая пальцы в землю...

— Ты этого не потеряешь. Задумайся, Ларк. Доверься себе. Что еще ты видишь?

— Откуда вы знаете? — крикнула я, цепляясь за странную силу. — Откуда вы знаете, что я вижу? Откуда вы меня знаете? — но я заглянула еще дальше, сад на глазах стал шире, он быстро менялся со временами года, мои руки копали, и тут я схватилась за камень, и камень стал стенами замка Тарнек...

— Ларк, — позвал король, заглушая рев в моих ушах. Я зажала их руками, чтобы ничего не слышать, закрыла глаза. — Ты всю жизнь считала Взор наказанием. Слишком чувствительная, ты боялась людей, боялась их энергии, будь она хорошей или плохой, боялась себя, скрывалась от того, что может открыть твою энергию и силу. А теперь ты оказалась там, где должна быть, но ты веришь, что Тарнек нужно бояться, отбиваешься от того, что тебе не навредит, не понимаешь, почему не испытываешь здесь страданий, почему окружающие не давят на твои ощущения. А все потому, что *этому* месту ты подходишь.

Он замолчал, а потом добавил:

— Я слышу тебя, Ларк. Я знаю тебя. Ты призвана для этого. И ты дома.

— Призвана! Позвать на помощь! — крикнула я. — Я не знаю, что с этим делать! Я не знаю, что это такое!

— Послушай, — приказал король. Его тонкие пальцы погладили книгу, он очень осторожно открыл ее. Он поднес ее к глазам, Илона подошла со свечой, чтобы он мог видеть. И он прочитал древние слова:

Равновесия круг Белизною зовет:

Взмахом руки тьму в свет преврати,

Силой ее, земля, одари,

Ее Взор сбережет, и Ларк расцветет.

Слова раздавались эхом в тишине.

— Эти слова — лишь начало, — сказал король. — Но и этого хватит. Мы тебя нашли, — мягкой добавил он. — У тебя есть метка Равновесия, Взор, тебя выбрал белый конь, — он

осторожно закрыл книгу, прижав ладони к обложке, словно запечатывал ее. — Мы ждали тебя, Стражница.

В комнате стояла тишина. Все смотрели на меня, ожидая реакции.

А я развернулась и убежала.

10

Гарейн был там. Я не видела, чтобы он двигался. Он просто был там, схватил меня за руку, чтобы остановить, и вся его сила, тепло и энергия пронзали мое тело, привязывая к месту.

— Останься, — сказал он. — Останься.

Сильное сожаление, ужасная нехватка чего-то. Это отражалось на лице Гарейна, пока он не отвел взгляд. Двери открылись передо мной со скрипом и лязгом. Я могла уйти, если захочу. Я выдохнула. От облегчения? Сдавшись? Я не знала.

Гарейн отпустил мою руку, когда я перестала вырываться. Я обернулась, сделав пару шагов в сторону остальных, не зная, почему. Может, я просто хотела порадовать юношу, что ненавидел меня с самого начала. Может, чтобы извиниться, ведь я не могла им помочь.

Но король не был расстроен. Он улыбнулся мне.

— Ты бежишь, хотя в этом нет необходимости, Ларк. Не бойся своей силы. Эти энергии ведут тебя, а Взор позволяет их понимать.

Я выпрямилась.

— Вы называли меня Стражем. Сказали, что я доказала, что эти слова обо мне, что поможет вам, словно там... — я указала на книгу, — написана чистая правда. И просите верить себе. Так поверьте этому: я доверяю себе достаточно, чтобы понимать, что я никак не могу быть той, кого вы ищете. Я не Страж, — отказ прозвучал достаточно вежливо.

А он не обратил на него внимания.

— Мы знаем, что это правда. Здесь написана подсказка, по которой мы могли бы отыскать тебя. И ты доказала своей меткой.

— Я уже говорила, что моя метка не представляет собой ничего особенного, а из этой книги вы прочитали лишь кусочек. А все остальное? Я могу увидеть?

Ладони короля на книге вздрогнули, но он покачал головой.

— В этом нет необходимости, ты уже все видела, — сказал он.

Нечто похожее сказал мне провидец во сне, и мои щеки вспыхнули. Все же в словах короля было много правды! Но, честно говоря, я и не могла толком отказаться. И я чуть хрипло сказала:

— Метку мне уже не изменить, но хотя бы скажите, откуда у вас эта... подсказка?

— Зови это предсказанием, — король отвел взгляд лишь на миг, посмотрев на юношу, что застыл рядом со мной. Я обернулась.

Гарейн резко сказал:

— Я могу идти? — это с трудом напоминало просьбу.

Король едва заметно кивнул, Гарейн развернулся и вырвался из комнаты. Он пробил бы двери, если бы стражи не держали их открытыми все это время. Я тоже так хотела. Он сказал мне остаться, но сам сбежал.

Я посмотрела на короля. Он следил за Гарейном, на лице смешались печаль и терпение.

— Ему нужно время, — сказал он, не извиняясь. И другим тоном он заговорил со мной,

снова улыбаясь. — Ларк, я не покажу тебе книгу, но я могу показать нечто другое, что объяснит твою цель. Подойди.

Я так и сделала, опустившись на колени перед древним королем. Оставшиеся в комнате повернулись так, чтобы лучше его слышать. Они должны были знать свою историю, но хотели услышать ее снова.

Но я ошиблась. Они ждали не слов. Король подвинулся, склонив немного книгу, чтобы золотое тиснение на обложке поймало сияние свеч. Он поймал мой указательный палец правой руки и повел его по тонкому кругу на обложке. Он заставил провести по тиснению три раза, а потом уткнул палец в мою левую ладонь, заставив нарисовать еще три круга. Король обхватил мою левую ладонь, поднимая, чтобы все видели. Я вскрикнула. Вспышка света слетела из ее центра огоньком, что не обжигал.

Король сказал мне:

— Жизнь, смерть, тьма и свет. Что они для тебя?

Может, это испытание. Я почувствовала себя Мин, когда она стояла перед Собранием, не понимая ничего. Я знала достаточно о жизни и смерти от исцелений бабушки и Эви, я знала достаточно по своей работе в саду. Но... я посмотрела на него, потом на огонек и осторожно ответила:

— Жизнь и смерть — цикл для созданий природы. Тьма и свет — тоже цикл, ведь ночь следует за днем, и так повторяется по кругу. Словно круг в круге. И все это — природа.

— Это — сущность природы, — король взял огонек на моей ладони большим и указательным пальцем и нарисовал им круг. Он остался вертикальным на моей ладони, сверкающим кольцом. — Круг жизни и смерти, — сказал он. Другой круг он нарисовал горизонтально, сказав. — Круг тьмы и света, — на миг над моей ладонью сияли очертания сферы, а потом король обхватил руками мою ладонь. — Жизнь, смерть, тьма и свет, — сказал он, — четыре основные силы. Они связывают природу с землей. Они связаны между собой и образуют циклы в природе, что должны быть в равновесии, чтобы вся природа, вся земля, процветала. Равновесие, как ты видишь, основание, что поддерживает наше существование, — он опустил взгляд и улыбнулся мне. — Мы в Тарнеке — Хранители равновесия. Давным-давно нам на хранение оставили амулеты, четыре амулета, что символизируют основные силы: ракушка для Смерти, камень для Тьмы, золотой меч Света... — он замолчал. — И это.

Король отпустил мою руку, и на ладони переливалась целая сфера, внутри этого кристалла переливались синие, зеленые и золотые нити. Это было лишь видение, но я ощутила от нее слабый пульс, толчок энергии. Я улыбнулась ему. Сфера была прекрасной.

— Шар, — сказал он. — Амулет Жизни.

— Эти... основные силы под вашей защитой? — спросила я.

Он снова улыбнулся.

— Мы защищаем равновесие. Мы не управляем жизнью, смертью, тьмой или светом, как и ты не можешь сдвинуть гору или призвать море. Но мы храним амулеты в стенах замка, чтобы четыре силы оставались равными, перекрывая друг друга.

Его улыбка увяла, и он мрачно сказал:

— Это вечный долг Хранителя с рождения — защита равновесия. Потому что, милая, если равновесие нарушить, то нарушатся и все циклы. Другими словами, все разрушится.

Король заставил меня прижать пальцы к ладони, сфера растворилась. А меня поразило то, какой пустой теперь казалась ладонь.

— И все королевство, — растерянно выпалила я, — поклялось защищать шар, ракушку, камень и меч? Зачем тогда вам я?

Кто-то из Всадников зашевелился. Я увидела, как король невольно взглянул на пустое кресло рядом с собой.

— Мы не непогрешимы, юная Ларк. Власть требует ответственности, — его голос стал печальным. — Это просто, но пойми: пока мы защищаем, есть те, кто хочет разрушить, кто хочет сломать равновесие и разрушить мир.

Троты.

Король мягко сказал:

— Нет, милая. Троты — лишь пешки великой силы.

Я потрясенно взглянула на остальных. По приказу короля принесли вино, и его уже раздавали. Всадник со светло-кариими глазами и бронзовыми волосами передал мне чашу, король получил свою от Дартена. Но мы не пили.

— Что может быть страшнее злости Тротов? — спросила я.

— Их свирепость — не самая страшная угроза, ведь угроза кроется за всем этим, — пробормотал король. — Злой выбор — вот ужасная сила, — он вздохнул, словно на него опустился вес всего зала. — Это, милая, создает Призывателей.

— К-кого? — даже от имени становилось не по себе.

— наших врагов, Ларк, страшную угрозу. Хаос противоположен равновесию, и эту силу распространяют Призыватели хаоса, пока Хранители равновесия оберегают свою силу. Наша задача — сохранять, их — разрушать, забирать у нас все, ломать равновесие, смотреть, как мы умираем или превращаемся в нечто неузнаваемое. Это жестокая хитрая сила, схожая с нашей по форме, но иная по цели. За горами Мир, за известными нам землями, лежит их королевство, Пустыня. Оно мрачное, там царит безумие, и этого они хотят для нашего мира, чтобы все это поглотило и нас. Они соревнуются с нами в силе, они никогда не оставляют попыток поселить Хаос в нас и вокруг нас. Мы вынуждены постоянно сражаться...

Слова смолкли, король отвел взгляд. Он сделал глоток из кубка, я впервые увидела, какой он хрупкий, его тонкая рука дрожала от веса кубка.

Король тоже заметил свою слабость. Он выпрямился и прочистил горло.

— Пока амулеты в Тарнеке, миру ничего не грозит. Но на Тарнек напали, а амулеты украли, Ларк, их забрал всего один Призыватель. И теперь мы будем страдать, пока их не вернут. Они *должны* вернуться на место.

Мой кубок дрожал, я опустила его.

— И я должна в этом участвовать?

— Тем более, ты, — король посмотрел на меня с печальной улыбкой. — Ларк, ты понимаешь, почему Троты решили напасть на Мерит?

Я могла ответить.

— Мы рядом с Темным лесом, у нас нет оружия, и мы далеко от...

— Это не причина.

— И мы не умеем обороняться. Было что-то про цвет...

— Это тоже не причина. Троты нападут, потому что им так *сказали*, Ларк. Они ищут тебя.

— Нет, — я быстро встала. — Нет.

— Ларк.

— *Нет*, — я снова вела себя как Мин, как ребенок. — Пожалуйста. Я согласилась с

призывом, что я должна позвать на помощь. Но вы не можете заставить меня столкнуться с жестокостью Тротов! Прошу, не надо!

— Ларк, — это был приказ. Я должна была замолчать и сесть.

Я мрачно ждала его слов, дыхание вырывалось с нетерпеливым всхлипами, пока король думал над своей речью.

— Нам доверено равновесие, мы — Хранители, Ларк. И хотя мы защищаем Тарнек, в котором хранятся амулеты, сами амулеты мы защитить не можем. Но, — он склонился ближе, — есть четверо, что на это способны. Четверо наследников Тарнека, с которыми амулеты «говорят», четверо, что должны сами найти утерянные амулеты, в одиночку нести их и вернуть в Тарнек.

Король замолчал на миг и серьезно добавил.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Они — Стражи Тарнека, они приходят, когда близок кризис.

И с той же печалью он повторил:

— Страж связан с амулетом... *Только* когда так требует ситуация, — он посмотрел на пустые кресла у стены. — Нам давно не были нужны Стражи.

Я следила, боясь того, как его глаза с кресел перемещают взгляд на меня, он сел прямее, выглядя опаснее. Я прошептала:

— И теперь я вам нужна.

— Да, как я и сказал. Ты могла прожить спокойную жизнь, не ощутив этот зов, но ситуация требует. Ты, юная Ларк, одна из Стражей, первая из четырех. Ты — наш Страж Жизни.

Страж. Страж Жизни. Пока он произносил эти слова, я могла лишь смотреть на него.

— Мы не знали, что это будешь ты, мы не заставляли своих людей намеренно расходиться по землям, чтобы в родословных оставался этот след, но мы верили, что Стражи придут, когда возникнет необходимость, — он чуть прищурился. — Ты спросишь, почему мы не оставим никого из них здесь, чтобы усилить Тарнек. Но равновесие будет нарушено, одна сила, собранная в одном месте, ослабит остальные. Потому Хранители распространяли союзников по деревням и городам, чтобы были те, в чьем роду были Стражи.

— Моя мама была Стражем? И бабушка? — почему я тогда ничего не знала?

Он покачал головой.

— Я говорил о связи, что соединяет Стражницу с амулетом, основной силой. Ты знаешь это, Ларк, ты чувствовала эту связь всю жизнь. Земля говорит с тобой, существа говорят с тобой. Но это не передается по крови, тогда Призыватели давно нашли бы тебя.

— Они не могут отследить Стражей, потому убивают всех без разбора, — прошептала я. Сколько жителей Мерит остались без родни?

Его взгляд не дрогнул.

— Наша задача защитить амулеты. И ради этого, ради мира мы должны жертвовать, — и резко добавил. — Пойми, Ларк: невинные будут гибнуть. Союзники Тарнека, все, кто предлагает нам помощь, рискуют. Мы это знаем, мы это позволяем. Несмотря на жертвы, — повторил он, — амулеты должны быть защищены, возвращены, иначе мир будет разрушен.

Какое-то время мы сидели в тишине. Трепал огонь, бросая мерцающий свет на стены, вино в таком свете сверкало. Я словно была одна, вокруг было так тихо. Меня удивляла их реакция, ведь услышав такие страшные слова, мужчины и женщины просто тихо стояли. Может, такой была сила Всадников Тарнека и их любимых, сила всех Хранителей

равновесия, в том, чтобы принимать жертвы. Я ею не обладала.

Король был встревожен, как и я. Он сказал:

— Призыватели не станут убивать Стражей, Ларк, ведь им они тоже нужны. Потому они следят и сеют страх. Они управляют, ослабляют, стирают Хранителей и их союзников, чтобы найти Стражей и разделить их. Им нужно уничтожить амулеты, чтобы Хаос захватил весь мир. Только Стражи могут их уничтожить.

— Мы можем уничтожить то, что должны защищать? Зачем?

Глаза короля вспыхнули, но я снова взглянула на пустое кресло рядом с ним. Он медленно сказал:

— Все мы не лишены слабостей. А выбор не всегда делается разумом или сердцем.

И король взял себя в руки.

— Ларк, правда откроется со временем. Сейчас достаточно знать, что Призыватели смогли украсть амулеты. А без равновесия Призыватели сильнее нас. И они теперь с нами играют...

Играют. Похожие слова говорил Брант, словно мы были развлечением Призывателей.

— Начнется все с небольших изменений в природе или с яростных атак, — говорил он, — как ты и видела. Неуправляемые существа, что пугают и уничтожают невинных. Это приведет к худшему, ведь со страхом и тревогой растет ярость, а там и ненависть и насилие. Призыватели сеют безумие. Но... для победы Хаоса амулеты должны быть разрушены. Для этого им нужны Стражи, а нам нужны Стражи, чтобы вернуть амулеты.

Он снова посмотрел на меня.

— Ларк, ты первая найденная Стражница, и амулет Жизни был сделан первым, ведь эта сила — фундамент для остальных. Ты пробудилась для этого.

Король замолчал, а затем официально произнес:

— Ларк, Стражница Жизни, ты вернешь свой амулет?

Мои глаза расширились.

— Я не умею сражаться.

— Разве? Ты сражаешься за Равновесие каждый день. Ведь это ты постоянно боролась с гисанью и ее попытками захватить землю.

Я покраснела и отметила:

— Я ухаживала за садом, собирала травы и, да, вырывала гисань. В этом моя сила.

— Земля сильна, но ты недооцениваешь себя, — сказал он. — Ты здесь, не так ли? Твоя смелость перед неизвестности привела тебя к нам, — он немного повеселел, это было видно по глазам. — И ты, отмечу, не боишься спорить с королем.

— Я обязана так поступать?

Король ответил после небольшой паузы:

— Нет. Страж не обязан защищать свой амулет. Защитить или уничтожить — выбор, что делается по воле Стража, — и он добавил тише. — Но все будет уравновешено.

Я задумалась.

Рубер Минл не ожидал нападения Тротов, не ожидал, что его рука будет мне знаком, но он остановился и принял смерть. Райф, Куин, Эви... никто из жителей Мерит не отправил бы меня, если бы мог пойти вместо меня. А лисы, их жертва, или Всадники, что защищали ценой своих жизней загадочный Тарнек и его границы? Кем была я?

Пусть я не верила, что достойна всего этого, мне дали задание. Чем я должна пожертвовать? Я склонила голову от тяжести решения.

— Я найду амулет Жизни. Я верну его в Тарнек, — голос звучал тихо, но не дрожал.

Все выдохнули с облегчением, а король сказал:

— Хранители благодарят тебя.

Я взглянула на него.

— Мне придется отправиться в Пустыню?

Он покачал головой.

— Ларк, Взор — твоя необычная связь со всеми земными существами. Прими эту силу, используй ее. Шар скажет тебе, где он. Но помни и то, что ты нужна Призывателям. Они узнают, что ты пробудилась. Они найдут тебя, заманят тебя, используя важных тебе людей. Они попытаются заставить тебя разрушить амулет.

— Я должна вернуться домой. Мерит в опасности... — я замолчала и посчитала потраченные дни. Три дня. — Троты нападут через шесть дней.

Король сказал:

— Ларк, Всадники отправятся туда. Еще есть время. Они помогут.

— Мне нужно идти с ними. Я должна вернуться, пусть и ненадолго. Я должна понять, что Мерит в безопасности, что моя семья знает, что я в безопасности... — я сглотнула. — Или чтобы попрощаться.

Король выглядел уставшим. Его глаза слезились, а улыбка уже не была такой широкой. Но он сказал так громко, как только мог:

— Ты сделала выбор. Я не могу отвергнуть его, юная Ларк, хотя за пределами Тарнека ты в ужасной опасности. Я бы хотел, чтобы ты, пока ты еще здесь, подготовилась к этому испытанию. Ты все еще не изменила выбор?

Я кивнула.

Он вздохнул.

— Тогда запомни: три предмета я дам тебе для твоего задания, жди их. Не делай выбор из страха или порыва эмоций, Ларк, слушай и ищи знаки на пути. Верь, что ты *поймешь*, что делать.

Мне уже давали наставления в Мерите. Казалось, это было вечность назад.

— Проси помощи, Ларк, ведь ты не одна, — король вдохнул, собираясь с силами, чтобы назвать всех мужчин, что собрались здесь и стояли со спокойным видом. — Лорен. Дартен. Севрин. Иен. Арнон. Карг. Марк. Тэран. Вильх. Эвен. Брант. И отсутствующий Гарейн. Леди Ларк, это твои Всадники.

Я невольно встала, когда одиннадцать человек повернулось ко мне, чтобы выразить почтение Стражнице Тарнека, а король повторил, словно это был приказ:

— Ты не одна.

Было уже поздно, когда я вернулась в комнату. Забыв о сне, я села у камина, обхватив руками кружку с чаем, радуясь теплу, хотя я и не замерзла.

Король ослаб, представив Всадников. Он просто замер со звуком, похожим на вздох. Вильх, Эвен и Лорен помогли ему покинуть зал, Илона бережно взяла его книгу и пошла за ними. Мы проводили их взглядами, но оставшиеся Всадники не были встревожены, они словно ожидали этого. А меня это беспокоило. Осталось много вопросов, но я понимала, что вряд ли услышу его ответы на них.

А теперь я сидела с чаем и старалась не думать о короле, о его книге, о пропавших амулетах, о пустом троне рядом с королем. Не думать о той сфере, помещавшейся в ладонях,

символе Жизни. Не думать о том, как найти ее, вернуть в Тарнек, как будет страдать Земля и люди, если равновесие будет разрушено. Эти мысли не покидали меня, но они витали где-то надо мной, ожидая своего часа.

Я думала о вспышке света, что возникла во мне, когда Гарейн коснулся своей меткой моей метки.

Я все еще чувствовала себя вспышкой света в темной комнате. После всего случившегося за последние дни его прикосновение было таким быстрым, но последствия той вспышки остались. Свет все еще горел.

Я допила чай и должна была встать, чтобы избавиться от ощущения, словно меня уносит в никуда, но одновременно я была везде. Я ходила вдоль всей комнаты, но она оказалась не такой большой. Может, мне не стоило этого делать, но я ощутила ветерок с запахом цветов и вышла в сад.

В ночи он очаровывал еще сильнее. Сначала было тихо, треск огня в камине утих, его сменило пение ночных существ. Ароматный воздух скользил по моим рукам и шее, я глубоко вдыхала его. Сад окутывала темнота, луна скрывалась за высокими стенами, оставив лишь серебряные промежутки света среди длинных теней. Окна за ставнями озарялись свечами, но свет едва пробивался сквозь листья плюща. Но это не имело значения. Темнота была красивой, сад был прекрасным. Я шла босыми ногами по мокрой от росы траве... и побежала. Энергия бурлила во мне, заставляла танцевать, прыгать, вдыхать ароматы ночи. Я хотела, чтобы рядом был Рилег, чтобы прыгать со мной, как мы с ним делали, пока пололи гисань.

Я рухнула на землю, проведя ладонями по траве, смеясь с восторгом.

— *Пробудилась*, — шептала я в темноте, перекатившись на спину, обхватывая себя руками, словно могла не удержать этот секрет. Я вдыхала сладкий аромат роз, ощущала влагу росы, чувствовала вкус тьмы на языке.

Я услышала плеск, который получается, когда предмет падает в воду. Я села с вскриком, глядя, как из пруда поднимается тело, высокое, мокрое и сверкающее в темноте.

Гарейн убрал волосы с лица ладонями и взглянул на меня.

Я едва могла говорить.

— Ты? Что ты здесь делаешь?

Он смотрел на меня, и это, наверное, впервые длилось так долго. Наконец, он ответил:

— Обычно только я бываю в саду ночью.

Простое пояснение, вежливость. Но в его голосе были нотки веселья, а почему бы и нет? Я ведь выглядела глупо, бегая и прыгая в саду. Я поднялась на ноги, но стала от этого выше него, все еще стоявшего по пояс в пруду, обнаженного, и я резко опустилась на колени. Я была рада, что в темноте не видно мой румянец на щеках.

— Все, что случилось, — я попыталась защититься и оправдать свое поведение. — Бурлило во мне. Я должна была это выпустить.

Я ждала, что он ответит, что как-то выкажет понимание этого чувства, но ничего не было, он отвел взгляд. Я неуклюже закончила:

— Но здесь все равно красиво.

Гарейн легким движением вытер лоб.

— Ты остаешься, значит.

Останься. Он просил меня об этом. Или не просил, а приказывал так поступить, говорил таким же тоном, как и сейчас, словно это уже было предreshено. И мне почти

нравилось, что я могла отказаться.

— Нет. Я вернусь в Мерит...

— Мерит! — я его удивила. Но он совладал с собой. — Там опасно.

— Везде опасно, — резко сказала я. Воцарилось молчание.

Гарейн прошептал, не оглядываясь:

— Как король?

— Плохо. Он... — я замолчала. Мои слова лишь заполняли пустоту этого разговора.

Где-то в темноте вспорхнула птица. Я хотела встать на ноги, роса промочила одежду. Я покачала головой. — Я думала, ты знал.

Он немедленно напрягся.

— С чего ты взяла?

— Ведь ты был там. И хотя ты ушел, ты должен был понимать, что он болен.

— Он болен. У него осталось мало времени, — молчание длилось еще дольше, Гарейн едва заметно расслабил плечи. — Я зову его Дедушкой. Но он намного старше отца моего отца.

Очень старый.

— Я видела, — осторожно сказала я, — глаза. Только ты с ним связан родством?

— Илона — моя сестра.

Сестра. Глупо радоваться этому ответу. Я уже решила, что они с Дартеном — пара, да и что это меняло? Этот Всадник почти не смотрел на меня. Я кивнула, хотя он не видел...

Гарейн взглянул на стопку дров в дальнем углу сада.

Он чуть сдвинулся, пальцы коснулись воды. Поверхность исказила рябь с тихим звуком, словно с мелодией, и круг на моей лопатке начало покалывать. Такого еще не было. Огонь во мне ярко пылал.

И я выпалила:

— Что это была за связь, Гарейн? Что случилось, когда ты дотронулся до моей метки?

Вопрос был смелым, я назвала его по имени, но я не ожидала такого гнева в ответ. Он резко развернулся, пронзая меня взглядом, словно мечом.

— К чему эти вопросы? Ты пробудилась, Стражница. Зачем тебе знать что-то еще?

Все шло не так, как мне хотелось, но я продолжила:

— Потому что меня пробудил ты. Почему ты?

Он ответил резко:

— Словно это имеет значение в сравнении с твоей целью, с подтверждением короля, или с тем, что королева...

— Королева! — пустой трон? — Почему ее не было?

— Королева мертва.

Он ответил с неохотой, значит, смерть была плохой. И я задрожала, вспомнив о Призывателях.

— Я...

Гарейн яростно прервал меня, словно услышав мои мысли.

— Да, это не мирная смерть. Она была жестокой, намеренной, чтобы страдали все, кто любил ее. А мы все любили ее...

— Прости! — я скривилась от его тона.

— ...а ты спрашиваешь о связи, словно это важно! — он все еще говорил резко, споря с моим интересом. — Ты поняла, что она есть. Ты ее видела, чувствовала силу, когда метки

соприкоснулись, этого тебе хватит!

Я уставилась на него.

— Тебе больно, потому что меня это интересует? — я не смогла сдержать свое возмущение, свою горечь, ведь я унижалась перед ним и стояла на коленях, а он знал больше, но отказывался помочь. — Ты презираешь эту связь.

Он фыркнул.

— Да что ты знаешь?

— Я знаю *тебя*. Я видела твою красоту и гнев в своих снах, Гарейн. Я не понимаю этой враждебности.

— Сны! Что еще за сны? — он зло рассмеялся. — Ты и не поймешь...

— Я? — теперь уже злилась я. — Конечно, я не пойму! Я всего этого не просила. И *ты* пришел ко мне без приглашения!

В саду повисла тишина. Никто не шумел. Мы смотрели друг на друга, я защищалась, а он был потрясен. Было ли это потрясение из-за моего возмущения или из-за слов о снах, я не знала. На лице его появилась тревога.

И тут я ощутила слишком сильное видение — и хотя он не двигался, я чувствовала, как он сокращает расстояние между нами, убирает с лица мои волосы и обхватывает руками мое лицо.

Я ощутила щекой его дыхание, глаза мои закрылись.

— Нет, — резко сказал Гарейн с болью в голосе.

Я судорожно вдохнула и силой открыла глаза.

— Что?..

— Не делай этого, — грубо прервал меня он. — *Ты* должна быть сильной.

— Для чего? Я ничего не знаю! — я говорила громко, но он не обратил внимания.

Гарейн уже отвернулся и двинулся к другому краю пруда. Его, похоже, не волновало, что он был без одежды, что я тихо вскрикнула из-за этого. Он прошел несколько шагов, поднял со скамейки тряпку и обернулся ею.

— Ты должна научиться ездить верхом, — зло сказал он, но теперь он злился без причины. — Марк или Эвен научат тебя. Ты будешь на уровне со всеми.

Он пошел в темноту, его окутывала тень и слабый свет звезд, аромат цветов не окружал его по пути.

А я, хоть и смешно, но не могла так его отпустить. И окликнула, пока он не исчез:

— Я не поблагодарила тебя, Гарейн.

Он остановился. Опустил ногу, и я увидела, что его плечи вздернулись, голос дрогнул.

— Поблагодарить? За что?

— За спасение. Той ночью. От Трота.

Он медленно обернулся, глядя на меня, хотя мы были далеко друг от друга. Его голос прозвучал тихо, но ясно.

— Спасение? Я собирался тебя убить.

Он развернулся и ушел.

11

И хотя я мало спала, почти не ела и успела три раза упасть, я все еще храбро стояла перед своим конем.

Марк сцепил перед собой руки, склонившись, и ждал, пока я снова поставлю ногу на его ладони, чтобы помочь мне взобраться на Руну.

— Все просто, малышка Ларк, — он смеялся, я все утро развлекала его своим неумением обращаться с лошадьми. — Шагни, схватись для равновесия за гриву. Вот, а теперь...

Я встала на носочки, чтобы дотянуться до гривы Руны, потом ступила на ладони Марка. Толчок, и я оказалась над землей, цепляясь ногами за бок лошади, выпрямляясь, когда все же удалось сесть на широкой спине. Руна стоял на месте, едва заметно помахивая хвостом, пока я усаживалась удобнее и убирала волосы изо рта.

— Вот так, Ларк, — сказал Марк. — Разве так не лучше, чем стоять на двух ногах?

— Н-не знаю. Пока на своих двоих мне нравилось больше.

Марк снова рассмеялся. Он был смешливым, но это меня не обижало. Я помнила его прошлой ночью — у него были растрепанные каштановые волосы, он стоял за Всадниками рядом с милой женой с теплым взглядом. Он улыбнулся мне, когда, как и все, кланялся в ответ. И хотя жизнь Всадника была опасной, Марк не задумывался об этом, находя плюсы в мелочах. Но я была уверена, что я на лошади могла рассмешить кого угодно.

Я закричала, когда Руна легонько тряхнул головой, хватаясь за его гриву.

— Я упаду! За что держаться? Как его остановить?

— Успокойся, малышка Ларк. Пусть он ведет тебя, и ты поймешь, как все должно быть, — он издал щелчок, и Руна направился вперед.

Клянусь, я кричала. Одно дело восхищаться красотой существа, что до этого могло тебе лишь сниться, и совсем другое — взобраться на его спину и ощущать его силу.

— Верь, Ларк. Доверься, — кричал мне Марк, а Руна шел по поляне. Замок Тарнек неподалеку возвышался на утесе, вокруг меня простирались луга и сады, а за ними — леса. Это очаровывало, как и Руна.

— Он ждет, что ты уступишь! — кричал Марк.

Я слышала его, но все равно не могла расслабиться, в голове кружились все те вещи, которым за утро научил меня Марк, которым я должна была уделять внимание. В сознании вспыхивали стада красивых лошадей, запах свежей травы, замысловатые кожаные поводья и поблескивающие темные седла. Я уже забыла, как закреплять седло, но Марк сказал, что это не имеет значения, ведь важнее — доверие между всадником и лошадью, а остальное — лишь украшения (или полезные дополнения, как добавила я). Он объяснил, что не все лошади готовы принять всадника, но если лошадь сделала выбор, то в нем сомневаться нельзя.

— Они ждут, — сказал он, — они знают. Нельзя заставить коня служить, это разрушить мощную связь с этими сокровищами.

Сокровище — подходящее слово для холмов, что защищали Всадники. Марк сказал, что Тарнек защищает территорию от Призывателей, конечно, и чтобы больше никто не повлиял на равновесие. Он впервые посмотрел на меня с серьезным видом и добавил, что они не могут позволить использовать таких прекрасных лошадей для ужасных целей.

— Представь, что жители Тиры узнают о лошадях. Они захотят заполучить их, но получится это не у всех, и начнется зависть. Лошадей заберут, загонят в конюшни, они не смогут выбрать себе всадников, и связь будет разрушена, превратится в отношения между владельцем и вещью.

— Ты всех людей считаешь жадными, — заметила я.

Он рассмеялся.

— Ты из Мерит! Тира же — неприятное место, где все в чем-то нуждаются, ведь долгое время там обитали Призыватели. Я не говорю, что ими движет жадность, но я понимаю, что Призыватели питаются желаниями людей, они умеют делать так, чтобы люди сами себя разрушали.

Могут ли Призыватели питаться и моими желаниями?

— Ларк! — громко кричал Марк, выводя меня из ступора. — Отбрось мысли! Чувствуй коня и двигайся с ним!

Я вдохнула и сосредоточилась на настоящем. Руна провел меня по кругу, а я и не заметила, держась за него изо всех сил ногами и руками. Еще один вдох, я отпустила гриву, которую тянула, вытерла ладони о штаны, что подарила Найла, удивляясь, что не упала при этом. Я погладила Руна. Он тряхнул головой, намекая, куда надо поставить ладони, на его шею. Я медленно провела руками, чувствуя его тепло и силу...

И я не упала.

Его энергия пронзила меня, сильная, от нее перехватило дыхание. Воспоминание — я склонила голову к его плечу той ночью, я почувствовала, что оказалась в безопасности. Я обхватила руками его шею, как в тот раз, прижалась щекой к мягкой гриве, и вдохнула. Руна помчался.

Я не знала, как быстро мы бежали, как и остальные подробности. Казалось, я слышала Марка:

— Да, Ларк! — но это мог быть и мой голос, ведь я чувствовала то же самое. Я расслабила ноги, держась на широкой спине коня. Я подняла голову и отпустила его шею, касаясь гривы, но в этот раз нежно, только чтобы соединиться с ним. Мне не нужно было видеть, я верила, что он видит за меня.

Мы промчались мимо улыбающегося Марка, что возвышался среди травы, я крикнула ему:

— Это невероятно! — и мы умчались, прорываясь сквозь деревья, перепрыгивая каменную стену, а я смеялась, чувствуя скорость и движение. Мы покинули поляну, окрестности, попали в лес. Мимо проносились дубы и каштаны, но мы двигались дальше, взбираясь по холму, словно по лестнице. Все выше. Я не знала, как высоко, ведь вел руна, а я позволила этой силе захлестнуть меня, забыв об осторожности. Руна начал фыркать, дыша, а потом мы попали на ровную вершину.

Он остановился, шевеля ушами, а я выпрямилась на его спине, радуясь перерыву, после чего обняла его за шею.

— Спасибо! — радостно выдохнула я. Отпустив шею коня, я раскинула руки, вдыхая и чувствуя себя *живой*. Камни, деревья, существа... — Я вас чувствую! — кричала я всему вокруг. И завопила еще громче. — Стражница Жизни! — и рассмеялась. Но даже одна на холме я по привычке приглушала голос, ведь меня переполняла энергия всего вокруг. Но ведь я была здесь не просто так, я что-то доказала. И сейчас, в этот миг не было заданий, границ, а лишь солнце и поляна. — Я пробудилась! — закричала я и обняла Руна.

Руна стоял настороженно, как Рилег, когда чуял барсука, его шея напряглась под моими руками. Он переминался с ноги на ногу. Послышался крик птицы, резкое карканье, что выделялось из приглушенных лесных звуков. Я выпрямилась, тоже встревожившись. Я не боялась, но было что-то, чего Руна словно ждал.

— Руна...

Он резко развернулся и направился на север, выйдя в просвет меж деревьев. Я вскрикнула, поняв, почему он пришел сюда, почему был осторожен. Горы Мир возникли перед нами, они впечатляли. Пепельно-серые горы были четко видны, белые шапки снега покрывали вершины, я чувствовала его холод, вкус и покалывание льда. Словно я могла протянуть руку и коснуться камней, что торчали из земли, больших и тяжелых. Пальцы покалывало, горы давили на меня.

Гробницы из камня. Заброшенные. Сокрушающие. Они были темными, несмотря на солнце, я слышала лишь свист ветра. Я долго сидела, не двигаясь, слушая звук пустоты, камень и деревья.

А затем откуда-то из холодного камня я ощутила пульсацию, покалывание света. Такое же биение я ощущала от того изображения сферы, сверкавшего на моей ладони. Энергия. Жизнь. Я знала, что это.

— Туда, — шепнула я Руне, — мне и нужно.

Конь повернул голову на мой голос, взглянув на меня серьезным глазом. Я огляделась, вздохнув. Я думала, на такой высоте небо будет не таким синим, а все будет серым. Горы Мир. Я смотрела на них, наблюдала, как солнце пытается пробиться сквозь них и теряет силу, следила, как все поглощает их поверхность, запретная и опасная. И пока я смотрела, безжизненные камни сверкали серым мне в ответ. Ветер подхватывал снег с вершин и закручивал его, тени удлинялись, заостряя вершины гор. Вдали послышалось зловещее жужжание.

— Далеко, — медленно повторила я, чувствуя, как покалывает шею. За горами лежала страшная Пустыня.

Я вдыхала и выдыхала, а Земля отвечала на мои вдохи своими. На меня словно взвалили невероятно тяжелый груз, что приковал меня к земле и потянул за собой мою силу. Дыхание превратилось в шепот, принесенный ветром:

Вот ты где. Вот ты где. Вот ты где...

Руна вскочил на дыбы, развернулся и бросился обратно в лес. Острый запах эвкалипта ударил в нос, возвращая меня в реальность. Я уткнулась головой в шею Руны и закрыла глаза. Он бежал мимо деревьев к поляне. Так быстро. Он нес меня домой.

Домой. Я вздрогнула и собралась с мыслями, тревожась из-за того ощущения, когда из меня потекла энергия. Странно. Боли не было. Не было ничего.

Я потерлась щекой о шею Руны. Эвкалипты и сосны остались позади, их запахи заменил запах гнилых листьев. Скоро мы будем дома...

Я снова вздрогнула от этого слова. Почему я так быстро привыкла к этому месту?

Но я была рада видеть замок Тарнек. Марка не было на поляне, где мы оставили его, но Руна знал это. Мы бежали по лугу, замедлившись на главной дороге к конюшням. Там и был Марк, он прислонился к каменной колонне у входа в конюшню, говоря с конюхом с флягой воды в руке. Он удивился не нашему возвращению, а из-за моего выражения лица и уставшего вида Руны. Он взглянул на меня и отбросил флягу. В два шага он оказался рядом, и я рухнула в его подставленные руки.

— Ларк, — сказал он совсем не нежно. — Ларк, посмотри на меня.

Я растерянно подняла взгляд, но тут же его отвела. Марк помог мне встать на ноги, придерживая за руку, и спросил:

— Что случилось? — я чувствовала энергию от его ладони, он был готов запрыгнуть на своего коня.

— Г... — но я замолчала. Марк не чувствовал того же, что и я, он лишь был встревожен моим состоянием. — Ничего, — сказала я честно. В принципе, так и было.

Возможно. Там не было ничего странного. Марк посмотрел на Руну, словно оценивал мой ответ. Конюх занялся им, протирая рукавом его мокрые бока, а потом уводя в конюшню. Руна прогнал ухом муху.

Марк расслабился. Он пожал мою руку, глядя на меня, настроение его переменялось.

— Я так и знал, что ты вернешься другой и с таким румянцем на щеках. Ты убегала с радостными криками, — он улыбнулся мне, пытаюсь меня приободрить. Я заставила себя забыть о странности.

— Я... да... не знаю. Это было невероятно, Марк, это... Я... Я каталась! Марк, я каталась! Это волшебнo!..

— Она проехала по лесу?

Гарейн подошел к конюшням, в кулаке он сжимал поводья и уздечку, вымазанные грязью, он хмуро смотрел на нас. Его лицо было бледным.

— Она не должна ходить туда одна, — Гарейн недовольно смотрел на друга. — И ты это знаешь.

Но Марк не смутился.

— Ворчи на ее коня, — пожал он плечами, кивнув в сторону уходящего Руны. — Ларк была в пределах территории замка. Я считаю, что она была хорошо защищена.

— Марк, ей опасно ходить одной!

— Спокойнее, — спокойный голос Марка теперь был с нотками предупреждения. — Все хорошо. Руна вернул Ларк невредимой. Тебе не нужно за ней бежать.

Я взглянула на поводья в руке Гарейна, он тоже опустил взгляд. Он словно не помнил, что держал их.

— Все равно, — Гарейн смутился, но стоял на своем, — ей лучше всегда быть с хоть одним Всадником. И с оружием.

— Понял, — мягко сказал Марк, хотя Гарейн уже развернулся и направился восвояси.

А я почему-то побежала за ним.

— Гарейн! — окликнула я его, глядя на напряженную спину. Он шел очень быстро, ведь его ноги были длиннее моих. — Гарейн!

Я прошла за ним в конюшню, а затем в отдельную комнату, где он остановился.

— Ты вернулась, — заметил он в ответ на мои быстрые шаги. — Больше мне сказать нечего.

— Ты несправедлив, — выдохнула я. — Это не из-за Марка я ушла в лес.

— Это опасно. Он знает, даже если...

Он не закончил, и я продолжила за него:

— Ты хотел сказать: «Даже если он не почувствовал, что случилось». Ты ведь тоже это почувствовал? Это притяжение ты точно чувствовал.

Гарейн быстро взглянул на меня и отвел взгляд, заинтересовавшись поводьями в руках.

— Гарейн!

— Я слышал тебя.

— И тебе нечего сказать?

Он обернулся.

— А что я должен сказать? Что, да, я почувствовал притяжение? Что из-за него и нашел тебя? Что тебе жалко, что я так повел себя с Марком? Ты хотела бы, чтобы я выместил гнев

на тебе?

Я покраснела, но расправила плечи.

— Если ты ведешь себя грубо, то пусть это будет со мной.

— Ладно. Никогда не покидай эти земли без сопровождения. Это понятно?

Даже бабушка так зло со мной не говорила. Он почти не повышал голос, но тон был схож со сталью. Я опустила голову, чувствуя себя провинившимся ребенком. Мои щеки пылали.

— Ларк.

Его голос смягчился, но я не подняла голову, ведь могла разозлить его, а сопротивление привело бы к большей неприязни.

— Ларк, — Гарейн взял меня за руку. Его прикосновение послало теплую энергию через мое тело, он легонько встряхнул меня, заставляя взглянуть на него, и мы осторожно смотрели друг на друга. Вдруг его рука скользнула с моего локтя к запястью. Он развернул мою ладонь, изучая внутреннюю сторону запястья, и один только взгляд заставлял меня дрожать. Рука тряслась в его хватке, я ощутила его тепло. И вдруг ту боль, что уже чувствовала в нем. Она резко пронзила меня. Но было и что-то большее: надежда или обещание. Я не могла понять, его эмоции менялись слишком быстро, и эти изменения захлестывали меня. Гарейн повернул мою ладонь и скользнул по ней, обхватывая пальцы. Это уже было не хваткой, он был осторожен. Он склонился над нашими руками, словно рыцарь перед леди, но быстро отпустил мою ладонь, словно не мог выносить то, что я чувствовала, то, что проникало в нас.

— Если... — прошептал он едва слышно то ли себе, то ли мне, но голос его стал чуть громче. — Ларк, они могут заставить тебя чувствовать, они могут найти тебя. Схватить тебя.

Они. Призыватели.

— Руна знал, что делает...

— Ты едва научилась кататься. Руна сильный, но если ты не удержишься на его спине? — он замолчал и горько вздохнул. — Или ты думаешь, что пока будешь стоять, он защитит тебя, как защитил от меня?

Этого хватило.

— Не знаю, зачем я пошла за тобой, — прошептала я, все еще дрожа. — Я хотела, чтобы ты извинился перед Марком. Но если ты хочешь злиться, тогда извинюсь я. Прости, что покинула поляну.

Он кивнул, а если и хотел что-то сказать, то опоздал. Я развернулась и вышла из конюшни.

Марк рассмеялся, увидев мои красные щеки, мое выражение лица, когда я вышла на улицу.

— Спасибо, что защитила, смелая малышка Ларк.

— Ты не обиделся? — удивилась я. Мне было не по себе, а Марк словно и не был отруган.

Марк пожал плечами.

— Я воспринимаю его серьезно, когда он говорит по делу. Он юн, его одолевают эмоции, но Гарейн еще и один из самых верных здесь. Он просто тебя защищает.

Я сглотнула и подавилась.

— Он только и делает, что злится, — выдавила я. А Марк покачал головой. — Защищает или нет, но он меня ненавидит, — прошептала я. Это было глупо, но поняла я это, когда

слова уже сорвались с губ.

— Нет. Он скорбит по королеве.

И снова о бедной королеве.

— Она умерла, — печально опустила я голову.

Он исправил:

— Его ошибка повлекла за собой ее смерть.

Я застыла, ожидая продолжения. Но Марк взглянул на меня и покачал головой. Он не собирався сплетничать о Всаднике.

Я медленно закрыла рот, не пуская наружу вопросы, на которые хотела знать ответы. Если Марк и понял это, он не обратил внимания, а рассмеялся и похлопал меня по макушке.

— Идем, нужно перекусить. Я отведу тебя в замок. Гарейн меня поблагодарит.

Он взял меня за руку, а любопытство жгло меня изнутри. Жгло, пока я не вспомнила о служанке, что могла мне многое рассказать.

* * *

— Обзор?

— Последних мгновений жизни королевы, — сказала Найла старушке, что сидела и измывалась в ступке семена джома. — О месте Гарейна в них. Я сказала госпоже Ларк, что юным девам такое лучше не видеть, но она попросила.

Точнее, я умоляла. Три раза. Найла почти ничего не говорила, занявшись моим ужином, спутанными волосами, пуговицами ночной рубашки, только бы избежать разговора. Я поняла лишь поверхностно.

— Мы потеряли ее месяц назад, — вздох. — А как она мило улыбалась!.. — но я настаивала, пока Найла не взяла меня за руку и не отвела по ступенькам мимо кухонь в пропитанную запахами комнату древней травницы Третэ. Она запросила Обзор. Третэ поджала губы, рот почти исчез в окруживших его морщинах.

— Нужно что-то для связи.

— Я помню, — ответила Найла. — Случайно я нашла на рукаве туники госпожи Ларк это, — волосок каштанового цвета. Гарейн. — Это должно подойти.

— Что за Обзор? — спросила я, оглядываясь. Этот Обзор требовал этой комнаты, полной сухих растений, висевших букетиками, склянок соли и специй, семян, что стояли на полках, горочек камней и сверкающих кристаллов. Пахло лакрицей и чем-то острым.

Третэ отодвинула ступку и вытерла руки о фартук.

— Обзор создает картинку прошлого, — она разглядывала меня. — Я рада, что ваша нога зажила так хорошо, миледи. Это мой рецепт. А теперь вы хотите Обзор, — она вздохнула. — Ваше желание должно быть выполнено. Радости это не принесет, но я думаю, что лучше увидеть самой, чем не так все понять по слухам.

Третэ указала мне, чтобы я села рядом. Скамейка была длинной, а она была худой, кожа облепляла ее кости, напоминая сушеный фрукт. Рядом горел костер. Она подняла миску из белого камня со стола и передала мне, проверяя, что я держу ее, холодными сильными пальцами.

— Элементы раскрывают правду в руках Стража. Мы смешаем их и начнем с Земли, — Третэ коснулась миски. — Камень — Земля. Держите его крепче, госпожа. Хорошо. К Земле я добавляю Воду, — она подняла флягу и налила в миску столько воды, чтобы она покрыла дно, а потом поменяла флягу на склянку, что стояла на краю стола, полную маленьких прозрачных бусин. Она высыпала несколько шариков на ладонь, а потом добавила их в

миску и объяснила. — Этот газ представит Воздух и сдержит Воду, чтобы зажглось Пламя.

Бусины погрузились в воду, вспыхивая, словно радуга.

— Держи ровно, госпожа Ларк, — прошептала Найла, ее голубые глаза сверкали в свете костра.

Третэ отошла, а, вернувшись, протянула мне свою маленькую ладошку.

— Сушеный цветок миньон, каменная соль... и волосок господина Гарейна. Овощ, минерал, животное — собственность Земли, — она потерла их в ладонях и высыпала это в воду. — И ваш волос, госпожа Ларк.

Найла вырвала мой волос и дала его Третэ, а та добавила его в смесь.

— Вот так. Теперь Огонь, — взяв зажигалку, Третэ создала искру, и в миске занялось пламя, а потом утихло до одинокого огонька в центре. Он начал дымить, создавая облако над нами.

Найла прошептала:

— Смотри на дым, — но я уже туда смотрела.

— Если посмотреть туда, — шептала Третэ, — мы увидим, что и в стенах замка Тарнек мы уязвимы. Все, что нужно, — бросить семя сомнения, — она замолчала. — Желания...

В облаке появились изображения, становясь все четче. Там был Гарейн, спешащий на коне, покидающий конюшню. Он был полон энергии, а радость на его лице была непривычна для меня, привыкшей к его сухим ответам и мрачному виду.

— Послание прибыло для Гарейна от торговца из-за моря, — сказала Третэ. — Наши торговцы принесли весть для него: «Она ждет на краю», так сказал им торговец. «Скажите Гарейну, что она ждет на краю», — Третэ вздохнула. — Бедный Гарейн беспокойный, он хотел любви, это тревожило его сердце.

Изображение изменилось. Прошло время, Гарейн был там, но он был в пыли, растрепанный, стоявший на земле и смотревший пораженно на то, что мы едва могли видеть. Перед ним возник кто-то в плаще тусклых цветов. Гарейн приближался, и мы вместе с ним. Капюшон упал, открывая виду красивую женщину с яркой улыбкой и густыми темными волосами.

— Женщина из моего сна, — прошептала я.

— Эрема, — тихо ответила Найла. — Нет, леди, это существо! *Призыватель*. Она прочитала его желание, *использовала* его, чтобы проникнуть в Тарнек.

Мы в тишине смотрели, как Гарейн падает перед ее красотой на колени. Она вытянула руку, и что-то было на внутренней стороне ее запястья. Я поежилась, понимая, почему Гарейн проверял мою руку. Я видела его глаза, его голова отклонилась. Изображения менялись друг за другом: Гарейн тянется к темной леди, ласки, из-за которых я отвернулась. Она сидела перед ним на его лошади, они ехали в замок, что мерцало перед ними, на входе Гарейн что-то кричал собравшимся. Найла покраснела и сказала:

— Мы приветствуем всех, кто добирается до замка.

Дым показал пир в главном зале, где я встречалась с королем, длинный стол был полон разнообразной еды. Гарейн стоял с кубком и обращался к милой Эреме напротив него. Во главе стола сидели король с королевой.

Королева была полна света, милой, как и говорила Найла, а король был не таким хрупким, а сильным и бодрым. Он смотрел на королеву с любовью. Я чувствовала, как комната содрогнулась, Найла и Третэ обхватили себя руками.

Королева подняла кубок в ответ Гарейну, приблизила его к губам с грустной улыбкой,

сделала глоток вина, а потом кубок упал, как упала и королева, зазвучали крики. Вино Гарейна пролилось на стол, лицо его исказилось. Гости одновременно встали, поспешив к королеве, а Гарейн застыл, в ужасе глядя на своего гостя. Эрема улыбалась. А улыбка была такой широкой, что казалась бездной, Эрема сделала шаг назад, выходя из света свеч, и исчезла.

Третэ задула пламя.

Первой заговорила Найла.

— Вы видели это: королеву отравила самозванка, что притворилась нашим гостем, что сломала сердце и надежды бедного Гарейна.

Я была в смятении.

— Но королева улыбалась, словно знала. Словно понимала, что делает.

— Если она и понимала обман, то сама сделала этот выбор, — ответила Третэ. — Вы качаете головой, леди Ларк, но жертвы порой нужны.

— Может, только так удалось раскрыть зло, — согласилась Найла. — Чары Призывателей сильны. Тарнеку пришлось бы туго, останься Гарейн в ее власти. Было бы еще хуже.

Я этого не понимала, но Найла не сдавалась:

— Могло быть хуже. А теперь здесь вы, красивая, юная и способная. И вы привлекли внимание Гарейна...

— Может, Тарнек стал беспечным. Может, пришло время, и королева знала это, — вмешалась Третэ. Она вытерла руки. — Судьба порой оказывается темной.

— И наступает она, — добавила Найла, — по какой-то причине. И пока замок был на ушах, Эрема украла амулеты.

— Но если держать их могут только Стражи, то как...?

— Призыватели могут обмануть их, — ответила Третэ, — если используют что-то, сделанное из хукона.

— Хукон! — Эви говорила, что им был сделан порез на руке. — Это метка Тротов.

— Это *их* метка, — прошептала Найла. — Они используют его для темных дел. Яды, ловушки...

— Страшное оружие Призывателей, — вмешалась Третэ. — Черная ива.

Мы застыли и не говорили. В груди слабо покалывало, я не просила тревожить эту рану. Третэ забрала у меня миску и тихо нарушила молчание:

— Не бойся. Призывателя здесь уже нет.

Но я дрожала из-за Гарейна. Он нашел меня на краю, как нашел Эрему...

— Это ужасное предательство для него, — прошептала я.

— Предательство в прошлом. Его чувства — в настоящем, — серьезно сказала Третэ.

— *Месть*, — добавила Найла.

Третэ возмутилась:

— Лучше не произносить это слово, — она повернулась ко мне и добавила. — Он чувствует вину, вину и боль, — она принялась прибираться на столе. Она устала от этого разговора.

— Гарейн не один, — тихо сказала Найла, мы шли обратно в мою комнату. — Но он слишком сильно винит себя. Он хочет исправить ошибку.

Месть. Она думала об этом. Мы молчали долгое время. Это из-за меня эта тьма вышла наружу.

— Странно, что вы смогли меня поприветствовать после такого, — прошептала я.

Странно, что Гарейн не убил меня на месте.

Я села у окна, глядя во тьму и ожидая. Замок погружался в сон, а я уснуть не могла. Я ждала, когда Гарейн погрузится с плеском в пруд.

Желание привело к боли, к нежелательному гостю, что дождался момента, проник внутрь и ударил, и это вело к гневу, а затем...

А потом Хаос.

Я вздохнула и уткнулась головой в скрещенные руки. Розы пахли слишком сильно этой ночью, даже сахар чувствовался на языке, плеск воды слышался ясно в ночи.

Запах, звук, вкус... и взор? Я видела, как Гарейн поднимается из воды, обнаженный, поблескивающий каплями. Его прикосновение...

«Ты должна быть сильной», — сказал Гарейн. Я не могла, не могла вынести эту боль.

Я заставила себя встать с кресла, лечь в кровать. Она была слишком мягкой. Я стащила на пол подушку и одеяло и устроилась у камина, свернувшись калачиком. Я ждала сон, а он, конечно, не приходил. Я боялась своих чувств, они сметали все адекватные мысли. Так работали Призыватели. Желание, нетерпение, сомнение... семена были посеяны, чтобы сломить замок, сломить Всадников. Они причиняли боль изнутри, пронзали, пока я пыталась лежать неподвижно у камина, заставляла себя смотреть на красные угли, замечая, как они меняются. Каждая вспышка пламени меняла их, каждое мерцание что-то перемещало. Давало и забирало. Вдох ветра, вспышка пламени, рассыпающееся дерево, жар становился холодом. Ничего не стояло на месте, но ничего нельзя было изменить.

Ничего.

12

Но...

Что-то происходило. Воздух стал сухим, он пах смертью. Я резко проснулась.

Я лежала во тьме, не помня, что успела уснуть, тяжело дыша в этом сухом воздухе. Голова была тяжелой, я посмотрела на камин, но уже понимала, что угли угасли. Огонь не горел, света не было вообще.

В ушах снова раздалось жужжание, как в холмах вчера. Повторилось и притяжение к земле. Я не могла дышать, было нечем дышать, шею покалывало, словно иглами. Задышавшись, я откинула одеяло, смогла встать на колени, хотя невидимые руки цеплялись за меня, потом на ноги, но пошатнулась, меня притянуло обратно на каменный пол. Я прислонилась к камину, по лбу стекал пот, я не могла понять, куда идти и как.

Я слышала лошадей, жуткие звуки из конюшен. Лошади вопили единым голосом, объятые единой тревогой. Где-то лаяли собаки. Они чувствовали то же, что и я, это притяжение энергии, удушье, эту тьму, мы с животными были напуганы и старались предупредить всех.

Но я не кричала. Я раскрывала рот, чтобы кричать, вопить и визжать, но голос таял, я не издавала ни звука, а воздух вытягивал жизнь с каждым вдохом. Холод камина проникал в мои ладони, забирая тепло и силу. Я теряла желание двигаться. Я повернула голову, пытаюсь отодвинуть ее от камина, но могла лишь смотреть, а время, казалось, тянулось вечно. Тьма окружала и поглощала комнату. Исчезли кресло, кровать, я была следующей...

— Ларк! — голос Гарейна доносился из-за двери в сад, он был тревожным из-за криков

животных. — Ларк! Ты здесь?

— Гарейн! — я не могла двигаться, не могла дышать, и слово оказалось едва слышным. Я кричала его имя снова и снова, пока не охрипла, но тьма поглощала звуки.

— Ларк?

Он не услышит меня. Он пройдет мимо двери...

Но его присутствие наполнило комнату. Я слышала, как он выругался из-за силы, что сотрясла его. И прокричал с порога:

— Я нашел ее! — и ворвался в комнату. В два шага он оказался рядом, обхватил меня руками. Пространство заполнил воздух, и Гарейн поднял меня, унося из комнаты, где тьма таяла под светом звезд с ночного неба. Он остановился в арке, прижимая меня к себе и слушая, а я глотала воздух.

— Что это было? Что это было? — выдыхала я, хватаясь за его рукав. Животные притихли, и мой голос казался ужасно громким.

— Они забрали его. Воздух, — прошептал он в мои волосы. — Они играют, хотят нас запугать.

Они. Призыватели. Меняли понемногу природу, чтобы запугать. По спине пробежал холодок.

— Они здесь? — прошептала я. Теплым здесь был только Гарейн.

Он покачал головой, блуждая взглядом по окрестностям.

— Они не могут быть здесь, да и не должны. У них амулеты.

— Это была *игра*? Тарнек задыхался? Гарейн, клянусь, тьма поглотила бы меня! — я потянула за его рукав, чтобы он посмотрел на меня.

— Ты видела их пустоту, — Гарейн взглянул на меня. Он был слишком близко, а руки крепко держали меня. — Они могут запугать, но не могут уничтожить Тарнек, пока не разрушат амулеты. Суди сама. Вреда нет. Огни и свечи можно зажечь снова.

— Ты так говоришь, словно может быть что-то хуже.

Так и было. Гарейн тихо прошептал:

— Как чувствуют Стражи, так и Призыватели чувствуют Стража. Ты ощущаешь все острее, слышишь, видишь, чувствуешь глубже, чем остальные. И эта чувствительность помогает Призывателям найти Стража, — он убрал с моего лица прядь волос. — Они нашли тебя.

Какая чувствительность, когда я сама кричала свое имя с холма? И Призыватели шептали в ответ: «Вот ты где...». Я взглянула на него, лунный свет очерчивал его хмурое лицо, воздух покалывал.

— Я привела их сюда. После вчерашней поездки.

— Я говорил, что это опасно, — Гарейн вдруг словно вспомнил, что должен помочь остальным. Он отпустил меня и прислонил к стене. — Стой здесь, — приказал он и исчез в саду. Я слышала, как он говорил с другими на поляне, похоже, с Брантом и Лореном. Слова было слышно нечетко, но голоса их были тревожными, и я представляла, о чем они говорят. Нашлась я, и теперь все в опасности. Король сказал, что Призыватели будут использовать людей, что мне дороги.

Я прижала колени к груди, обхватив их, сдерживая ужасные мысли. Вокруг меня в комнатах зажигался свет свечей. Я чувствовала запах огня в камине...

Словно видение ужасного пророчества, огонь появился перед моими глазами, яркий, как солнце. Слышались крики, топот ног по мощеной площади. Мне было холодно, хотя

вокруг горело пламя. Языки огня двигались, а затем расступились, показывая мне колодец в центре площади. Я знала это место, хотя от пожара камни на площади почернели. Мерит...

Видение резко оборвалось, Гарейн сжал мое плечо, вернувшись. Я взглянула на него, все еще пораженная видом этого пламени. Его красивые глаза потемнели.

— Как ты? Ты была... — он отпустил мое плечо и взмахнул рукой, а я вскрикнула, второе видение нахлынуло на меня.

Холодная и ужасная боль пронзала меня. Здесь было темно, лишь где-то вдали горел огонек. Я ползла к нему, кривясь от боли, пока не поняла, что огонек был сияющим шаром, обернутым черной тканью. Еще ближе, и шар оказался с тонкими золотыми, синими и зелеными нитями на поверхности. Амулет жизни, хрустальный шар. Я подняла руку. Вдруг черная полоса разбила его свет пополам, появлялись другие полосы, закрывая тьмой поверхность, пересекаясь, плетя паутину из мрака. Свет угасал, терял силу, а тело болело, и я не могла дышать...

— Ларк! — Гарейн снова схватил меня за руки, поднимая меня на ноги. Я открыла глаза и непонимающе смотрела на него. — Где ты была? — спросил он, встряхивая меня. — Ты звала его! Шар!

— Ты остановил их, — выдавила я, задыхаясь. — Как ты их остановил?

— Остановил что? — у него лопнуло терпение.

— Ты! Ты влияешь на видения! — крикнула я, от Взора было плохо.

Глаза Гарейна расширились, посветлев. Он смотрел на меня какое-то время, а потом на свои ладони, что обхватывали мои руки.

— Я влияю на тебя, — тихо сказал он. И отпустил меня.

Я съехала по стене. Гарейн опустил руки, хотя не разжал кулаки. И осторожно сказал:

— Ты сказала, что видела шар. И что они пытаются его уничтожить.

Я судорожно вдохнула.

— Черные полосы покрывали его, он угасал...

— Хукон, — перебил он.

Я кивнула, голова закружилась.

— Где он был? Где был шар? — Гарейн вел себя грубо, он не мог сдержать желания уцепиться за подсказку.

Я поежилась, ничего не понимая, на меня накатывали волны тошноты.

— Как я должна...?

— Что ты видела?

— Не знаю! Там было темно и холодно. Тряпка. Свет угасал...

— Что еще? — не унимался он. — Ларк, думай! Что еще...?

— Я не видела ее! — я схватилась рукой за колонну. — Если ты это хочешь знать, то я не видела Эрему, — плющ окружил меня. — Мне плохо.

Гарейн закрыл рот и взял меня на руку. Он привел меня к пруду.

— Сядь, — сказал он, не церемонясь, и я послушалась, рухнув на каменную ограду. Он взял тряпку, которой завязывал раньше мои глаза, намочил ее и, подняв мою руку, прижал ее к запястью, где бился пульс. — Подержи ее так немного, потом приложи к другой руке, — он повернулся и направился к кустам, а пришел с охапкой роз-колокольчиков.

— Дыши, — сказал он, поднося цветы к моему лицу.

— Я помогу, Гарейн, — Илона с Дартеном появилась из темноты. Если бы я не была в таком состоянии, то заметила бы, что в саду полно людей. Они были повсюду.

Гарейн передал цветы ей и отступил, прошептав что-то о моем видении. Теперь я видела только милую Илону, а она мягко сказала:

— Закрой глаза, Ларк, — я послушалась, а она прижала ладони к моим вискам, словно бабушка. И головокружение отступало в ее ладони, все еще сжимающие розы. Она отпустила мою голову и отряхнула с ладоней сгнившие цветы.

Я с благодарностью взглянула на нее.

— Ты целитель, — прошептала я. Это не должно было так меня удивить. — Спасибо, — мне стало лучше, хотя жужжание не унялось, оно покалывало виски. Илона, видимо, тоже это почувствовала, рука ее дернулась к уху, но она все же прижала ладонь к моей голове.

Она нежно пригладила мои волосы и спросила Гарейна:

— Они знают, что она здесь?

Гарейн кивнул, и Дартен низким голосом сказал:

— Времени мало.

— Тогда идем, — Гарейн взглянул на меня. — Не ты, Ларк. Всадники.

Илона улыбнулась мне. Глаза ее были теплыми, но лицо напряглось, словно она сдерживала боль. Дартен коснулся ее плеча и сказал обоим:

— Мы поедем по западной дороге на юг. Может, так мы отвлечем их, — он обернулся, словно его кто-то окликнул, и ушел.

Я смотрела ему вслед. Всадники уходили.

— Потом вы поедете в Мерит. Я знаю. Я еду с вами.

— Нет, — тут же отозвался Гарейн. — Это опасно.

Как же надоели эти повторяющиеся слова! Но Илона не дала мне ответить, сказав:

— Он прав, Ларк. Тебе лучше остаться здесь. Призыватели ждут тебя... — она судорожно вдохнула. Я взглянула на нее, потом на Гарейна. Он смотрел на сестру, но был готов сорваться с места, словно натянутая тетива.

— Король сказал, что не может отказать моей просьбе, — возразила я.

Гарейн не сводил глаз с Илоны.

— Но я могу. В Тарнеке тебе безопаснее.

Я встала, разозлившись из-за отказа и ужасного постоянного жужжания.

— Нет, мне обещали!

Илона прошептала:

— Подумай, Ларк.

Я повернулась к ней, почти перекрикивая шум в голове.

— Если я останусь, на Мерит точно нападут! Призыватели нападут на тех, кого я люблю, чтобы выманить меня. Так выпустите меня! Пусть придут за *мной*! — я повернулась к Гарейну. — Пожалуйста!

— Ларк...

Я обратилась с мольбой к Илоне:

— *Пожалуйста*, — но Илона меня не слышала. Она зажала руками уши, лицо ее побелело, на шаталась, а жужжание превратилось в вопль. Я подняла голову.

Сотни черных силуэтов летели на нас, и остальные поняли, что это.

Послышались тревожные крики.

— Ложись! — скомандовал Гарейн.

Я оказалась на земле, не сразу поняв, что это Гарейн схватил за руки меня и свою сестру, повалив нас на траву. Силуэты летели к нам, оказавшись на волосок от столкновения.

Это были не птицы, я поняла это, когда они подлетели. Это было нечто ужасное. Размером с двух цапель, они были покрыты черными перьями, обладали орлиным клювом и человеческими глазами. Жужжание стало громче и превратилось в какофонию резких криков в моей голове. Руки не могли защитить от шума. Я взглянула на Гарейна и Илону, ей было плохо.

Я закричала:

— Что это такое?

Гарейн выглянул из-за камня, за которым укрывал сестру.

— Стрижи! — отозвался он. — Оставайся на земле, они не могут ее касаться.

Нападение временно прекратилось. Они покружили над землей и поднялись в небо. Гарейн воспользовался шансом.

— Сейчас! Бегите! — он поднял Илону и понес ее в арку, а оттуда — в комнату. Я не отставала.

Все бежали из сада в замок. Мы забрались в первую попавшуюся комнату и вырвались в коридор. Вопли стрижей становились все громче, они снова пошли в наступление. Шум был невыносимым. Но вдруг они столкнулись со стеной и вспыхнули пламенем.

Гарейн перекричал шум, сжимая Илону:

— Они взрываются, стоит им коснуться чего-то, связанного с землей. Внутри они нас не тронут. Но они настойчивые, они загнали нас в угол, чтобы остальные напали, а если мы сбежим, нас сожгут или убьют.

— Гарейн! — Дартен проталкивался к нам. Гарейн передал ему Илону, и Дартен отнес ее к камину, чтобы согреть.

— Целители слабы перед стрижами, — сказал Гарейн, хотя я не спрашивала.

— Ей станет лучше?

— Шум сводит их с ума, и пока он не прекратится... — он замолчал, послышался грохот, вспыхнул огонь. — Существа беспощадны!

Я осмотрела полную людей комнату, лица их были спокойными, хотя вопли не прекращались, как и грохот и запах сгоревших стрижей. А еще была Илона, что, побелев, билась в агонии в руках Дартена, чье лицо было напряженным. И так будет все время, если я останусь. Мерит, Рубер Минл, лисы, Илона — все они страдали из-за меня, чтобы защитить меня, чтобы помочь мне. *Несмотря на жертвы...*

Так сказал король.

Я безмолвно развернулась и выбежала в коридор. Стрижи отступили, готовясь к новой атаке. И в этот миг я прорвалась в свою комнату, сбросила ночную рубашку, переделалась в узкие брюки и тунику, что висели на краю кровати.

— Ларк! — Гарейн вошел в комнату чуть позже. Он резко отвернулся, я не успела натянуть до конца тунику.

— Я ухожу, — быстро сказала я и бросилась к двери. Но он перегородил выход.

— Ты действуешь необдуманно из-за стрижей. Этого они и хотят.

— Они здесь ни при чем, я должна это сделать.

Я склонилась вправо, но он не сдвинулся.

— Ты не уйдешь! — заявил он. — Для тебя здесь безопаснее всего.

— Но не для остальных! Мое присутствие приносит им боль!

Мы вздрогнули, третья волна атаки сотрясла замок. Стрижи взорвались у моего окна, я услышала вдали крики Илоны.

Гарейн мешал выйти в коридор, и я бросилась к проему, что вел в сад.

— Ларк, нет!

Но я ушла, пока существа поднимались вверх для очередной атаки. У меня едва были минуты. Я прорывалась сквозь сад, попала в коридор, оттуда — в холл, через множество залов, пока не нашла то, что искала, — дверь наружу.

Я помчалась в конюшни. Рухнула на землю, не добравшись до них, закрыв голову руками. Стрижи были близко, они вздымали крыльями ветер, что шевелил волосы на моей голове. Сколько еще раз они нападут? Сколько еще раз понадобится, чтобы уничтожить Илону?

Они снова взмыли в небо. Я поднялась и побежала остаток пути к конюшням. Двери едва поддались мне.

Звери тревожились, фыркая, под их ногами хрустела солома. Здесь никто не зажег фонари, потому шла я на ощупь, считая, вдыхая и чувствуя.

А вот и Руна. Он коснулся моей протянутой руки, радуясь, что я пришла.

— Идем, — сказала я ему. — Быстро.

Не было смысла искать седло, я так и не научилась кататься с ним. Я вывела коня из его загона и дождалась, пока кричащие стрижи взмоют в небо. Мы выбрались из конюшни, я плотно прикрыла двери и повела Руну к воротам. Я взобралась на ограду, чтобы залезть на спину коня.

Неужели я только утром впервые села на своего коня? Он казался частью моего тела.

— Беги туда, Руна! В лес!

А он словно уже знал. Мы помчались к укрытию деревьев. Я прижалась к его шее. Стрижи замерли и бросились вниз, к земле.

— Беги! — торопила его я.

Черные крылья прижались к телам, они вытянулись, словно стрелы. Они погибнут, чтоб уничтожить нас. И не остановятся.

Деревья были впереди, тьма сгущалась.

«Беги, Руна, беги».

Один стриж полетел к нам. Я слышала, как свистит ветер. Я не выдержала и посмотрела вверх, существо летело прямо на меня, опасный клюв и человеческие глаза выделялись на темном теле. Крик даже не успеет сорваться с моих губ.

Но стриж вспыхнул огнем прямо надо мной, отлетая на землю, искры задели мою щеку и бок Руны.

«Как?» — я обернулась и увидела, что к нам спешит Гарейн. Он попал по стрижу камнем.

Гарейн. Он заставит меня вернуться, а я не могла этого сделать. Я посмотрела вперед и прокричала Руне:

— Беги!

В три прыжка мы оказались в лесу.

Руна замедлился, когда лес окружил нас чернотой. Я обнимала коня, глубоко дыша, чтобы успокоиться, дрожа от криков стрижей, что злились, что не могли достать меня здесь.

Гарейн будет зол не меньше них.

— Не бойся, Руна, — прошептала я, словно волновался он, а не я.

Я медленно выпрямилась и посмотрела на темное пространство вокруг, виднелись силуэты дубов и каштанов. Я увела от Тарнека врагов. Куда теперь? Я разрывалась между желанием помчаться в Мерит или направиться на север и найти хрустальный шар. Любовь к родной деревне заставляла меня желать вернуться, помочь им. Но если я приведу к ним стрижей? И задание, что я обещала выполнить, ждало меня в другой стороне.

Сжав зубы, я сжала коленями бока Руны и сказала:

— Пойдем туда, куда ты возил меня вчера. К горам Мир.

Руна направился в чащу. Странно было снова оказаться ночью в лесу, но теперь я была не одна. Мы шли медленным, но уверенным шагом, пробираясь сквозь деревья. Я закрывала глаза, чтобы ощущать и избегать веток в темноте. Я не понимала, куда мы идем, это явно не были те холмы, что вчера. Мы шли по ровной местности на юго-запад, как мне казалось. Луна помочь не могла, она еще не взошла.

— Горы, Руна, — повторила я с нажимом, чтобы он понял мои слова, я не понимала, почему он не идет той же дорогой, что и вчера. Но, может, ему мешала темнота.

Жужжания больше не было, это я поняла только что. Стрижи отступили. Я вздохнула, радуясь и надеясь, что это не временная мера, надеясь, что Илоне стало лучше. Я не могла не думать о том, как Дартен прижимал ее к себе, защищая. Любовь помогала, успокаивала...

Я снова сбилась с пути.

— Руна! — строго сказала я. Он не обратил внимания и продолжил идти своей дорогой на юго-запад. Я потянула его за гриву, пытаюсь повернуть его. — Нам нужно на север! К горам, Руна, к горам Мир!

— Он тебя туда не отвезет.

Я закричала, услышав голос, и обернулась. Как мог Гарейн оказаться здесь, а я его не почувствовала? Он был на расстоянии вытянутой руки, а я едва могла его разглядеть.

Он сказал:

— Так ты решила покинуть Тарнек? Сбежать?

Вопрос, а не обвинение, но я напряглась.

— Из-за меня на Тарнек напали стрижи... — но потом важнее стало возразить ему. — И я *не* убегаяю.

— Прошу прощения, твой план: «К горам, Руна», — он явно улыбался. — Это бессмысленно. Не понимаешь? Думаешь, Руна просто так повезет тебя на территорию Тротов? К Призывателям?

— Я думала, — недовольно отозвалась я, — что он отвезет меня к амулету!

Гарейн расслабился, радуясь, наверное, что нашел меня. Его тихое дыхание слышалось в воздухе. Я чувствовала его тепло.

Он спросил:

— Значит, шар в горах? Это ты говорила?

— Это я *знаю*. И раз теперь я не нервничаю из-за стрижей, а ты уже высказался, я могу идти?

Он молчал какое-то время, а потом сказал:

— Руна не отвезет тебя туда. Ты не готова.

— Готова! Когда я буду готова ко всему этому?

— А король? Что насчет твоей подготовки? Насчет предметов, которых ты должна дожидаться?

— А Илона? — парировала я. Гарейн замолчал, но я не сдавалась. — Я найду амулет и верну его, не знаю, как, но я не хочу, чтобы при этом страдали остальные!

— Ты неправильно это воспринимаешь, — возразил Гарейн. — Мы оберегаем тебя, ведь ты всех нас спасешь. Мы сами вызвались помогать тебе.

— Нет! — я вспомнила о жертве лисов, к горлу подступил комок. Я вот-вот расплачусь, я и без этого пролила слишком много слез перед Гарейном.

— Ларк, — мягко сказал Гарейн.

— Отпусти меня... Я справлюсь сама.

Он издал звук, похожий на смех, но с мрачным оттенком.

— Я поторопил судьбу, и это навредило многим. Не повторяй моей ошибки.

— Обещаю, что *твою* ошибку я не повторю. Вперед, — приказала я Руне.

Он не сдвинулся. Я подтолкнула его коленями, пятками, потянула за гриву, но он стоял, как вкопанный, а я выглядела глупо, решив, что могу управлять этим созданием.

Я выдавила:

— Что ты предлагаешь?

Моя резкость прошла незамеченной для Гарейна, он с готовностью ответил:

— Иди за мной. Мы встретимся с другими Всадниками утром в долине Брен, — и снова улыбка, судя по голове. — Ты же хотела в Мерит? Я уступаю. Используй шанс.

Долина Брен. Мне смеяться? Старейшины Мерит думали, что я уже встретила там Всадников. Было странно, что судьба снова все развернула. Я вздохнула. Гарейн услышал это, и улыбка его стала шире. Я помрачнела.

— Даже не думай, что я послушалась тебя. Я слушаюсь коня, — я надеялась, что Гарейн не ошибся, и Руна пойдет за ним, ведь я была бы рада оказаться в Мерите, а не в горах.

Улыбка оставалась на губах Гарейна, но голос зазвучал тише:

— Странная ты, Ларк, — сказал он. — Сначала была такой тихой, даже послушной. И за пару дней...

— Что ты увидел во мне? — я боялась, что он узнал о сокровенных чувствах.

Он покачал головой.

— Храни свои чувства. Они могут привести тебя к гибели.

Я понимала, что Гарейн говорит о себе. Но он был прав. Несомненно, прав.

Мы ехали бок о бок в темноте. Не было ведущего. Лошади шли вместе, уверенно пробираясь сквозь тьму, проходя дубовую рощу, направляясь по землям при замке, устремляясь к тропе, что вела прочь от Тарнека. Гарейн остановился и показал, где держаться за Руну, когда мы будем спускаться по склону.

— Дай ему больше свободы, — сказал он, съехал со спины своей лошади, чтоб показать мне. Он взял меня за руку и исправил хватку. Наши пальцы соприкоснулись на шелковой гриве Руны.

— Ты покраснела, — прошептал он и отвернулся. Наверное, улыбался.

Было невероятно тихо. Стрижи ушли. Гарейн сказал, что этой ночью они уже не вернутся, хотя мы и были сейчас открыты для атаки, пересекая долину. Звезды освещали наш путь, поблескивая сиянием на камнях склона. Мы добрались до леса из эвкалипта и сосен, луна затерялась за верхушками деревьев. Только тогда Гарейн разрешил остановиться на ночлег.

— За теми камнями есть маленький пруд, — сказал он. Так и было. В камнях была выемка, где собралась дождевая вода. Лошади пили из пруда, я вымыла руки и лицо и

попробовала чистую воду, радуясь тому, что снова оказалась вне четырех стен.

Я вернулась, а Гарейн уже расстелил покрывало, он был не таким и злым. У него была фляжка с водой и пакет с сухарями. Он взял их, а я даже не подумала взять с собой еду. Он был прав, из-за необдуманнх действий я оказалась не готова.

— У нас всегда все готово для похода, — сказал Гарейн, проследив за моим взглядом. — Потому я почти сразу же последовал за тобой, — он добавил почти беспечным тоном. — И мы никогда не расстаемся с мечами, — его оружие лежало на краю покрывала.

«Но не в воде», — подумала я, вспомнив сверкающего каплями воды Гарейна в саду. Я отругала себя и сосредоточилась на блеске его меча.

Гарейн сел и убрал волосы со лба, после чего придвинул свою сумку.

— Садись, — предложил он, убрав в сторону меч и взглянув на меня. — Я не собираюсь им пользоваться.

Он заметил, что я никак не отведу взгляда от меча, и сказал с нотками веселья:

— Да шучу я, — и добавил еще мягче. — Ларк, я не наврежу тебе.

Не из-за меча мне было неловко. Я осторожно опустилась на колени на краю покрывала, надеясь, что в темноте мой румянец будет незамеченным.

— Ты не голодна? — спросил он.

Я ощутила голод. Я потянулась за сухарем, что Гарейн предложил в качестве примирения. Но он не отпустил свой край, и мы замерли, сойдясь в этом поединке, он не сводил с меня взгляда. Гарейн заговорил первым:

— Я вел себя ужасно, Ларк. Не так, как я хотел.

— Хотел? — он явно чувствовал дрожь моих пальцев. — А чего ты хотел?

— Чтобы все началось по-другому.

Он сказал это тихо, но искренне, и мои щеки вспыхнули. Я выдавил смешок, но прозвучало это словно икота.

— Ты хотел меня убить, но не смог. Надо радоваться хоть этому...

— Это еще не все, Ларк, — Гарейн замешкался и сказал. — Ты простишь?

Я задрожала, сердце екнуло, ничего не могла с собой поделаться. Он это явно понял и потянул легонько сухарь на себя, зная, что выиграл, желая, чтобы я улыбнулась.

— Мы друзья.

Друзья. Глупый укол разочарования, но я все-таки улыбнулась.

— На эту ночь — да, но я не знаю, в каком настроении ты будешь утром.

— Шутишь? — он вскинул брови. Но отпустил сухарик и отвернулся, растянувшись на покрывале и взяв другой сухарь. Он медленно жевал его и смотрел на небо. Тело его расслабилось и сильнее прижалось к земле.

Он не сказал ни слова о прикосновении, что пробудило меня. Он не сказал ничего о связи, которую признал в ту ночь в саду. Он не смущался и не краснел, значит, стоило это так же игнорировать, как и он. Я заняла себя сухарем, что оказался сладким с ореховым привкусом. Но он быстро закончился, и я замерла.

— Хорошо питает перед битвой, — сказал Гарейн. — И в пути хорошо, — долгое время царил молчание, я сидела на коленях, он лежал, подложив руку под голову. Я слышала биение своего сердца. Лошадь Гарейна позвякивала седлом. Гарейн взглянул на меня.

— Вместе нам безопаснее, — и чуть позже добавил. — И лежать спать проще. Попробуй.

Я кивнула и легла на спину. Мы лежали бок о бок на расстоянии руки. Я вдохнула, пытаюсь успокоиться, надеясь, что всю ночь я себя так чувствовать не буду.

Гарейн рассмеялся.

— Так ты не отдохнешь, — он протянул руку и убрал волосы с моего плеча. Его пальцы задели мою шею, случайное прикосновение, мы вздрогнули. Я заметила взгляд Гарейна.

— Ты так легко краснеешь, — прошептал он.

— Наверное, — прошептала я отчасти правду. — Я не привыкла к дружбе.

— Дружбе? — спросил он, словно это не он выбрал это слово.

Гарейн подвинулся, но его левая рука осталась вытянутой под головой, тишина укутала нас. Он явно думал о Тарнеке, а я разглядывала звезды, наслаждаясь его близостью, его теплом.

— Илона, — сказала я, поняв его мысли, и спросила. — С твоей сестрой ведь все будет в порядке?

— Она сильная, — вздохнул Гарейн. — Наверное, мне стоит поблагодарить тебя за то, что ты увела стрижей, хоть поступок и был глупым.

Я слабо улыбнулась и вдруг поежилась.

— Этот ужасный шум...

— Ты их слышала? Издалека? — Гарейн замолчал, и я кивнула. — Мы такого не можем. Но что-то в них — дрожь от них или хлопанье крыльев — сводит Целителей с ума. И чем ближе они, тем дольше это длится...

— Хотелось бы понимать. Я не знала, что это. Я думала, так гудят горы или... Не знаю, — я потерла лицо рукой. — Глупо. Я могла предупредить Илону и всех. Это я выучу.

Я думала, он согласится, но Гарейн повернулся на бок и с любопытством смотрел на меня.

— Ты, как Стражница, видишь природу вокруг нас иначе? Каково это — видеть истории других людей, знать об атаке Призывателей? Каков этот Взор?

Я смотрела на него, ошеломленная количеством вопросов.

— Я... не думаю, что это как-то отличается. Но... если ты хочешь знать, что я чувствую, то это не только видения или ощущение энергии людей. Взор — это зрение, он затрагивает все мои чувства. Э-это значит, что раз я это вижу, я это знаю.

— И что же ты видишь, Ларк?

Гарейн оказался очень любопытным. Он не сводил с меня взгляда, и я не могла отвернуться. Я замешкалась. Как описать что-то настолько личное? Наконец, я тихо сказала:

— Ты спрашиваешь не о самых приятных особенностях Взора. Да, я могу прочитать человека, особенно, при первой встрече, и это пугает, потому что эмоции непредсказуемы, а истории порой ужасны. Я мало знаю о насилии, но когда надвигается что-то мощное, меня охватывает отвратительное ощущение, кожу покалывает, тело трясет... — я замолчала. — А еще есть сны и видения, они же — предупреждения, — я вспомнила о видении опасности для Мерит, об амулете Жизни, что страдает из-за хукона. Гарейн сверлил меня взглядом.

— И ты из-за всего этого страдаешь?

Может, с ним и было приятно общаться, но слово он подобрал грубое.

— Все не так плохо, Гарейн. Есть и та часть сил Взора, что... поражает, — я отвернулась и смотрела на звезды. — Видеть танец звезд на небе, чувствовать камни под нами, что тихонько гудят, чувствовать вкус ночи. Слышать дыхание деревьев, видеть мерцание неба, ощущать, как растет все в земле, как меняется. И все это я ощущаю и знаю. Земля наполняет меня, все вокруг нас полно жизни, и они... звучат для меня слаще музыки, — я замолчала на миг. — Король сказал, что амулеты говорят со Стражами. Но я

думаю, что они поют. Жизнь поет для меня.

Я рассказала о Взоре больше, чем обычно, больше, чем стоило. Я ждала ответа. Гарейн смотрел на меня, но ничего не сказал, а ночь окружала нас, кипя энергий предвкушения. Я чувствовала свое волнение, его волнение, словно между нами полыхало пламя. Стоило бы сменить тему, ведь молчание затянулось, а взгляд его был слишком пристальным.

— А Всадники? — спросила я, нарушая тишину. — Что они чувствуют?

— Опасность, — ответил он через миг и перевернулся на спину. — Мы хорошо ощущаем нарушенное равновесие.

Я не могла себя сдержать и улыбнулась, вспомнив.

— Когда я впервые услышала о Всадниках, то решила, что вы все очень старые.

Гарейн фыркнул.

— Сложно успеть состариться. Мы — сильнейшие среди Хранителей, лучшие наездники. Многие хотели, но выбирают только двенадцать.

— И вы Всадники навеки?

Он рассмеялся первым:

— До старости, — и посерьезнел, — или... — молчание было печальным. И он гордо добавил. — Мы защищаем Тарнек. Мы готовы жертвовать ради него.

Жертвовать. Опять это проклятое слово. Гарейн, словно ощутив мою тревогу, добавил:

— Не бойся. Мы крепкие.

— Не понимаю, зачем тебе такой опасный путь, если тебе суждено быть королем.

Он заявил прямо, закрывая тему:

— Я — не правильный вариант для трона.

Мы молчали. Гарейн, видимо, уснул. Я тоже устала, хотя и парила мыслями где-то в небе со звездами, на которые смотрела, и слышала ровное дыхание Гарейна, думая о его красивой улыбке. Хотелось бы, чтобы такой его близости было достаточно.

За миг до сна я услышала его тихий голос:

— Ларк?

Я закрыла глаза. И уснула.

Дневной свет заливал мою комнату в нашем домике через окно. Я была укутана в одеяло так плотно, что не сразу смогла выпутаться. Я медленно поднялась, ноги едва касались пола, и с болью посмотрела на пейзаж за окном — зеленую траву и яркое солнце. Жаворонок взлетел в небо, словно брызги бронзовой воды, и направился к полю. Я улыбнулась и опустила взгляд, каменная тропинка вела от нашего дома к ухоженным садам. Там была Эви, с ней был Гарейн. Они шли по тропинке, удаляясь от меня, я видела только их спины. Они были так близко, как она даже с Райфом не стояла, их руки порой задевали друг друга. Солнечный свет поблескивал на ее светлых волосах, она замерла и повернулась к нему. Она говорила, а он слушал. Я не слышала ни звука, но понимала выражение его лица, видела, как она склоняется ближе к нему. Гарейн развеселился от ее слов, им овладел трепет. Он обнял ее. Эви обвила его руками, подняла голову, мило улыбаясь, и он склонил голову ближе к ней...

Я рухнула на пол в своей комнате.

* * *

Первые лучи солнца пронзили тьму уже после рассвета. Я лежала, лишь отчасти признавая себя одной из фигур на покрывале. Я лежала рядом с Гарейном, он обнимал меня

за талию. Мы долгое время так лежали, его дыхание касалось моих волос, а тепло успокаивало. Молчание смягчало тихое гудение земли, камень, что был под нами, укачивал нас. А если я подниму голову, то, может, даже дотянусь до его губ...

Я закрыла глаза. Что за наваждение! Даже в этот миг между сном и пробуждением я не могла притворяться, что не понимаю, что означал этот сон. Эти прикосновения предназначены не для меня. Она просила, чтобы я Взором выбрала ей любовь, выбрала за нее. И я пообещала ей.

Я обещала.

Жестокий, но честный Взор. Он сделал выбор, дал ответ. «Ты поймешь», — всплыли в голове ее слова, горькие слезы потекли по щекам. Как же нечестно со стороны силы, что я только что описала Гарейну с хорошей стороны. Назвала поразительной! Я хотела выплюнуть это слово. Этот сон, неприятное знание пылали во мне. Странно ведь: Стражница Жизни, носитель Взора, была связана со всеми существами Земли, кроме того, с кем больше всего хотела бы отношений. Я лежала, не шевелясь, какое-то время, желая стереть этот сон, свою жизнь.

Но это случилось. И я не могла изменить увиденного. Хуже того, я не могла отменить обещанного. Я хотела, чтобы Эви была счастлива. Но вместо этого я уткнулась лицом в плечо Гарейна в последний раз, вдохнула его запах и проглотила ужасающую горечь зависти, что в этот миг испытала к кузине, к ближайшему человеку для меня.

— *Прости, Эви,* — прошептала я. — *Прости...*

Гарейн сказал:

— Кто такая Эви?

Его вопрос испугал меня, я и не понимала, что говорю вслух. Я резко села, и его рука осталась в стороне.

— Эви — моя сестра, точнее, кузина. Ты ее увидишь, когда мы попадем в Мерит, — сказала я, яростно отгоняя сонливость. — Мне приснилось, — добавила я в защиту и посмотрела на него. Он разглядывал меня, замерев и не пытаясь пошевелиться, оставаясь слишком близко.

— Ясно, — сказал он. И добавил мягче. — Я видел на твоём лице много эмоций, но не эту. Ты печальная.

Мы смотрели друг на друга, я не могла спросить, знал ли он, что мне снилось, был ли у него такой же сон. Гарейн отвел взгляд.

Нечестно.

Но Гарейн заговорил первым:

— Нужно идти.

14

Путь на поляну Брен был долгим. Холмы Тарнека бесконечной грядой обрамляли путь, перемежаясь с соснами и эвкалиптом. Копыта лошадей почти бесшумно шагали по ковру из хвои. Я не понимала, как Гарейн чувствует, что его конь идет правильно. Все казалось одинаковым — высокие стволы деревьев, покров на земле, пряные ароматы.

Но все было не так и монотонно. Был и прогресс: мы пересечемся с другими Всадниками и направимся в Мерит. И... я была с Гарейном. Хотя мысль эта вызывала вину. Я смотрела на него с желанием, но пыталась и сопротивляться этому чувству, а Руна

чувствовал мое напряжение и вскидывал голову, словно пытался отвлечь меня и заставить сосредоточиться на дороге.

Не помогало и то, что напряжение чувствовала не только я, оно гудело между нами, я ощущала, что Гарейн не один раз отводил взгляд. Я стыдила себя за свое желание.

«Он предназначен для Эви, для Эви», — повторяла я снова и снова в голове. Если бы не было того сна.

Если бы я не обещала.

Я заметила, что меч Гарейна оставался в ножнах.

— Ты не боишься Тротов? — спросила я у него.

— Не здесь, — ответил он, натянув поводья, пока его лошадь переступала камни. — Здесь слишком сильные запахи для них, да и дневной свет им навредит.

— Но ты говорил, что в холмы уже прорывались.

— Да. Призыватели, получив амулеты, осмелели. Троты посылают, чтобы отвлечь нас, может, чтобы мы не успевали искать или, — он кивнул на меня, — защищать Стражей. Но этот лес опасен для этих существ. Долго они здесь не выдержат. Может, они сейчас нас даже не чувствуют.

Троты пробирались на чужие территории, чтобы убивать во имя Хаоса... Я вспомнила о стрижах.

— Призыватели повелевают многими существами? — спросила я. — И я видела еще не всех?

Гарейн помрачнел. Он спешил и остановился у выдающегося камня на краю утеса, вокруг росло немного трав. Лошади неспешно жевали траву, а я подставила лицо солнечному свету, поглядывая на коней, что так отличались внешне, белый и серый в пятнах.

— Как зовут твою лошадь? — я сменила тему.

— Петрал, — прозвучало невольно. Гарейн был занят чем-то на краю утеса, и я подошла к нему.

— Что это? — спросила я.

Он оторвал взгляд от пояса, от которого что-то отцеплял. Кожаный плетеный кнут, которым он связывал мои руки, но об этом сейчас мы умолчали.

— Видишь? — он вытянул руку, указывая на что-то впереди среди камней.

Я прищурилась.

— Маленького зайца?

— Да, — Гарейн схватил камень с земли. Я смотрела, как он привязывает булыжник к концу кнута отточенным движением. Он взметнул руку, кнут взмыл в воздух, оказавшись над его головой, а я поняла, что он собирался сделать.

— Нет! — крикнула я. Рука дернулась, пальцы вцепились в его предплечье, об этом я тут же пожалела. Сквозь одежду и кожу проникала энергия.

Гарейн вздрогнул. Кнут опустился, камень вывалился из узла и покатился по земле. Он посмотрел на меня.

— Это для ужина, нас ведь будут ждать остальные, — и добавил. — Ларк... — он почти накрыл мою ладонь своей.

Я отпрянула.

— Н-не надо, — сказала я. — Пожалуйста, — я отвернулась, а потом взглянула на него с вымученной улыбкой. — Страж Жизни, Гарейн. Я не собираюсь уничтожать чужую жизнь.

Потому я никогда не ела мясо, об этом думала я, прикрывая руку, которой он коснулся.

Энергия могла дать ответы на то, чего я не спрашивала. А потом я сорвалась с места и направилась по склону к животному, зайчиха была растеряна, как и я. Она ждала, пока я приближусь, нюхая воздух, глядя на меня. Когда я села рядом с ней и протянула руку, она прыгнула ко мне и позволила почесать ее за ушами. И это прикосновение успокоило меня.

«Больше я никогда его не коснусь», — пообещала я себе.

Гарейн издал негромкий звук. Я знала, что он смотрит, но боялась поднять голову и обрадовалась, когда он отвернулся. Меня оставили с зайчихой, что была теплой и мягкой. Глаза ее были большими и темными. Глубокими.

Природа рассказывает свои тайны... если знать, как ее услышать.

«Ищи знаки», — говорил король.

— Что ты знаешь? — прошептала я лишь отчасти серьезно. — Какие секреты хранишь?

И кончиками пальцев я ощутила слова:

«Тьма вошла в мир... последний бой, лицо подставишь ветру. Иди налево, не ошибешься»

Пальцы сжались на ее мехе, зайчиха отпрянула. Я отпустила ее.

«Не ошибешься, — слова эхом разносились в голове. В моей голове, в ее голове. Я не знала точно.

— Ларк? — Гарейн вернулся и смотрел на нас с вершины склона. — Пора идти.

Я встала и вытерла руки об одежду, но до этого я вдохнула солнечный аромат меха животного.

— Спасибо, — шепнула я. Развернувшись, я замерла, земля содрогалась под ногами.

— Ларк! — послышался крик Гарейна.

— Я в порядке! — но после еще одного толчка земли я упала, все вокруг трещало, я согнулась и хваталась за грязь.

— Ларк! Скорее, пока утес не обвалился! Идти можешь?

Я посмотрела на Гарейна, а он прижался к земле и вытянул руку, но был довольно далеко. Я, похоже, кивнула. И поползла вверх, пробираясь по камням, а они словно притягивали меня к себе.

— Ларк! — земля содрогнулась, послышался мой крик, я съехала вниз, камни царапали живот, земля вокруг пошла маленькими трещинами. Король предупреждал о небольших изменениях природы.

— Призыватели? — закричала я. — Это...?

— Останься там! — завопил он. — Я иду, — и резкий возглас. — Осторожно!

Огромный камень скатился по склону, я уклонилась, обхватив руками голову. Булыжник пролетел мимо меня, я оттолкнулась от земли. Я не могла позволить Гарейну сюда спуститься, иначе мы оба оказались бы в этой ловушке. Я закричала:

— Стой! — я вдохнула, проклиная Призывателей. Я соскальзывала, руки цеплялись за камни...

Земля резко перестала двигаться. Я откатилась еще ниже от последнего толчка, и все замерло. Я лежала и тяжело дышала, слыша, как зайчиха с шелестом вышла из безопасного укрытия.

— Ларк!

— Здесь, — я смогла встать. Я отряхнула одежду, распустила растрепанную косу и пошла по склону. — Ты же говорил, что не стоит здесь бояться Тротов, — выдохнула я, дотягиваясь до руки Гарейна, он помог мне влезть на утес, притянул к себе. — И теперь

скажешь, что они просто играют с амулетами.

Гарейн тоже тяжело дышал, но смог сохранить спокойствие.

— Ты в порядке? — он ослабил объятия, я кивнула, отступив на шаг. Разве я не клялась не трогать его?

Но он все еще крепко держал меня за руку, а вторую поднял, убрав грязь большим пальцем с моей щеки, придавая мне уверенность, несмотря на жар прикосновения. И он ответил:

— Это только игра.

Долина Брен не изменилась. Почти. В центре стояла большая рябина. Осталась и тропа по которой я тогда радостно бежала. После похода по лесу из сосен и эвкалипта воздух казался здесь сладким и свежим. Но подснежников не было. Они лежали на траве коричневыми увядшими пятнами.

Это все из-за Тротов. Я поежилась, вспомнив о лисах. Я надеялась, что не увижу жестокого напоминания об их жертве, и их останков видно не было.

— Смотри, — сказал Гарейн, отвлекая меня от мрачных мыслей.

Другие Всадники уже прибыли и устроились южнее рябины, скрывшись среди деревьев. Первым им помахал Дартен. Гарейн крикнул ему:

— Как там моя сестра?

— Илона отдыхает. Ей уже лучше, — отозвался Дартен. Он кивнул мне.

Мы направились к ним, Арнон и Севрин пошли к нам навстречу, они были одинаково высокими и крепкими с растрепанными темными волосами.

— Ты сбежал! — возмутились они.

— Чтобы вся тяжелая работа досталась вам! — парировал Гарейн.

— Неа, мы оставили ее тебе! — ответили они, и Гарейн рассмеялся.

Я взглянула на него. Лицо его светилось радостью после хороших новостей о сестре и воссоединения с друзьями.

Арнон придерживал Руну за гриву, пока я соскользнула с его спины, и к нам подошел Марк, подмигнув, когда заговорил с Гарейном:

— Теперь у нас две сорвиголовы. Seriously, Ларк, не стоит нам доказывать свои умения езды на лошади снова.

Я немного покраснела.

— Я не просила сопровождения, — сказала я, не зная, шутит ли он.

— Нет, Ларк, — сказал он, остановившись. — Группой идти безопаснее, — и добавил замечание. — Я учил тебя кататься не для побегов.

— Не издевайся, Марк. Теперь она с нами.

— Повезло тебе, Гарейн, что ты хорошо управляешься с лошастью. Представляю, как сложно было ее догнать.

— Есть такое, — ответил Гарейн. Он улыбнулся мне, и я, радуясь, что он воспринимает меня как друга, не смогла не улыбнуться в ответ.

— Идем, малышка Ларк, — сказал Марк, дружески обхватив меня рукой за плечи.

Мы поели, когда солнце опустилось к холмам. Мы устроились вокруг костра, Севрин готовил рагу из корнеплодов. Темнота приходила с востока, и вскоре остался лишь один источник света — костер, сверкающий золотым и оранжевым цветом. Я оглядела наш круг. Тэран, Эвен, Карг, Марк, Арнон, Севрин, Дартен, Вильх, Лорен, Брант, Иен и Гарейн —

двенадцать Всадников, чья сила, верховая езда и смелость выделили их среди всех Хранителей. Мне было странно находиться среди них, словно и я обладала такими способностями. Большую часть Всадников я еще толком не знала, но спокойно делила с ними ужин и общалась. И это я, что редко покидала дом, а ужинала только с бабушкой и кузиной. Порой я ходила на деревенские праздники, порой ходила на пикник с Куином, но ему приходилось долго меня уговаривать.

Куин. Я задрожала. В порядке ли он? Я невольно коснулась груди, думая о папоротнике, что он мне дал, но его там, конечно, не было. Я спрятала его в свою сумку, что осталась где-то в холмах Тарнека. Я жалела теперь, что не защищена тем способом, что он мне предоставил.

А потом я почувствовала нечто странное, словно призрачное прикосновение к щеке. Подняв голову, я увидела, что на меня смотрит Гарейн, сидевший по другую сторону костра.

— День с небольшим до Мерит, — сообщил темноволосый и синеглазый Лорен.

— Ленивым шагом? — спросил Эвен с умеренным любопытством. Я запомнила его, он со своей женой Марой помогал после собрания перед королем организовать отдых.

Лорен кивнул в мою сторону.

— Это необходимость, — ответил он.

— Стрижи уже нападали, — сказал Брант. — И продолжают охоту на нас.

— Или нет, — вмешался Севрин. — Их могут отправить и туда, куда мы идем.

— Стрижи могут напасть и на Мерит?

Они замолчали после моего вопроса.

— Мы не знаем, что задумали Призыватели, — ответил Лорен, который, наверное, был лидером среди Всадников. Я не спорила с его званием, ведь у него был приятный голос и спокойная сила. — Но я бы не боялся стрижей. Жители могут укрыться. Ты же помнишь, что стрижи не могут касаться ничего, связанного с землей.

— Но они взрываются. Ущерб...

— Бывают проблемы и хуже.

Гарейн издал негромкий звук, но Лорен, взглянув на него, отозвался:

— Нет смысла скрывать от нее правду. Это ее не спасет.

Вильх, сидевший рядом со мной, добавил, подмигнув:

— Вряд ли мы что-нибудь от нее скроем. Маленькая Ларк неплохо отыскивает ответы сама.

Всадники рассмеялись.

Я проигнорировала эту реакцию и посмотрела на Лорена.

— Моя кузина — Целитель. Стрижи могут ее уничтожить без прикосновений, а вы говорите, что есть еще опаснее существа. Куда еще опаснее?

Заговорил Иен:

— Ларк, не слушайся воображения, ведь оно порождает страх, который так нужен Призывателям.

Я оглянулась на Иена, самого красивого среди двенадцати, его лицо и волосы сияли золотом в свете костра.

— Я *видела*, как площадь в моей деревне горела. Вот, что порождает мой страх.

Иен покачал головой и озорно улыбнулся.

— Может, ничего этого и не будет. Верь в то, что ты знаешь, что ты *чувствуешь*. Что ты чувствуешь?

Я сказала:

— Я хочу меч.

Громко рассмеялся Брант. И Марк тоже.

— В Мерит не умеют обороняться силой, — возразила я. — Но я не буду сражаться с Тронтами без оружия, или с кем-нибудь еще, кто будет пытаться уничтожить мою семью и соседей. Я хочу научиться владеть мечом, чтобы помогать в деревне.

Иен сказал:

— Ларк...

— Нет! Прошу, выслушайте: Рубер Минл не защищался. А если бы у него был меч? Если бы на него напал всего один Трот? Если бы он смог защититься?

Я рассказывала им о судьбе бедняги, Всадники эти мои слова восприняли не так, как я ожидала.

— А если ты дашь меч Руберу Минлу, — спросил Эвен, — и другому человеку меч, и еще кому-то, то как ты поймешь? Как понять, что они уже не защищаются, а и сами нападают?

Марк добавил:

— Это как с лошадьми, Ларк. Люди с оружием не смогут так легко с ними общаться. Слишком много оружия ослабляет власть, ослабляет жизнь.

Огонь вспыхивал искрами.

— Он должен был пожертвовать собой, — сказала я с упрямством. — Он умер один. В Темном лесу.

— Ты это видела? — спросил Лорен поверх треску хвороста в костре, я кивнула, думая о том, как ужасно одиноко было ему умирать вдали от любимых...

— Ларк, — Гарейн сидел напротив, глаза его от света костра стали ярче. — Смерть Рубера Минла — не твоя вина.

— Он умер один, — повторила я. И это казалось ужасным концом.

Лорен не сразу спросил:

— Он боялся?

— Да! — я повысила голос, они взглянули на меня с терпением. Я взяла себя в руки. — Может, и нет. Он попытался выжить... — его отчаяние снова меня заполнило, рука дрожала, как и кубок в ней. — Страх, — прошептала я. — Ужасающий страх. Но не в конце. В конце он остановился и ждал с благородством.

Тэран впервые заговорил, его серебристый голос подходил к серым глазам.

— В благородстве нет страха. Страх — реакция на угрозу, когда ты не знаешь, как ответить на опасность. Благородство совсем иное.

— Но он мог и сразиться? — возразила я. — Как все вы. Меч дал бы ему шанс, а не страх.

И снова они замолчали, и эта тишина между словами означала больше, чем должна была.

— Ты спрашивала, чего хотел Рубер Минл? — спросил Лорен.

— Нет, — он ответил мне тихо, а я вдруг почувствовала себя глупо.

— Может, — сказал Эвен, — ты хочешь, чтобы Рубер Минл не был жертвой, что стала тебе знаком. И не хочешь наших жертв.

Арнон сказал:

— Будут и другие. Это часть нашего дела. Но ты — юная Стражница. И воспринять все

это сложно.

— Не такая я и маленькая, — возмутилась я. И это было правдой, наш с Эви день рождения стремительно приближался. — Я все еще хочу меч. Посмотрим, как Призыватели сразятся с вооруженной мной.

Вильх рассмеялся и сказал:

— Гарейн, это ты так повлиял. Она уже не похожа на запуганную девочку, что мы нашли три дня назад, так ведь? Не страшно разрешить ей.

— Согласен, — улыбнулся Марк.

Это погасило мое желание, ведь из-за их веселья меч казался игрушкой. Я взглянула на Гарейна, было интересно, с кем согласится он, а он оказался в своих мыслях.

Лорен сказал:

— Ларк, твои силы работают и без оружия. Если тебе кажется, что защиту обеспечивает что-то конкретное, то почему бы тебе не научиться доверять себе?

— Просто *доверять*? И этого хватит против этих Призывателей и Хаоса?

— Да, — ответить мог кто-то один, а могли и все. Не такого ответа я ждала.

Мы закончили ужинать, закончили и разговор. Огонь потрескивал. Мы смотрели, как пляшет пламя, среди оранжевых язычков проскакивали зеленые, и это напоминало, что за эти спокойствием нас ожидает война. Может, расслабившись, мы не поймем, что за нами следят, что Призыватели ужасно сильны. Арнон приблизился к костру и ткнул в пылающий хворост, что издал ужасающий вопль, язык зеленого огня вырвался оттуда, словно хлыст, и вцепился в его руку, потащив его к костру.

Тэран с криком оттолкнул Арнона. Дартен закричал:

— Гарейн, *шевелись*!

Зеленый огонь вылетел из-под земли с низким шипением. Языки пламени были высокими и опасными, они атаковали всех вокруг, направились к Гарейну, пытаясь объять его пламенными руками. Но Всадники были быстрыми, они оттолкнули Гарейна, он отскочил еще дальше. До него пламя не добралось, и языки пламени вернулись на место.

Я же была медленнее и закричала только теперь:

— Гарейн! — и следом. — Что это?

Они меня не слушали. Лорен кричал всем:

— Кольцо! Формируйте кольцо!

Они окружили пламя, выхватив мечи, держа их перед собой, намереваясь отражать огонь поверхностями лезвий. Вильх оттолкнул меня от их круга, и я стояла и смотрела на них, едва успевая осознавать происходящее. Зеленое пламя столкнулось с их силой, отражаясь оно атаковало само себя, Всадники стали границей, которую огонь не мог пересечь.

Но я не могла стоять на месте. Хотя они сдерживали огонь, он был сильным, Всадники выбивались из сил, ведь атаки не прекращались, жар пламени становился все сильнее. Трава под моими ногами увядала.

Лорен позвал меня:

— Воды, Ларк! Принеси воды!

Вода. Конечно. Я быстро обернулась и побежала во тьму. А потом растерянно остановилась.

— У меня нет даже миски! Нечем собрать...

— Кубок! — крикнул кто-то из них. — Хватит и кубка!

Я склонилась и подобрала свой кубок. А затем Карг, как мне показалось, крикнул:

— Не из пруда, Ларк! Воду из ручья!

И я побежала в темноте, пытаюсь вспомнить, где ближайший из трех ручьев. Я ничего не видела, яркий свет огня почти ослепил меня. Я бежала, но тут остановилась и закрыла покалывающие глаза, заставляя себя вспомнить о Взоре. Сначала меня окружило общее удивление, испуг и спешка. Я должна была спешить, это вызывало во мне смятение. Этого и добивались Призыватели. Я медленно дышала, пытаюсь прогнать дикие мысли.

И я ощутила воду. Повернула налево, прошла десять шагов, опустилась на колени на берегу ручейка. Я окунула кубок в поток воды.

Всадники изо всех сил сдерживали пламя на месте, их лица исказились, они отворачивались от яркого света, но крепко держали мечи, борясь еще и с жарким воздухом. Я подбежала к ним, прикрывая ладонью кубок, чтобы вода не вылилась. Гарейн закричал.

— Ларк, давай! — и я выплеснула капли воды на ревущее пламя.

Этого хватило. Хлопок, и все угасло.

Они опустили мечи, тяжело дыша. Все ждали в тишине, пока глаза привыкнут к ночной темноте.

Первым заговорил Лорен. И был он мрачным:

— Мы должны были... Я должен был предсказать это.

— Что *это* было? — мой голос прозвучал хрипло.

Тэран ответил:

— Они пробрались к нам. Они хотели подслушать, узнать о нашем плане. Они чувствуют тебя, Ларк, и знают, что ты с нами.

Кто-то добавил:

— И Гарейн.

Но я слышала только Тэрана. И испуганно крикнула:

— Я опять навлекла беду!

— Нет, Ларк, все не так, — Дартен подошел ко мне. — Они не напали бы, если бы Арнон не тронул костер. Он создал связь, они отреагировали и напали, попытавшись нас уничтожить.

— А они на это способны? — истерика пробралась в мой голос.

— У них амулеты.

Ненавижу этот объясняющий все ответ!

— Троты, стрижи, землетрясения, — выдавила я. — Огонь, потоп, удушение... Что еще они сделают? Что будет дальше: нападут существа из леса или из этого пруда? Будет буря или пожар, или мы просто уьем друг друга от страха?

— Может, все это, — мрачно сказал Севрин.

— Равновесие нарушено, — Дартен пытался успокоить. — Но помни, что Призыватели не могут сами уничтожить амулеты. Потому нападения еще можно сдержать.

Брант едва слышно прошептал:

— Пока нам везет.

— Но они знают, где мы! Что их остановит?

— Ларк, — сказал Лорен, — мы ведь не беспомощны.

— И они эти силы пытаются истощить, — прошептала я себе под нос. Я взглянула на Дартена, чтобы задать ему пугающий вопрос. — Почему ты позвал Гарейна? Почему огонь набросился на него сначала?

Вильх склонился ко мне, стоявший за мной, и прошептал на ухо:

— Может, то той же причине, что и ты задаешь этот вопрос.

* * *

Ожог на запястье Арнона был странным. Севрин и Дартен привели его к ручью в свете факелов, что мы воткнули в землю на небольшом расстоянии. Лорен сказал, что Призыватели с такими маленькими огнями работать не могут. Запястье и руку Арнона несколько раз промыли, и хотя пламя коснулось его совсем не надолго, кожа успела покраснеть и опухнуть.

Его ведущая рука.

Брант говорил с Лореном, пока они стояли недалеко от Арнона. Я остановилась у воды и прислушалась.

— Они не сдаются. Кто сказал, что они не нападут снова?

— Нападут, — прошептал Лорен. Его лицо было напряжено, ноздри раздувались, он злился и печалился. — Это моя вина. Я должен был сразу это понять.

— Мы расслабились, — сказал Брант. — После атаки стрижей мы и не думали, что они так быстро соберутся с силами.

— У них есть амулеты, с чего я тогда взял, что у Призывателей не хватит сил на это? Они будут устранять нас по одному. И им не нужна передышка...

— Никто не знает, на что они способны, — отозвался Брант. — Ведь до этого у них никогда не было амулетов. Ничего теперь не предскажешь, кроме того, что Призывателям нужна Ларк. И нужна позарез.

Лорен кивнул.

— И уничтожить нас. А Гарейн? Он сделал связь, но то ли она уязвима, то ли бесполезна без него?

— Наверное, — сказал Брант с едкой ноткой, — Эрема ревнует.

Так я не зря боялась. Я с тревогой пошла дальше вдоль ручья, где Всадники приказали мне разуться и ступить в воду.

— Это очистит от того нападения, — сказал Тарэн, ногой поднимая брызги в мою сторону.

— Тогда почему не вымыться в ручье? Это ведь лишь капли, — я не скрывала резкости в голосе. Злость неплохо отвлекала.

— Маленький кубок погасил пламя, — напомни с кривой улыбкой Таран. — Но стоячей водой могут управлять, а вот такой поток свободен. Это чистая сила, ни плохая и ни хорошая, она стирает определенные заклятия, смывает некоторую магию. Тебе стоит это запомнить.

Хотелось бы, чтобы эта вода смывала и эмоции.

— Вода сотрет рану Арнона? — прошептала я.

Он пожал плечами с улыбкой, но печальной. И оставил меня одну.

15

Эрема стояла передо мной, невероятно красивая в синем свете, окруженная едким запахом Тротов и холодной землей. Ее плащ терялся во тьме, а ужасно широкая улыбка светилась триумфом.

— Смотри, что у меня есть, — сказала она мне. — Смотри, Ларк Кэрю, что у меня

есть!

Она раскрыла накидку и показала амулет Жизни, хрустальный шар, оказавшийся в темной паутине на ее груди. Он не блестел в синем свете, а светился сам, но очень тускло.

Я подняла руку, чтобы забрать амулет, но не было и шанса. Я содрогнулась от ужасной боли. Я не могла повернуть голову, едва могла дышать. Призыватель Хаоса рассмеялась из-за моей беспомощности и сказала:

— Он мой!

Боль пронзала тело, звенела в ушах, а она позвала своим мелодичным голосом:

— Всадник! — я в ужасе смотрела, как из камня, на котором она стояла, появился Гарейн, вынырнув у ее ног, как тогда из пруда в Тарнеке. Он выпрямился во весь рост, взглянул на меня, зеленые глаза его были пустыми. Эрема пропела:

— А теперь, Гарейн, закончи начатое. Исполни то, что должен, — после этих слов Гарейн вскинул руки и опустил на меня меч. Я что-то кричала ему, но меч опустился и звякнул о камень. Никакой белой вспышки в этот раз. Меня окутала тьма.

— Ларк.

— Нет! — закричала я, резко проснувшись.

— Тише, Ларк, — Карг говорил почти беззвучно. — Не стоит будить остальных, они только поменялись после дозора. Идем, Ларк. Нужна твоя помощь.

Я резко встала, задыхаясь, протирая глаза и покрытый испариной лоб, мне было плохо из-за этого сна, этой смерти.

Карг заметил мои страдания. Он убрал светлые волосы со лба и с любопытством сказал:

— Видимо, я не должен извиняться, что разбудил тебя. Но ты можешь идти немного быстрее?

Я кивнула и поспешила за ним, дрожа, к ручью, с ужасом увидев, что там Гарейн и Арнон. Он улыбнулся, но я не отреагировала. Я посмотрела на его друга.

Арнон страдал. Он сидел и покачивался от боли, вежливо говоря сквозь сжатые зубы:

— Они подумали, что ты можешь знать то, чего не знаем мы. Прости, что помешали спать.

— Это был не сон, — я прошла мимо Карга и села рядом с Арноном. Он кивнул мне и закрыл глаза, медленно дыша. Странно, что он не кричал, его рука была вытянута в сторону, словно он боялся касаться ею чего-нибудь. Рука была опухшей, лишенной цвета и выглядевшей болезненно в мерцающем свете.

Я вытянула пальцы над опухшей плотью. Арнон уже скривился от боли. Яд вырывался из его кожи, я ощущала ладонью его ярость, безумие яда, что издевалось над Всадником, который мужественно держался. Арнон поморщился, и я отстранилась, дрожа. Он получил удар Призывателей, что предназначался мне, а я не могла ему помочь.

— Я не Целитель, — растерянno прошептала я.

— Но твоя кузина Целитель, — сказал Гарейн. — Может, ты чему-то научилась у нее?

Я не смогла посмотреть на Гарейна, перед глазами все еще сверкал летящий на меня меч. Я видела его руки вокруг Эви. Мне было плохо.

— А ты брат Илоны, и это не сделало тебя Целителем, — и громче добавила. — Это яд, а не ожог. Это... «игра» Призывателей, как вы это называете, так они распространяют зло. И зеленый огонь, — Эрема сказала: «Исполни то, что должен». Гарейн говорил в саду, что собирался меня убить. Арнон сказал, что будут и другие жертвы. Он ожидал, что будет в их числе? Я была беспомощной и виновато посмотрела на Арнона. Он кивнул и закрыл глаза.

Карг мягко сказал:

— Но и ты не без талантов, Ларк. Хотя у тебя и нет рук Целителя, ты Стражница Жизни, у тебя должны быть какие-то способности, что пригодятся здесь.

Логично. Я должна была что-то сделать. Было эгоистично страдать из-за себя. Я отодвинула эти мысли и вдохнула, вспоминая, как быстро я нашла ручей вечером, когда расслабилась и позволила Взору вести меня. Все это время Всадники не шевелились.

«Доверяй, — говорил король. — Верь, что ты знаешь, что делать».

Меня окружили ароматы воды, травы и дерева рябины, они успокаивали, я дышала, а Всадники ждали...

— Подснежники, — резко сказала я. — Маленькие белые цветочки в траве.

Они уставились на меня втроем.

— Ты про фитильки? — спросил Гарейн.

— Пусть фитильки. Они оттянули плохое из Трота, когда он на меня напал. Может, они сделают так и с Арноном.

— Я не видел фитильки, — сказал Карг.

— Потому что они увяли из-за Тротов. Но должны быть и те, что не испортились. Можно разделить и поискать...

— Помнишь, где? — спросил Гарейн. — Поляна большая.

— Увидим! Можно взять факелы...

Но Арнон прервал меня, возразив:

— Не надо расходиться. Ларк будет уязвима.

Карг повернулся к нему.

— Все мы сейчас уязвимы.

— Можно дождаться утра, — прошипел Арнон, хрипло дыша.

— Нет, — возразила я, — не можем, — времени у него оставалось мало. Сколько прожила королева?

Мы в тревожной тишине искали идеи. Ночь была тихой и зловещей, в такой темноте могли подстергать опасности. Я упомянула Тротов, и теперь они казались мне повсюду. Я словно чувствовала их прикосновения, свои прикосновения к шероховатой коже. И гадкое чувство, что охватывало руку Арнона... Я хотела смыть все это в ручье.

И я удивленно сказала:

— Ручей!

— Мы уже пытались...

— Знаю, Гарейн, но если поток воды очищает, то я могу собрать подснежники — фитильки — что погибли. Я вымою их в ручье, и они восстановятся.

Карг колебался:

— Это возможно...

— Я пойду с Ларк, — вскочил на ноги Гарейн.

Мы взяли факел и принялись срывать среди травы завядшие цветы, корешки, что только могли найти. Мои руки дрожали из-за страха и отчаяния.

— Этого хватит? — спросил Гарейн, показывая мне пригоршню цветов.

— Не знаю, не знаю, — бормотала я, собирая подснежники. — Я надеюсь. Но это лишь догадка, уверенности нет.

— Сама идея поможет Арнону. Он тоже надеется.

— Надежда не исцеляет, — прошипела я в отчаянии. Я шла вслепую, я не знала, что

делаю.

— Это все, что у нас есть, — мрачно сказал Гарейн и склонился к земле. Через пару минут мы шли с охапками цветов. Я побежала к ручью, стараясь не разбудить других Всадников. Я высыпала свои подснежники на землю, потом те, что собрал Гарейн, и, разувшись, запрыгнула в воду. Гарейн пустился на колени на берегу, воткнул в землю факел и безмолвно передавал мне мертвые цветы. Я опускала их в воду, помня, как бабушка мыла клевер и цветы голубики, осторожно брызгая на них холодной водой, а потом поднимала цветы из воды, капли стекали между пальцев.

Гарейн придвинул факел.

— Ничего, — вздохнула я. Фитильки так и не ожили.

— Попробуй еще, — предложил он. — Подержи их в воде дольше.

Я снова опустила руки в поток воды, позволяя ей протекать через цветы в моих ладонях. Ночь была холодной, а вода — еще холоднее, но было приятно. Часть тревоги рассеялась, ее смыло водой. Я вспомнила слова Найлы, что когда мы предлагаем любовь Земле, она отвечает взаимностью. Я вспомнила, как приятно было копать землю руками, садить растения, видеть, что вырастало...

— Ларк? — тихо позвал Гарейн.

Я подняла руки, стряхивая воду.

Гарейн приблизил факел снова. Фитильки были уже не коричневыми, не такими сматыми, вода избавила их от эффекта встречи с Тротом, но они все еще были безжизненными.

— Ох, — разочарованно выдохнула я.

— Неплохая попытка, — Гарейн положил ладонь на мою руку, накрывая цветы.

Я вскрикнула. Энергия текла между нашими руками, фитильки вдруг ожили, листья и цветы наливались силой и зеленели на наших глазах, даже когда выпали из наших вздрогнувших рук.

Мы громко рассмеялись и быстро зажали рты руками, боясь, что всех разбудим. И посмотрели друг на друга с восхищенным удивлением.

Он уже говорил, что влияет на меня. Он гасил видения, а теперь дал сил оживить цветы, и все одним касанием...

Я должна отвести взгляд. Должна помнить. Если не из-за Эви, то из-за того, что Гарейн все еще мог меня убить.

Гарейн прочистил горло.

— Арнон, — мы поспешили встать.

Но мы не нашли лекарство. Из подснежников не получилось бы сделать какую-то пасту или мазь, или что-то еще. Они ожили, и теперь не собирались лежать смирно, хотя мы пытались привязать их к безмолвно страдающему Арнону. Мы пытались вложить в его руку отдельные стебельки, но хотя он утверждал, что чувствует исцеление, цветы откатывались от его кожи. Было бы смешно, если бы Арнону не было так больно.

— Немного магии, — прорычал Карг. Я впервые видела его таким.

— Должно быть что-то еще, — сказал Гарейн, сдавшись после множества попыток. — Можно было приклеить их к его коже.

Карг фыркнул, но я быстро сказала:

— Живица сработает. Из рябины.

— Нет, — ответили они втроем.

— Рябина священна, — продолжил Карг. — Нельзя ломать ее ветви.

— Я попрошу одну, — и я побежала к рябине. Они отпустили меня одну.

Я остановилась под его широко раскинувшимися ветками.

«Погоди, — говорила я себе. — Жди», — времени было мало, но я не могла просить дерево в таком состоянии. Я прижала ладони к губам и тяжело дышала, я взмахивала руками, пока не начала задыхаться и потеть. Только опустошив себя, я вытерла руки о штаны и подошла к стволу, касаясь его ладонями. Кора была серой и гладкой, энергия звучала древней мелодией. Я подумала об Арноне, об ужасном хуконе, что убил королеву, о похищенных амулетах, об угрозе хрупкому равновесию.

И я прошептала:

— Прошу, помоги, — я взглянула на темные ветви. — Подношение?

Тишина. Песнь рябины шептала в листве. Кончики пальцев прижались к линиям на стволе, музыка энергии проникала в мои ладони...

Волна силы времени и магической поляны полилась в меня. Я не первая просила рябину о помощи, я чувствовала присутствие многих других, что стояли под деревом и молили помочь. Отчаяние, страх и даже жадность слышались в их голосах. Корни уходили глубоко под землю, а листья тянулись в вышине, дерево соединяло землю и небо в этом месте, где маленькое существо стояло и просило.

И дерево заговорило со мной.

Яркий свет во тьму.

Ветви зашелестели над головой, и к моим ногам упал прутик. Улыбнувшись, я прижала ладонь к сердцу и поклонилась рябине, подняла дар и побежала к остальным.

Прутик был свежим, полным живицы. Карг и Гарейн молчали, а Арнон с благодарностью взглянул на меня.

— Не знаю, сработает ли, — предупредила его я.

— Но ты пыталась, и я благодарен, — его голос был напряжен.

Живица легко показалась на срезе, ею смазали руку, мы разложили на коже фитильки, и они остались. Арнон глубоко вдохнул и сказал, что уже не так плохо. Я, как и все, не поверили ему, но после пары минут он плотно закрыл глаза и склонил голову, задремав.

Больше мы ничего не могли сделать. Карг решил остаться в дозоре и сказал нам идти спать. Я подошла к ручью отмыть руки.

Я мыла и мыла, пытаюсь стереть все, что видела у Арнона, что видела о Гарейне, о смерти, боли и разбитом сердце, о Призывателях Хаоса, что пытались нас уничтожить. Может, амулет Жизни остановил бы все это, но я не знала, доживу ли до момента, когда получу его.

Гарейн последовал за мной. Он склонился и опустил руки в воду, мы молчали. Я чувствовала его тепло даже на расстоянии. И несмотря на видения, я чувствовала желание.

Я должна остановить это ужасное желание.

Я села на колени и посмотрела на него.

— Лорен сказал, что правду не стоит скрывать, — начала я, сжала зубы и попыталась казаться смелой. — Эта связь между нами делает меня сильнее. Но...

Голос утих, Гарейн посмотрел мне в глаза.

На миг мы не шевелились, глядя друг на друга. Воздух был спокойным, вода тихо журчала, протекая по камням у наших ног.

Гарейн поднялся на ноги и в два шага оказался передо мной, поднял меня на ноги, его

энергия пронзила мои руки.

Время замерло. Он бы поцеловал меня, его лицо приближалось к моему. И все слухи о первых поцелуях, что я слышала, — нежное касание губ, стыдливые взгляды и мимолетные касания, — все это оказалось бы неправдой. Поцелуй был бы яростным, властным и поглощающим. Это разбило бы меня на миллион осколков желания и отчаяния. Я не могла получить этот поцелуй. Потом мне смотреть в глаза Эви.

Я оттолкнула его, пошатнувшись от своего толчка. Он попытался схватить меня за руку, чтобы я не упала, но я сама удержалась на ногах и убрала руку в сторону.

— Ларк!

— Зачем? Зачем ты хотел это сделать? Ты сказал, что мы должны быть сильными! — я прижала ладони к щекам, они пылали. — Я обещала, что не позволю тебе... ты слишком глубоко прожег меня. И если ты это сделаешь, что все разрушит!

— И потому ты меня оттолкнула?

— Да!

Это удивило его.

— Ты говорила о нашей связи...

— Не через поцелуй! Ты не можешь меня целовать! — я сжала кулаки.

Он резко сказал:

— Поцелуй — самое сильное прикосновение. Сильная связь.

— Ты не можешь хотеть этого... меня.

— Почему не могу? Отрицай, что ты этого не хочешь.

Я проигнорировала его слова.

— По двум важным причинам, Гарейн!

— Две? — насмешливо спросил он. — И это...?

— Ты предназначен другой. И ты убьешь меня.

Он пропустил первую причину.

— Убью? Как?

— Мечом.

Он рассмеялся.

— Я уже пытался. Но вмешалась судьба...

— Вмешался Руна, — исправила я. — А у судьбы свое мнение. И я его видела.

Он резко выдохнул.

— Нет. Невозможно. Наши судьбы связаны, соединены, но не для разрушения. Ты сама это знаешь.

Связаны. Было больно это слышать, это и пугало. Я не хотела вспоминать, что ему было предназначено полюбить Эви, убить меня. Но, если думать о болезненной правде, я смогу найти силы держаться в стороне.

— Ты не хочешь меня.

Его улыбка была разрушительной.

— Ошибаешься. Это все, чего я хочу. Я боролся с самого начала. Я не хотел верить, что заслуживаю...

— Нет! Не говори! — разозлилась я. — Нет никакого начала, слишком поздно! Изначально было поздно.

И после короткой паузы я добавила.

— У меня есть Взор, Гарейн. Он не врет.

— Его можно не так понять, — прорычал он. Я его задела. Гарейн отвернулся и пошел прочь, пнув факел, проходя мимо него. Пламя погасло.

Не так понять? Если бы. Но на миг я ухватила за эту возможность, что я ошиблась. Нс от того удара мечом меня не защитила белая вспышка, меч прошел по прямой. И я обещала Эви, а Гарейн был к ней так близко...

— Может, — прошептала я ему вслед. — Но ты этого не видел, — ты и не обещал. Хорошо, что он убьет меня. Эта боль проживет недолго.

16

Шорох, топот, крики, вопль ужаса разбудили нас почти на рассвете.

— Арнон! — вскрикнула я, открывая глаза.

Но кричал не Арнон. Всадники вскочили на ноги с мечами наперевес, указывая на меня, я едва прогнала сон. Казалось, что меня разрежут сразу одиннадцать воинов, но я была уверена, что меч должен быть у меня над головой, как во сне. Я не так должна умереть.

Но спокойствие долго не продержалось, кричащее существо спряталось под мое покрывало, на котором я спала. Словно моль, оно скрылось в шерсти и промчалось вдоль моих ног, скорчившись в клубок между моим плечом и головой. Но существо было крупнее моли, обладало большой силой, несмотря на размер. Резкое движение его заставило меня откинуть голову на другой бок.

Эвен крикнул:

— Уходи, Ларк!

— Осторожнее с горлом! — крикнул Гарейн.

— Держитесь! — приказывал Лорен, и все Всадники помчались вперед.

Я завопила:

— Стойте! Стойте! — и села. Существо возле моей шеи попыталось залезть на меня. Я сбросила с себя одеяло и схватила корчащееся существо. Оно вопило, и голос мог принадлежать кому-то, кто был в два раза больше этого создания.

— Что, — спросил Брант, — это?

Я удерживала его обеими руками, хотя существо сопротивлялось.

— Хватит! — прошипела я. — Хватит! Тебя не тронут!

— Это говоришь ты! Но не они! — прокричало существо.

— Ларк! — приказал Лорен.

Я взглянула на него и на всех.

— Это гном, — сказала я и поставила существо на ножки. Оно все еще сопротивлялось, чуть не упало на спину, но выпрямилось и застыло, увидев направленные на него одиннадцать мечей.

Гномы маленькие. Этот был высоким для своего народца, но все равно не доставал до моего колена. Под тяжелыми взглядами высоких Всадников он был совсем крошечным. Он выглядел взрослым: борода была белой, длинной и завязанной в два узла, чтобы не волочиться по земле. Его одежда, обувь и рюкзак были из шерсти, ореховой скорлупы и листьев, а пуговицы поблескивали красным, словно капли крови.

— Ларк, отойди, — сказал Лорен.

Я удивленно посмотрела на Всадника.

— Вы ведь его не убьете?

— Гном пробрался в наш лагерь, он был в сумке Тэрана. Он укусил Гарейна. Он следил или хотел украсть. Прислужник Призывателей.

— Ложь! — гном повернулся к Лорену с возмущенным видом. — Я не из этих! Я всего лишь придвинулся к теплу! А ты, — он повернулся к Гарейну, — наступил мне на ногу!

— Тепло, — фыркнул Брант. — Что ты здесь забыл?

Гном оглядел опасных мужчин, а потом указал на меня.

— Я пришел за ней.

Марк рассмеялся. Я бы тоже рассмеялась, но мне было жаль человечка. Мы не верили ему, а он гордо защищался, и я не могла его винить, хоть и не думала, что он говорит правду. У меня не было опыта общения с гномами, я лишь видела их, пока работала в саду. Я не знала, друзья они или враги.

Но гном выпрямился на моем покрывале, стараясь казаться выше.

— Я пришел за ней! — повторил он, указывая на меня. — Она меня вызвала!

— Нет!

— Да! — настаивал он.

Гарейн прошептал:

— Агрессивное существо.

Но Лорен заявил:

— Объяснись.

Никто из Всадников не опустил меча. Гном смотрел на острые лезвия и не расслаблялся.

— Дева призвала меня прошлой ночью. И я пришел.

Всадники посмотрели на меня, а я — на гнома.

— Нет, — повторила я.

Но гном с важностью сказал:

— Я возмущен вашими словами, миледи. Но я прощаю вас, потому повторяю, чтобы вы вспомнили, говорили вы или нет: «Прошу, помощи» — прошлой ночью у рябины?

— Да, но...

— Вот так, Всадники. Опускайте мечи.

Мы смотрели на него. Я сказала:

— Но я просила помощи, чтобы получить живицу, рябина дала мне прутик. Я не звала тебя.

— Ты попросила помощи, и я пришел. Дерево не может покинуть то место, а я могу.

Я повторила:

— Я просила живицу для Арнона.

— Нет. Ты попросила о помощи и подношении. Дерево было очень щедрым прошлой ночью, дало тебе живицу, но ты знаешь, как ее использовать? Ах, наверное, нет. Если рябина мне позволила помочь, я начну исправлять жалкие попытки использовать его подарок правильно.

Жалкие было правильным словом.

— Всадники? — я посмотрела на них. — Мы должны ему поверить.

Лорен опустил меч.

— Пусть покажет, чем он может помочь Арнону.

Гном быстро поклонился, но Гарейн фыркнул:

— Вы ведь не думаете, что он — Целитель? Посмотрите на него.

— Я уже понял, — ехидно ответил гном, — что вы, сэр, склонны быстро судить об окружающих. Я не буду обращать на вас внимания, — он повернулся ко мне. — А вы, миледи, направляйте меня.

Мы удивленно смотрели на него, и только Гарейн остался в стороне, краснея. Но гном был прав.

Я решила развеять напряженную атмосферу.

— Ты Целитель?

Гном печально покачал головой.

— Не такой, как думают люди. Но мы, гномы, создания Земли, потому знаем много ее секретов, даже те, что помогают исцелению.

— Тогда начни с моего пальца! — проворчал Гарейн.

— Пальцу, сэр, хватит и вашей слюны, — холодно ответил гном. — А вот ущербу вашей гордости я помочь не смогу.

— Гном, — вмешалась я. — Наш друг отравлен зеленым огнем, так атаковали Призыватели.

— И что ты с ним сделала?

Я объяснила, пока вела его к Арнону, что спал возле ручья. Всадники разделились и пропустили нас, но с любопытством последовали за нами.

— Стойте! Стойте! — человек старался идти как можно быстрее, чтобы поспевать за мной. — Не надо так быстро идти!

Я остановилась, он поравнялся с моей ногой и взобрался на мой ботинок, цепляясь за мои штаны для равновесия.

— Вот так, — сказал он.

Я сделала два шага.

— Неудобно. Давай я тебя понесу.

Гном не обрадовался, но позволил поднять его на руки. От него пахло лесом и землей, плодородной и вскопанной. От него исходила гудящая энергия, как и от всех существ Природы. Он был частью Земли, тут он не соврал.

Я опустила его на землю, когда мы пришли к Арнону, Всадники собрались вокруг, и мы помешали бедняге спать. Карг, что последним был в дозоре, склонился и потряс его за здоровое плечо.

Всадник тут же проснулся, несмотря на боль, готовый сражаться. Он резко сел, оттолкнувшись здоровой рукой, и с мрачным весельем сказал:

— Все так плохо?

Лорен выдавил смешок.

— Мы ведь тебя еще не потеряли, друг.

Я опустилась на колени рядом с гномом на земле. Тот подошел к Всаднику, что смотрел на него с легким удивлением.

— Гном предложит способ исцеления, — сказала я.

Арнон вскинул брови.

— Я открыт для предложений.

— То есть наши попытки не помогли? — сердце екнуло. Подснежники ожили, и я надеялась, что мы нашли лекарство.

— Нет, помогло. Похоже, яд стал распространяться медленнее.

Арнон с трудом поднял руку, мы склонились над ней. Я сглотнула. Арнон уже не

веселился. Рука была скользкой от живицы, подснежники лежали в ряд на его распухшей коже. Фитильки уже не были белыми, они стали желтыми. Гном ходил вдоль руки Арнона, склонив голову. Он кивнул. Он остановился и пригляделся.

— Неплохо, неплохо, — сказал он. — Я даже удивлен, — он посмотрел на меня. — Твоя идея?

— Не только, — я кивнула в сторону Гарейна, гном помрачнел. Видимо, оскорбление он забудет еще не скоро.

— Фитильки и живица были твоим предложением. Неплохо для той, что не Целитель и толком не знает о своих силах.

Он смешал похвалу и критику, я покраснела.

— Ты поверила, ты показала талант. И почти угадала, — добавил он. — Но упустила один ингредиент. Вам нужен камень пустоши.

— Камень пустоши? — мы его не понимали.

Гном вздохнул.

— Их легко можно найти в ручье. Поищите. Он круглый и гладкий, серебристый, — он пошел по краю берега, вглядываясь в прозрачный поток воды.

Я пошла за ним, как и Тэран и Вильх. Камней было много, они были разных форм, размеров и цветов. Я копалась на дне. Я доставала красивые белые и черные камни. Наконец, я схватила тот, что подходил описанию: гладкий, круглый и серый камешек. Гном был в ужасе, когда я показала ему камень.

— Это? Это угольный камень! Им можно разжечь огонь, а не исцелить!

Я бросила камешек в воду.

Вильх нашел другой камень. Гном увидел его издалека и воскликнул:

— Да! Неси сюда, — он сам вытащил из воды белый камешек и направился к Арнону.

Он остановился у отравленной руки Всадника, гном потер белый камень о серый.

— Такой камень хорош для растирания, — объяснил он, не прекращая работу. — Он нейтрален, он не изменит никакого эффекта, — кусочки серого камня падали на пропитанную живицей кожу, гном бегал туда-сюда, шепча себе под нос. Наконец, он закончил. — Вот! Этого хватит.

Я, как и все Всадники, относилась к его занятию скептически и спросила:

— Но что ты сделал?

Это немного пошатнуло гордость гнома.

— Камень пустоши вытягивает огонь и яд, — сказал он, тряся камнем. Он с возмущением воскликнул. — Как для Стража, ты ужасно необразованна!

Я сдержалась.

— Я узнала о себе три дня назад.

— Пфф. Ты просто отказывалась знать. Тебе еще нет семнадцати?

— Нет. Скоро будет.

— Ладно. Тогда все понятно. Хотя его тупость, — гном взглянул на Гарейна, — непростительна.

Мы услышали ответ Гарейна, но гном не обратил на него внимания и просто ответил:

— Вы, сэр, на многое способны. Но над вашим духом властвовали страсти. Если вы не будете ими управлять, то причините больше вреда, чем пользы.

— Откуда ты знаешь обо мне? — возмутился Гарейн.

— Странно думать, что если вы не знаете меня, я не знаю вас, — парировал гном. Хоть

он и был крошечным, Гарейна он не боялся.

Гном взглянул на меня и заметил мою улыбку.

— И вы, леди Ларк, приглядывайте за эмоциями. Они путают вас. Они не спасут вас, а приведут к гибели.

После паузы вмешался Лорен.

— А что насчет Арнона?

— Смотрите за его рукой и поймете, — ответил гном и отвернулся.

Он объяснил нам свойства фитильков, живицы и камней, я почти не слушала, мы смотрели, как живица начинает пузыриться, а кожа Арнона становится менее красной.

— Теперь, — сказал гном, — жгут!

Иен был ближе всех. Он отдал гному свой пояс, и тот перевязал им руку Арнона сверху на плече.

— Миледи, сделай узел за меня. И покрепче.

Я послушалась, и гном кивнул.

— Палец не должен проходить между жгутом и кожей. Вот так. Ты готова?

Я кивнула, но от яда мне было не по себе. Он сказал:

— Тяни со мной! Пусть жгут спускается к его локтю.

Мы стаскивали жгут по руке, сдирая живицу. Арнон сжал зубы, сдерживая крик, лицо его побледнело, зато рука становилась нормального цвета.

— Стой! — приказал гном, когда мы добрались до локтя Арнона. — Перевяжи узел здесь. Так же плотно, — я так и сделала, пальцы дрожали. Арнон судорожно вдохнул.

— Готова? — спросил гном. Я сглотнула тошноту и схватилась за жгут.

Но Гарейн подошел, не обращая внимания на гнома.

— Дай-ка мне, — тихо сказал он. — Я помогу, — он накрыл мою ладонь своей, я потащила жгут вниз.

— Скорее, — рявкнул гном. — Нужно убрать эти пузыри с его кожи.

Я отстранилась. Они тащили ткань вниз, остановившись, чтобы крепче обвязать жгут на запястье. Наконец, у основания ладони гном приказал остановиться. Гарейн развязал жгут. Гном попросил Иена вымыть ткань в ручье.

— Но пояс же испорчен? — спросил Иен, ловя брошенную ему ткань.

— Вода все отмое. Живица, как и каменная пыль, отмоются. Фитильки оставь на земле. Они вырастут снова.

— Смотрите на его руку, — сказал Эвен.

Мы посмотрели на Арнона, тот осторожно двигал рукой. Она выглядела нормально, уже не была красной.

— Это был хукон? — хрипло прошептала я.

Гном покачал головой.

— Он бы уже умер, — он склонился к Арнону. — Будет плохо слушаться еще день, но тебе повезло.

Арнон покачал рукой.

— Бесполезна, — сказал он. — Но спасибо.

— Не напрягай ее, пока не вернутся силы. Хотя бы не бери меч. Твоя рука в таком состоянии может привлекать плохую энергию, это не понравится мечу.

Лорен вступил вперед и сказал:

— Мы благодарны тебе, малыш, — он поклонился, прижав ладонь к груди. Все мы

последовали его примеру.

Гном кивнул и не сдвинулся с места. Мы смотрели на него. Он — на всех нас. Может, он ожидал платы?

— Твое задание выполнено, — мягко сказал Лорен. — Можешь отдыхать.

— Выполнено? Отдыхать? Что за бред? — спросил гном, вытягиваясь.

— Мы не хотим отвлекать тебя от дел, — сказал Лорен.

Человечек повернулся ко мне.

— Но у меня дела здесь.

Я смотрела на него.

— Ты помог Арнону! Об этом я и просила.

Гном вздохнул.

— Не я виноват, что ты не уточняла. В следующий раз будешь умнее.

— Но я не знаю, чем еще ты можешь помочь!

Человечек топнул ножками.

— Как Страж может быть таким глупым? Скажи: ты просто идешь домой? Возвращаешься к своим делам?

— Мы идем защищать мою деревню, Мерит...

— Ты ошибаешься. Это не твоя битва, — перебил меня гном.

Я уставилась на него.

— Что?

— Как я и сказал, это не твоя битва.

— Но Троты!

— Это не твоё сражение, леди Ларк. Это связано с тобой, но само сражение — не твоё. Всадники защитят Мерит.

— Не понимаю, — я думала иначе. Мне не нравились его слова про сражение. Так мне говорили, когда я хотела взять в руки меч.

— Да, понимаешь, — парировал гном. Он вздохнул, словно пытался напомнить себе, что нужно быть терпимее, и сообщил. — Я поеду с Ларк, — он отвернулся от меня и спросил. — У вас есть что-то, в чем я могу ехать? Я не собираюсь кататься на руках, как младенец.

Я покачала головой. Гарейн сказал:

— погоди, — он отцепил что-то от своего коня. — Вот, — сказал он, вернувшись. Он принес знакомую плотную ткань. — Это осталось у меня.

Глупо, но я была рада видеть свою сумку. Я раскрыла ее, зная, что она пуста, но все равно сунула в нее руку. И вытащила папоротник, что дал Куин, веточка пряталась между складок шва. Он засох, но я была рада найти его. Я благодарно посмотрела на Гарейна и покраснела, увидев, что он улыбается, радуясь моему счастью.

— Отличный мешок, — согласился гном. — Ну-ка, — он подошел ко мне, сидевшей на земле, и забрал папоротник из моей ладони, понюхав его. — Хороший друг, — сообщил он и спрятал его в свой мешочек на поясе. — Для сохранности, — он взобрался в мою сумку и затянул ее вокруг себя. — Я готов, — сказал он, словно мы его ждали.

Мы с Всадниками переглянулись. Я взглянула на гнома.

— Когда мне прощаться?

— Узнаем, когда придет время, — ответил гном. — Пока что мы едем с Всадниками.

— Пора отправляться, — сказал Лорен. — Уже начался день.

Всадники спешно подготовились, они умели отправляться моментально. Я прицепила сумку к спине, Марк, что оказался ближе всех, помог мне взобраться на Руну. Но Гарейн, что приблизился на лошади, дал мне немного сухарей. Я и его, как и всех Всадников, называла другом. Мы вели себя как друзья, не упоминая прошлую ночь. Если Гарейн и был расстроен, он этого не показывал, как и он не видел, что я отчасти радуюсь, что он не сердится на мой отказ.

Гарейн протянул сухарь гному, но тот отвернулся.

— У меня есть еда, — сказал человечек Гарейну, не скрывавшему презрения.

— Гном! — громко сказала я, чтобы помешать ссоре. — Мы все еще не знаем твоего имени.

— Это, — ответил он, — потому что я его не назвал.

— И? — спросил Гарейн.

— Нет, — гном покачал головой. — Вы его не поймете, оно не для вашего языка.

— Попробуй, — усмехнулся Гарейн.

Гном взглянул на него. Он раскрыл рот и издал ужасные хриплые и непонятные крики.

— Это, — вмешалась я, кривясь, — очень длинное имя!

— Да, ведь к именам мы добавляем возраст. А я уже достиг важного возраста, — гордо сказал он. И пожал плечами. — Но вы можете выбрать имя, что подходит вашему слуху.

— Ты будешь Коротышкой, — прошептал Гарейн.

— Прутик, — вмешалась спешно я. — Мы будем звать тебя Прутик.

Гном за моей спиной заерзал.

— Истинное имя имеет значение, если кто-то его заслужил, — сказал он. — Но это имеет смысл, вам легко его произносить, так что я согласен.

Гарейн направился на коне вперед. Я погладила Руну, что принял странного маленького пассажира с любопытством и последовал за Всадниками с поляны.

— Ты остаешься со мной? — спросила я у Прутика. — Отправишься со мной за шаром?

Он сказал мне на ухо:

— Я — твоя помощь. Ты мудро попросила ее.

— Но как долго...?

Он ответил, как я и ожидала:

— Узнаем, когда придет время.

17

Всадники ехали цепочкой. Я такое уже видела. Наверное, эта привычка появилась у них после походов по узким тропам холмов Тарнека. Мы растянулись по предгорью Куллан, словно бусины на нити, во все стороны простиралась зелень.

Я теперь видела путь, что уже проходила, с высоты коня, и теперь только сильнее убедилась, что вокруг простор ровной земли с одинокими булыжниками. И все осталось таким же тусклым.

Прутик не прекращал заваливать меня вопросами. Он спрашивал про Мерит, мою семью и друзей. Спрашивал о старейшинах, лисе и руке Рубера Минла. Он выпытывал, что я знаю с травах от бабушки, сколько гисани я вырывала в начале лета, когда сшила сумку, в которой он ехал, что мы ели на ужин, из чего сделан гребень, которым я расчесываю волосы. Не было связи между вопросами, но все они касались деталей, которые порой было сложно

вспомнить, а Прутик поглощал ответы, словно они были его едой. Вопросы прекращались, словно он уже знал все ответы, но потом в нем разыгрывало любопытство, как именно ответу на эти вопросы я.

Начались вопросы про Взор и недавние видения, что я там видела, чувствовала, что поняла...

Наконец, я сказала:

— Хватит, — у меня разболелась голова. Прутик фыркнул и притих, я смогла отвлечься на что-то более приятное.

Но такие мысли не приходили в голову. Из-за кучи вопросов, нехватки сна, угрозе Призывателей и Тротов и уязвимой Мерит я была дерганой. Небо тоже помрачнело, намекая на дождь, хотя посреди лета это было редким явлением. Я смотрела на спину Гарейна. Смотрела на пейзажи, гладила гриву Руны и чувствовала меланхолию из-за близости к дому.

Меня не радовала грядущая встреча Гарейна и Эви. Мы были связаны до этого. А теперь неотвратимое встало между нами, и было больно, что больше нам вместе не быть.

«Как же быстро кто-то может полюбить...» — крутилась в голове строчка из песни. Гарейн быстро влюбился в Эрему, он почти признался мне. С Эви все будет еще быстрее. А как иначе, с ее красотой и характером? А Эви? Я не могла ее упрекать, хоть и потеряла сердце после первого сна с Гарейном.

Мне стало жаль Райфа.

Впереди кружил сокол. Мы приближались к границе Темного леса и болотам Нилер. Я увидела камень, на котором ночевала, испуганная и уставшая. Каким же он был маленьким! Он был едва заметным, а ведь поддержал меня.

Я вздохнула. Ничего не менялось, но и не оставалось прежним.

Сokol описал лениво дугу в небе, серый на сером. Прутик спал или дулся. Мы шли друг за другом, Всадники были настороже, пока я обвисла на Руне, заскучав.

И вдруг Прутик сказал мне на ухо:

— Не филонь, Ларк!

И я, вроде, ответила:

— Что? — но шею уже покалывало, я вскрикнула. Я увидела, как передо мной поднялась стена пламени, стало жарко, пахло дымом. Я слышала крики, а потом...

Я оказалась на Руне, я хватала ртом воздух и дико озиралась, Всадники остановились, и Иен звал Гарейна.

— Это... Я... — тело замерло, и я уже не была на Руне, я видела, как Троты бегут, появляются из Темного леса перед Мерит. Они промчались по полю Крем Посс, по лаванде к домику, принадлежащему Дэну Хурну. Тревожно зазвенел колокол, я слышала крики, но не людей. Я не видела людей, только Тротов. И они бежали к площади.

Я пыталась кричать Всадникам, звать Эви и бабушку, но у меня не было голоса, меня там не было. Я могла лишь следовать за ними, словно тоже нападала на Мерит, словно я была Тротом.

Земля содрогнулась от сражения. Я видела обвалившийся дымоход, это был дом Тома Мейкера, но вскоре я уже не понимала, что вижу. Горячий ветер разносил солому. Пахло пылью, она жалила лицо. Я завернула за угол и увидела, что рыночная площадь горит. Безумные и испуганные крики не прекращались. Из огня показался меч, за ним другой, и тени промчались в дыму — Всадники яростно набросились, крича в ответ. Я спотыкалась, я едва могла видеть, я лежала на земле среди камней и ног. Здесь было меньше дыма, но я

закашлялась из-за пыли, я ощущала вонь Тротов вокруг.

И пахло кровью.

Я выпрямилась и увидела в огне высокого Руна, он вставал на дыбы, ржал, грива развевалась на ветру, он бил по воздуху. Копыта ударяли, его прекрасные белые ноги были в крови.

Меня на его спине не было.

Я кричала, кричала и не могла перестать, даже когда ладони Гарейна накрыли мои, прекращая поток видений.

— Нет, нет! Хватит! — я вырывалась из его хватки. — Пусти! — я должна была досмотреть, понять, что стало с моим конем. — Руна! — кричала я. — Руна!

Но я была здесь, среди болот, и я слышала ржание лошади над собой, а не в видении, Руна смотрел на меня, скорчившуюся на траве. Я открыла глаза и увидела его чистую шерстку, он осторожно переступал с ноги на ногу, я расплакалась.

— Ларк! — сказали в один голос Всадники. Шум в ушах был невыносимым, рыдания сотрясали тело.

— Сделай что-нибудь! — вопил Гарейн. — Гном, сделай что-то!

Прутик ответил низким голосом.

— Это я исправить не могу.

Гарейн выругался, или это был Прутик из-за своей беспомощности, я не знала и не хотела знать. Руна... Я согнулась, опустошая и без того пустой желудок, словно могла выпустить так весь ужас. Я цеплялась за землю, волосы, тунуку, пытаюсь стереть этот ужас. Я ударила Гарейна, схватилась за его меч. И вытащила его, хотя и закричала из-за обжигающего холода и невыносимого веса. Если бы он не забрал меч, я бы пронзила себя, лишь бы стереть это видение.

— Ларк! Ларк! Хватит!

— Отдай! Отдай! — всхлипывала я, пытаюсь отобрать меч. — Дай!

— Ларк! Все хорошо! Все будет хорошо!

— Мерит! Они захватывают Мерит! — меня усадили на землю. И потом... — Руна! Руна!

Конь был рядом, он уткнулся в мою щеку носом, от его пахло травой.

— Пусть на тебя подышит, Ларк! — голос Прутика был хриплым. — Пусти его!

— Троты! Они бегут из Темного леса! Скорее!

— Тише, Ларк. Дыши.

Я закашлялась, я пыталась тошнить, но было нечем, и слезы высыхали. Все молчали, только Прутик ходил туда-сюда, посылая своими шажками дрожь по земле, на которой я лежала.

Я яростно заговорила:

— Они идут...

— Ларк, — Тэран. — Сколько Тротов? Что еще?

— Слишком много, — я перевернулась, голова наткнулась на что-то твердое, на ногу Гарейна. Он сидел на коленях рядом со мной.

— Плохо, плохо, — Прутик никак не останавливался. Его голос звучал то ближе, то дальше. — Это будет скоро. Очень скоро!

— Тихо, старик! — воскликнул Брант. — Пусть Ларк успокоится!

— Нет! — вскрикнула я. — Он говорит правду! Они скоро придут, я это видела!

— Нет, нет, нет, нет... — шептал Прутик. — Нет.

— Ларк, скажи, как скоро? Сколько еще времени? — спросил Лорен.

— Там был огонь, — я не могла говорить связно. Мне нужна была бабушка. Я уткнулась лбом в ногу Гарейна. — Пожалуйста, нам надо идти.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он зашептал, накрыв ладонью мою голову:

— Мы пойдем, Ларк, но тебе нужно немного отдохнуть.

Пришлось послушаться. Я не могла стоять. Эвен принес мне свое покрывало, но даже близость Гарейна не могла унять мою испуганную дрожь. Мне было плохо, а голоса вокруг гудели, обсуждая врага, тактики и время.

— Разогреем бальзам, — крикнул издалека Вильх. — Это ей уже помогало.

— Никакого огня! — крикнула я, но притихла, когда Гарейн убрал прядь волос с моего лица. Я снова заплакала.

— Как это остановить? — процедил Гарейн, его рука замерла на моей щеке. Никто не ответил, и он повысил голос. — Вы можете быстрее?

— Гарейн, держи себя в руках! — Марк тоже был на взводе. — Твои эмоции сейчас не помогут!

— Слишком быстро. Что делать, что делать, — Прутик все еще расхаживал, тревожно бормоча под нос.

— Ты тоже, — проворчал Марк. — Твоя тревога никому лучше не сделает.

Прутик уставился на него и отошел подальше.

Воцарилась тишина, они ждали, оставаясь на месте. Лагерь они не разбивали, потому Всадники не могли себя занять. В воздухе дрожало напряжение, им было скучно. Послышались приглушенные голоса, звон металла, кружка ударилась о камень, меня приподняли, сунув в руки напиток, я с благодарностью выпила бальзам, что должен был меня исцелить.

Вскоре я вскочила с покрывала.

— Идем, — выпалила я. Мы потратили много времени. Гарейн поспешил встать и хотел поддержать меня, но я покачала головой. Я не позволю им думать, что я слабая. Он опустил руку и пошел за Руной.

Остальные смотрели на Лорена, который, глядя на меня, кивнул. Всадники вернулись на лошадей.

— Ларк! — позвал Прутик.

Гном стоял неподалеку и смотрел на запад. Я подошла к нему, чувствуя тревогу.

— Сумка, — сказала я, протягивая ее, чтобы он забрался. — Надеюсь, я тебя не раздавила, когда упала.

— Я-то крепкий, — ответил он. И добавил. — Каргу не стоило разжигать костер.

Он медлил. У меня заканчивалось терпение.

— Да, но костра толком и не было. Карг его уже потушил. Поспешим.

Но Прутик смотрел на переплетения Темного леса.

— Слишком быстро, — тихо сказал он. — Надеюсь, ты готова.

Он сделал пару шагов вперед. Я шла за ним с сумкой.

— Прутик! Нужно идти.

Он обернулся и сказал:

— Знаю, — взгляд его был виноватым.

Раздался рев, все мы оказались на коленях из-за содрогнувшейся земли. Душераздирающий вопль, затем словно лопнул пузырь, и камни с травой полетели в стороны.

Я поднялась на ноги, земля все еще дрожала, я закричала. Земля раскололась, отделив нас с Прутиком от Всадников.

— Ларк! Скорее! Прыгай к нам! — Брант и Гарейн ждали на краю, к ним присоединились Лорен, Вильх и Иен, а потом и остальные. — Мы тебя поймаем.

Я пошла к ним, но земля содрогнулась снова, ноги подкосились у всех.

— Скорее! — кричали они, вскочив на ноги.

Я ползла на четвереньках к краю. Брешь была не такой и большой, с мой рост. И я не сомневалась, что они меня поймают. Но стоило мне прыгнуть, как щель расширилась вдвое. Я упала на живот на краю, пытаюсь за что-нибудь уцепиться.

«Не дайте дыре забрать меня», — молила я. Не хотелось исчезнуть, как старый Харкер во тьме, в пустоте улыбки Эремы...

— Ларк!

Я сжала зубы, отбросила страхи и встала, готовясь прыгнуть. Но замешкалась. Я слышала крики Всадников, видела, как трещина расширяется. Трава с камешками улетала в пустоту.

— Ларк! Ты сможешь! — Гарейн стоял напротив меня, решив, что я испугалась. — Я тебя поймаю.

Прутик подобрался ко мне, и я повернулась к нему, недоверчиво сказав:

— Ты знал, что так будет, да? Ты отозвал меня, чтобы... разделить нас.

Он сказал:

— Ларк, я помогаю тебе.

— Помощь! — прошипела я. — Чем поможет расставание с Всадниками?

— Напоминаю, что их сражение — не твое.

Земля гудела, мы едва стояли на ногах.

— Ларк! — кричал Лорен. Его голос приказывал.

— Мне нужно к ним! Я должна быть там!

— Миледи, — сказал Прутик, его было едва слышно из-за гула земли, — там лишь безумие.

— Безумие! — рев стал громче. И я кричала на него. — Безумие среди Всадников? — я посмотрела на них, потом на него и спросила. — Что мне делать?

Прутик закрыл глаза.

— Я указал путь. Выбирать тебе.

Я смотрела на него. Человечек стоял у моих ног, закрыв глаза, никак не выражая свое отношение. Прутик — ответ на мою просьбу о помощи. Я оглянулась на Всадников, что стояли на краю, Руна был с ними и нервничал.

И я вспомнила. Меня не было на спине Руны в видении.

Я хотела домой. Хотела помочь деревне. Хотела быть с Всадниками, ведь они были сильными и добрыми. И, несмотря на обещание и угрозу гибели, я хотела быть с Гарейном.

Но я посмотрела на Лорена и медленно покачала головой.

— Ларк! — кричал Гарейн.

— У меня другой путь! — перекрикивала я гул земли, трещина все росла. — Позаботьтесь о моем коне!

— Ларк, нет!

Земля снова заставила нас упасть. Я вцепилась в камень, чтобы удержаться на месте, земля тряслась подо мной, а потом выдохнула и замерла. Я поднялась, руки все еще дрожали, но все успокоилось.

Послышался голос Прутика:

— Пора.

Руна встал на дыбы, а потом принялся бегать вдоль разлома.

— Оставайся с Всадниками! — прокричала я. И мне пришлось отвернуться.

Гарейн позвал меня, но я махнула на прощание, не обернувшись, и посмотрела на Прутика.

— Надеюсь, ты не врешь, человечек.

— Боишься? — спросил он.

Я возмущенно ответила:

— Да!

— Страх принадлежит Призывателям. Так они пытаются тебя сломить.

— Вот как, — прошептала я.

— Ларк, — сказал Прутик, — страх появляется лишь тогда, когда ты не знаешь, как ответить. Ты так далеко зашла. Доверяй себе.

Похожее я уже слышала.

— И твоя вера, — продолжил он, — станет тебе лучшей помощью.

— Пора идти, — я направилась туда, откуда мы пришли.

Но Прутик сказал:

— Не туда, Ларк.

Я не успела спросить, о чем он, с другой стороны трещины раздался крик. Мы развернулись, и я закричала:

— Гарейн! — он прыгнул. Он разбежался и прыгнул, и пока я кричала, он летел над пропастью. Он со стуком рухнул на землю на нашей стороне, вот только часть тела осталась над пропастью, он пытался оттолкнуться ногами, извивался и цеплялся пальцами за пучки травы, скользя вниз, земля пошла под ним трещинами.

Я оказалась перед ним, упала на колени и схватила за руки.

— Держись! — закричала я. Попытка была смешной. Он был тяжелым, а я ничем не могла помочь.

— Ларк, — пропыхтел Гарейн, — это я просчитался. Отпусти. Я не хочу забирать тебя с собой!

— Нет! — кричала я, слыша вопли остальных. — Нет! — я согнулась от его веса. — Прутик! Что делать!

— Ларк, ты связана с Землей, ты знаешь, что делать! — прокричал Прутик и обратился к Всадникам. — Назад! Не прыгайте!

Я закричала на Прутика:

— Я не знаю... Гарейн, не смей! — я не успела договорить, Гарейн попытался вырваться из моей хватки.

— Поверь в себя, Ларк! Поверь! — отозвался Прутик.

Я не понимала, о чем говорит Прутик, я могла лишь чувствовать, как из пальцев выскальзывают руки Гарейна, как его теплая энергия отдаляется от меня. Я закричала.

Гарейн посмотрел на меня. На его лбу блестел пот, но он смог сказать:

— Это моя вина. Моя ошибка. Отпусти, Ларк.

Со стоном я посмотрела в глаза Гарейну, впилась носками в землю и сжала зубы, потащив его. Я тащила его с отчаянием и рвением, сил стало больше. Во мне яростно горело то, что я не узнавала. Ноги погрузились в землю, руки, словно лозы, обвились вокруг его рук, я тащила его за собой.

— Я... не... отпущу... тебя! — кричала я, не следя за словами, но это и не было важно, ведь мы выбрались, отлетели на траву и, задыхаясь, лежали, не веря, что у меня получилось.

Гарейн упал на меня, рухнул мне на грудь, но поспешил откатиться на спину. Он смотрел в небо и успокаивал дыхание.

— Что это было? — смог спросить он, повернув голову ко мне.

Я не могла ответить. Я не верила в то, что только что сотворила. Я могла только смотреть на него.

— Это, — сказал Прутик, подойдя к нам, — и есть сила. Я разве я не говорил, Всадник, что твоя поспешность доведет до беды?

— Гарейн! Ларк! — звали нас другие Всадники. Одиннадцать мужчин на лошадях и два коня без хозяев стояли на другом краю, не зная, прыгать им или оставить нас.

Заговорил Прутик:

— Идите, Всадники. У Стражницы свой путь, — он поклонился им с рукой у сердца. Всадники посмотрели на меня, и я смогла лишь кивнуть.

Они поняли. Все они поклонились в ответ, развернули лошадей и отправились дальше. Руна и Петрал издали прощальные вопли и, вскинув гривы, поплелись за остальными.

Вскоре шум прекратился, и нас окружила тишина.

— Они ушли, — тихо сказала я. Всадники выполняют задание, о котором я должна была их попросить. Происходящее не совпадало с моими изначальными ожиданиями.

Я посмотрела на Гарейна. Он снова лег на спину и смотрел на облака, тяжело дыша.

— Зачем ты это сделал? — спросила я.

Он повернул голову, пряди волос упали на лоб.

— Я не мог тебя бросить.

— Но в Тарнеке могут подумать, что это из-за твоей ошибки с Эремой. Мне даже показалось, что ты надеялся, что я тебя отпущу.

Уголок его губ пополз вверх.

— Надеялся, что не отпустишь.

Прутик оказался рядом со мной.

— Не стоит тут отдыхать, — недовольно сказал он. — Нет времени. У вас долгий путь, это только начало.

* * *

— И зачем я остановила Руну? — сказала я Прутику, пока Гарейн проверял, как далеко зашла трещина.

— Темный лес не место для лошади, — ответил он, глядя то на небо, то на силуэт Гарейна.

— Темный лес! — я уставилась на него. — Мы туда не пойдем.

Прутик сказал:

— Пешком лучше.

— Прутик! — строго сказала я. — Мой амулет в горах Мир на севере!

Он фыркнул.

— Север на севере, восток на востоке, но не направление определяет путь.

— Не понимаю тебя, гном.

— А как ты пойдешь отсюда на север? Перепрыгнешь трещину? — Прутик покачал головой. — И что делает паренек? Он не найдет там пути. Трещина длинная и широкая.

— Не найдет? — испугалась я. — Тогда как попасть в горы?

Он указал.

— Вот путь, конечно. Должен быть.

Горло сжалось. Я села на землю.

— Нет. Я не могу.

— Ты только думаешь, что не можешь. Вспомни, страх появляется...

— Хватит! Я помню твои слова. Я... не могу. Я не пойду в Темный лес. Там страшная энергия, она проникает внутрь...

— Это энергия Призывателей. Хаос, — кивнул Прутик. — Тебе будет сложно. Но я с тобой, а еще твой Всадник. Мы тебе поможем.

Я могла хоть в чем-то с ним поспорить.

— Всадник не мой.

Прутик вскинул брови.

— Конечно, твой, Ларк. Он стал твоим Дополнением. Ты не одна, — Прутик развернулся и пошел к нашим сумкам, а я пораженно замерла. Он мог быстро ходить.

Я поднялась на ноги и поспешила за ним.

— Дополнение? Что ты имел в виду?

Гном покачал головой и открыл сумку Гарейна.

— Они вообще ничему не учат Стражей? — он сунул в сумку голову, роясь в ней.

— Прутик, погоди, объясни все. Что за Дополнение?

Вздых, и он вытащил голову из сумки.

— Вы создали связь между собой, так? — я молчала, он фыркнул. — Как можно посылать неоперившихся птенцов на такие сложные испытания?

— Прутик...!

Он цокнул языком, схватил мою пустую сумку и вывернул ее. Он разглядывал швы и говорил. — Связь пробуждает Стража, это истинное доказательство, что перед тобой Стражница. Связь же соединяет с Хранителями, а тот, кто пробудил Стражницу, становится Дополнением.

Он посмотрел на меня, все еще хмурясь.

— Равновесие. Потому и пара.

Я опустилась рядом с ним на колени.

— Соприкосновение меток.

Он кивнул.

— *Первое* соприкосновение. Это установление связи. Не обязательно во время ритуала, соприкоснуться они могут и случайно. Но связь появится.

— Дополнений тоже может быть четверо, как и Стражниц?

— Один к одной? — он фыркнул. — Тогда не было бы выбора, так ведь? Нет, у многих Хранителей есть особые метки. Как и, — голос Прутика стал тише, — у многих Призывателей, — он просиял. — Хорошо, что тебя первыми нашли Всадники! Хотя король сделал интересный выбор.

— Из-за того, что выбрал на эту роль Гарейна? — он заставил его. Я помнила

обреченное выражение лица Гарейна. Выбор короля, почему выбирал он? Я посмотрела на гнома. — А Гарейн знает? Дополнение вообще хочет играть эту роль?

— Но ведь и Стражница таковой быть не хочет. И, да, Ларк, твой Всадник знает, кем он стал. Не надо так на меня смотреть. Король, похоже, сделал мудрый выбор, а судьбы сплелись.

— Что значит, судьбы сплелись? — Гарейн тоже упоминал это.

— О, это сложно, но судьба одного человека влияет на многих. Каждый на счету.

— Прутик! — топнула ногой я. — Говори понятнее.

— Призыватель, Эрема, прочитала судьбу Гарейна. Она заглянула в его будущее и подстроилась под его желания, чтобы украсть амулеты. И где мы теперь? И, нет, Ларк, твое будущее она прочитать не сможет, твоя книга хранится в Тарнеке.

— Какая еще книга?

— Книга с твоей судьбой. Ты видела ее в руках короля. Он прочитал кусочек, он нашел с ее помощью тебя, и тот кусочек — предисловие к твоей истории. А ты не знала, что история каждой судьбы хранится под обложкой? Ты ужасно необразованна! У всех нас есть книга, история, судьба. Книги Стражниц хранятся в Тарнеке. Не стоит бояться, они в безопасности.

— Моя судьба хранится в Тарнеке? Ее король отказался мне показать? — удивленно выпалила я, но не из-за существования книги, а из-за того, что она именно в Тарнеке. — Зачем тогда мы идем в Темный лес, мучаемся? Почему нельзя прочитать книгу, узнать, где шар, и как его забрать?

Прутик посмотрел на меня так, словно я резала его ножом.

— Если ты перевернешь последнюю страницу, что станет с твоим выбором? А я скажу: он изменится под влиянием знаний, как изменилась судьба Гарейна из-за Призывательницы, что повлияло на всех нас. Нет, книги судьбы трогать нельзя!

— Но королю можно было ее трогать? Почему?

— Она не принадлежит королю! Лишь хранится там! О, невежество! — Прутик вышел из себя. Он прошелся, а вернулся уже спокойным. — Это рассказывал Харкер, не мне об этом говорить. Важно, что судьбы Стражниц в безопасности в Тарнеке. И это немного радует после кражи амулетов.

Харкер и книги, я вспомнила этот сон. Но Прутик уже закончил разговор.

Станный провидец ушел, я не успела толком его расспросить. И теперь сдаваться не собиралась:

— Не вижу радости, ведь ответы кроются в книге, которую нельзя использовать!

Прутик весело улыбнулся, словно я ответила правильно. Если, конечно, я видела улыбку в его густой бороде.

— О, Ларк! У тебя Взор, ты уже знаешь, как найти шар. *Верь себе.*

Я молчала, злясь. Сколько еще раз он повторит это? Прутик же вытащил из своей сумки на поясе крошечный кинжал с белой рукоятью. Он принялся отрезать кусочек ткани от кромки на дне сумки, где мне помогала шить бабушка. Вырезав прямоугольник, он спрятал его и ножик в свою сумку. Он вывернул мою сумку и оставил ее рядом с вещами Гарейна, похлопав по ней и сказав:

— У тебя хорошая семья. У вас сильная связь.

Он посмотрел на меня.

— Ты все еще растеряна, Ларк. Это понравится Призывателям. О, паренек возвращается, давно пора.

Приближался Гарейн — мое Дополнение — и говорил с нами:

— Трещине не видно конца. Она отделила Темный лес от болот и предгорья и идет дальше, сколько хватает взгляда.

— Мы теряем время, Всадник, — вмешался Прутик.

Гарейн смерил его взглядом, гном не остался в долгу и сказал:

— На небо не смотрел? С востока приближается гроза. Это всегда плохой знак.

Я перебила его, глядя на Гарейна.

— Как и плохой знак то, что Стражнице ничего не рассказали о Дополнении.

Гарейн медленно повернулся ко мне, его щеки порозовели.

— Это изменило бы твоё решение?

— Почему? Ты ведь не хотел эту связь.

— Всадник, миледи, — попытался Прутик, но мы его не слышали.

— Не хотел? — фыркнул Гарейн. — Я открыл свои чувства, ты их отвергла, но не хотела? Статус что-то меняет?

— Это объяснило бы мои чувства! — злилась я. — О, это бессмысленно! Тебе не понять!

— Значит, теперь у тебя есть причина этой связи!

Прутик завопил что-то на языке гномов с такой яростью, мы с Гарейном зажали руками уши и скривились.

— Вот так! — мы притихли. — Глупые споры закончили? В Темном лесу нельзя разделяться. Не стоит становиться врагами.

— Вряд ли, врагами, — тихо ответил Гарейн. Он серьезно посмотрел на меня и вздохнул. — В Темный лес?

Я сглотнула и кивнула, и Гарейн негромко присвистнул, глядя на переплетенную преграду из ветвей.

— Может, лучше пересечь трещину? Если Призывателям нужна Ларк без...

Прутик вмешался:

— Призывателям нужна Ларк с Всадниками.

Но Гарейн снова повернулся ко мне.

— Точно?

Я сварливо сказала:

— Зато в лесу не будет стрижей.

— Хотя бы, — но Гарейн не злился, он добавил. — Так тому и быть.

— Так тому и быть, — эхом отозвалась я. Дополнение. Слово и мысли об этом не выходили из головы. Ошибся король, Гарейн должен был стать дополнением Эви. А что говорит об этом моя книга?

Мы схватили сумки, Прутик шел впереди, он сказал:

— Я найду вход.

Я вздохнула.

— Разве ты не ехал в сумке?

Он оглянулся.

— Уже не нужно, миледи. Я — лесной гном, — он посмотрел на Темный лес и добавил. — Но вам придется взяться за руки.

Это звучало смешно! Я захихикала, смутившись, но Гарейн решительно схватил меня за руку. По моей руке пробежала дрожь, волной окатив тело.

Прутик пошел дальше и позвал нас.

— Запомните хорошенько, что вы не должны отдаляться.

И Гарейн прошептал:

— Это всего лишь моя рука, Ларк.

Всего лишь.

18

— Ты идешь слишком быстро! — кричал Гарейн Прутику, что легко сновал между выпирающих корней, пока мы старались не запнуться о них.

Ответ Прутика было слышно плохо.

— Вы не захотите попасть под эту грозу! Нужно спешить.

— Куда? — проворчал Гарейн.

Я промолчала, стараясь не упасть и не отпустить руку Гарейна. Мы, казалось, шли часами по Темному лесу, по небу понять не получалось. Оно было пасмурным.

Прутик нашел брешь в ограде Леса недалеко от места, где мы начали поиски. Проем был узкий, и Гарейн ножнами раздвинул ветви, чтобы и он смог пролезть. Казалось, что лозы закрыли за нами проход, едва мы ступили в лес. И, вроде, я успела тогда сказать:

— Как мы отсюда выберемся? — может, это сказал Гарейн. Мы оба были потрясены.

Все вокруг было спутано. Деревья, лозы, кусты, травы... их пропорции были искажены. И без грозы сюда вряд ли пробился бы солнечный свет, ведь небо закрывали листья. Внутри было мрачно, в воздухе пахло гнилью. Я моментально заметила куст гисани, он разросся, захватив несколько деревьев, но не убивая их, а опираясь на них, чтобы взбираться все выше. Я не могла узнать деревья, они были слишком искажены.

Гарейн крепко держал меня за руку, и я была этому рада. Энергия леса пугала меня, нависала надо мной, но не заполняла. Мне хватало сил противостоять ей. Он осторожно вел меня за собой, сжимая другой рукой меч, но Прутик попросил его ничего не резать, мечом он только расширял проход.

А в этом была необходимость. Мы ползли, пролезали между ветвями, и постоянные препятствия отнимали силы. Земля хлюпала под нами, на ней было слишком много опавших листьев, было неизвестно, как далеко до поверхности земли. Мы погрязали почти по колено, с трудом делая шаги. Гарейн попросил Прутика сбавить темп, но тот заявил, что нужно спешить, что времени мало.

Мечом Гарейн раздвинул полог из переплетенных ветвей, и мы ступили на ровную и твердую землю, споткнувшись и упав перед Прутиком от неожиданности. А гном остановился.

— Передохнем, — сказал человек.

Мы сидели на коленях, отряхиваясь и успокаиваясь. Гарейн сказал:

— Тропа.

Прутик кивнул.

— Теперь будет проще. Безопаснее.

— Так ты искал дорогу? — я задыхалась.

— Это только начало, — ответил гном. — По лесу нельзя пройти без тропы.

— Это и так понятно, — прошептал Гарейн, поднимаясь на ноги. Я осталась на коленях, но Гарейн от меня не отошел.

— Было сложно, понимаю, — признал Прутик. — Не сходите с тропы. Она защищает. Без нее долго не прожить.

— Защищает? — выдавила я, смелость таяла на глазах. Он говорил о безопасности, которой тут не было изначально. Прутик же продолжил, не ответив:

— Но медлить тоже нельзя. Грянет буря, и нам нужно укрытие.

Загрохотал гром, сотрясая лес. Мы подскочили от неожиданности, но я могла поклясться, что кусты танцевали в ответ на шум.

Прутик проследил за моим взглядом.

— Ты будешь видеть то, чего не хотела бы, миледи.

— Тогда идем, — сказала я, вставая на ноги. Кожу покалывало.

— Смотри на дорогу, — посоветовал Прутик.

Я смотрела на полосу земли, что уходила во тьму, и сглотнула. На этой тропе Рубер Минл встретил кончину?

Прутик покачал головой.

— В Темном лесу много троп. Это произошло не на этой дороге. Ларк. Не здесь.

Я уставилась на него.

— Откуда ты знаешь, о чем я думала?

Прутик пожал плечами с улыбкой.

— Тебя легко услышать.

— Легко?

Прутик не ответил. Он прошагал вперед и обернулся.

— Идемте, — сказал он.

Я шагнула и споткнулась. Всего пару шагов от Гарейна, и меня сбила с ног энергия леса.

Гарейн поймал меня.

— Я здесь, — тихо сказал он. И позвал Прутика. — Ларк нужно сесть. Она не ела и не спала уже давно.

Гном покачал головой.

— Не успеем.

— Все хорошо, честно. Просто тряхнуло энергией. У-уже перестало.

Гарейн проследил за моим взглядом, направленным на его руку на мне, потом взглянул мне в глаза.

— Тогда идем.

Прутик кивнул и развернулся.

— Не отставайте, — посоветовал он и побежал по тропе. Я и не знала, что гномы бегают так быстро, оказавшись в родной среде, но садовые гномы были шустрыми, словно кролики, среди листьев капусты, а лесной гном здесь почти летел. Мы мчались за ним, держась за руки, Гарейн тянул меня за собой, едва успевая не терять силуэт Прутика из виду. Дорога была ровной, хоть ее и почти не было видно во мраке.

— Не отпускай! — крикнул Гарейн.

Гром сотряс все вокруг. Я увидела, как лес трепещет: шелестели листья, но мне могло и просто казаться.

— Что это? — завопила я поверх гула.

— Не смотри! — отозвался он.

Раскат грома. Начался дождь, я слышала, как он стучит по листьям, но ни он, ни молния, ни ветер сюда не попадали. И я с ужасом поняла, почему Прутик искал укрытия.

Темный лес не сдерживал грозу, а поглощал ее, заполнялся ей, намереваясь всей этой силой обрушиться на нас.

Гарейн тоже это понял, шаги его ускорились, я едва успевала.

— Прутик! — прокричал Гарейн.

Грохотал гром, в этот раз вспыхнула молния. Я поежилась, увидев отблеск света, а в этом свете я заметила то, от чего рухнула на землю, выпустив руку Гарейна.

Темный лес был живым. Деревья, лозы и кусты, даже травы танцевали в звуках грома с радостью и страстью. Не из-за ветра, природа здесь сама извивалась. Деревья принимали ужасающие силуэты своими кривыми стволами, ветки и лозы развевались, словно руки.

— Ларк! — Гарейн резко остановился, чуть не упав из-за этого. Он развернулся и подхватил меня, поднимая на ноги.

— Лес, — выдохнула я, зубы стучали. — Лес! Ты тоже это видишь?

Прутик прокричал издалека.

— Мы его почти потеряли! Можешь бежать?

Я кивнула, мы сорвались с места. Листья впустили ветер, и тот с воплем принес за собой ливень. Водопад промочил нас мгновенно. Прутика не было видно во тьме, а теперь — тем более.

— Где он? Где он? — вопила я вместе с громом.

— Не останавливайся, — отозвался Гарейн.

Мы двигались вперед, словно толкали стену, а не дождь. Живую стену. Ливень сдерживал нас, из-за молнии мы упали, ветер толкал нас в стороны. С каждой вспышкой света я видела ужасный танец Леса, к нему присоединились неизвестные существа, они были такими же кривыми, как и сам лес, они прыгали, забирались на ветви. Их глаза сверкали после вспышек молний, мерцали бронзой и золотом во тьме. Нас окружал грохот. Ужасный вопль ударил по лесу хлыстом, пронзая наши уши невыносимым шумом, вонзая в мою спину холодный нож страха. Гарейн закричал:

— Проклятие!

— Что это?

— Предвестники смерти! Не смотри им в глаза, смотри на тропу, иначе они уведут нас за собой!

Я не могла себя остановить. Гарейн тянул меня за собой, но взглядом я скользила по ужасным существам на границе тропы, а не искала Прутика. Они издавали вопли. Были эти существа с мехом и тонкими лапками, держащимися за ветки, или ящерицы с острой чешуей, что ползали по лозам? Хвосты, когти, клыки смешивались с шелестящими листьями. Жуки и прочие насекомые копошились в коре, извивались черви. Сколько вообще ужасов хранил в себе Темный лес? Дождь стекал темными каплями, словно кровь из раны, словно живица из дерева хукона. Сверкающие глаза двигались среди листьев, все сильнее пахло гнилью, словно смертью. Вой превратился в песню, сладкую и звенящую, словно нить, она тянула за собой. Меня держал Гарейн, я это чувствовала, но я тянулась прочь от него, пока не осталось лишь покалывание его прикосновения на кончиках пальцев.

«Идем», — звал меня Темный лес. Он манил к себе, сверкая из-за капель, он звенел жизнью. Песня заполняла голову, мелодия очаровывала.

«Потанцуем», — тропа казалась пустой и простой, а в шаге от нее кипела жизнь. Ветер, гром, дождь и предвестники звали меня прекрасной песней. Я уже не чувствовала руку.

Я видела их: существ, деревья, лозы, что хотели обнять меня и впустить в лес.

«Там безумие», — прозвенело в голове, я рассмеялась, страх упал, словно накидка. Конечно, было безумием идти по этому месту по узкой тропе. Конечно, было безумием копать поля, вырывать сорняки, срезать траву, искать Равновесие, быть избранной. Было безумием думать, что я была особенной... Здесь была свобода — никаких выборов, решений, а все и сразу, все кружилось передо мной, звало к себе. Путь был простым, а там! Лишь в одном шаге! Я хотела туда, рука тянулась к паутине из тьмы... Лозы, листья, пальцы и когти были мокрыми, сверкали и хотели помочь мне уйти к ним.

Воздух с силой выбили из меня. Я упала на живот на тропе. Гарейн был надо мной, он тяжело дышал, словно боролся с лошадьёю.

— Что... с тобой? — вопил он, перекрикивая песню. — Ларк! Что ты делаешь?

— Лес танцует! Пусти! — кричала я. И билась, я чувствовала его жар, согревавший меня. Я не хотела его. Не хотела.

Гарейн выругался. Он кричал мое имя, проклинал лес вокруг нас.

— Оставь ее! Не трогай! — он схватил меня за плечи и встряхнул так, что клацнули зубы, а воздух вылетел из меня. — Закрой глаза, Ларк! Закрой глаза! Это ужасно, а не красиво! Это ложь! Не верь им!

Я смеялась, но дыхания не хватало. Я закашлялась, закрыла глаза и вдохнула. Меня окружала энергия Гарейна, она пульсировала и выгоняла из меня тьму, пока я кашляла. Ощущения рассеивались, я стучала его кулаками, крича, чтобы он отпустил меня в Темный лес танцевать, но Гарейн прижал мою голову к своей груди, чтобы я ничего не видела. Я боролась, а песня превращалась в рев ярости, страх впился в меня. Я уже не билась с Гарейном, а цеплялась за него, дыша и обхватывая руками, чтобы он не отпустил меня. А вокруг бушевала гроза.

Он очень долго не отпускал меня. Я подняла голову и посмотрела на него, но дождь заливал лицо. Я закашлялась от воды.

Гарейн исполнился облегчения и ярости.

— Ты поняла его силу? — выдохнул он. — Что ты пыталась выбрать? Ты чуть руки не сломала. Ты пыталась влезть в сам хаос!

— Я... думала... что там красиво, — часть меня все еще туда хотела.

— Это не красиво, — мрачно сказал он. — Он манил тебя. Я знаю, — он все еще держал меня за плечо. Предвестники кричали, а он помог мне встать на ноги, я кривилась от их воплей.

— Мы потеряли Прутика, — всхлипнула я, глядя на тропу. Было темно. — Прости.

— Все хорошо, — Гарейн помогал мне стоять, потирая мои руки, чтобы унять дрожь. Он обхватил мои руки и заставил посмотреть на него. — Ларк, все будет хорошо. Он сказал не сходить с тропы, мы его найдем. Готова?

Я кивнула, и мы помчались вперед, но в этот раз держась крепко за руки, не так сильно спеша. Дождь промочил нашу одежду так, что она уже не впитывала воду, по нам стекали струи воды. Земля хлюпала под ногами, вода заливала глаза, я видела лишь на расстоянии вытянутой руки, мы старались не поскользнуться и не упасть. Вспышка света очертила нечто ужасное. Дождь размыл обломки веток, и они двигались к тропе.

— Плохо дело, — пробормотал Гарейн и мне, и себе.

— Смотри! — крикнула я. — Видел? Оно рычит, движется и рычит! Посмотри, когда ударит молния!

Вспышка показала, что лозы пытаются захватить тропу. Гарейн пинал их, топтал их. Я

отбросила ногой коричневую лозу, что пыталась вцепиться в мою лодыжку.

— Он сам решил забрать тебя, — прорычал Гарейн, он тянул меня за собой, другая лоза схватила меня за ногу. — Осторожно.

— Тропа ведь была безопасной! — кричала я лесу, а не Гарейну. Лозы росли быстрее, они нападали, доставая мне до талии. Сердце стучало громче, чем шумел дождь. Мы не могли пробраться далеко. Я обхватила руками Гарейна, он вскинул меч, пытаюсь разрезать их.

— Не режь лес!

— Прутик! — прокричали мы.

Голос гнома был резким, он доносился впереди.

— Если ты его порежешь, он поглотит тебя в отместку! Скорее! Сюда.

Прутик был впереди, он мчался все дальше. Он был быстрым, и лозы не успевали за ним.

— Быстрее!

Мы добрались до него и не отставали, слыша его голос, за нами следовал поток воды с обломками. Мы остановились, наконец, на ровной земле, там мы могли стоять спокойно. Было темно, но сухо, а шум грозы и леса стал намного тише. Нас окружила спокойная энергия. Убежище...

Но я вскрикнула, нарушая тишину.

— Тропа! На нас нападали! Я думала, там будет безопасно!

— У тропы не было сил против грозы, — сказал Прутик. — Дождитесь, пока она утихнет. В корнях дуба мы в безопасности.

— Дуб! В Темном лесу? — Гарейн крепко обхватил меня, не веря.

— Да! Здесь есть дуб, ива и шелковица. Хаос не забирает все, всегда есть те, кто выстоит, — Прутик замолчал, словно вспомнил об украденных амулетах. — Пока что.

— Хорошо, — сказал Гарейн. — Нужен свет. Можно разжечь костер?

Прутик испугался.

— Огонь! Разве дерево не сгорит? — прошептал он, голос его менял громкость, словно он ходил туда-сюда. — Отправили детей работать! Невежи!

— Прошу прощения, — сухо сказал Гарейн. — Но Ларк замерзла, а здесь темно.

Я уже успокоилась.

— Просто... Прутик, мы ничего не видим.

— Может, тебе так и лучше, — фыркнул он. Но я слышала, что он улыбается, он гордился собой из-за чего-то. — Я знаю, что темно и мокро, Всадник, но ваши глаза могут привыкнуть. Но все не так плохо, — молчание, и Прутик очень вежливо сказал. — Можно нам немного света?

Что-то замерцало наверху, мы с Гарейном вскрикнули. Над нами вспыхнуло звездное небо, хотя мы были под землей. Тысячи звездочек заполнили яму мягким светом.

— Светляки, — сообщил Прутик.

Светляки. Я часто видела их в корнях дуба. Их крылья сияли, трепеща, словно тонкая ткань. Я посмотрела на Гарейна, его лицо сияло.

— Спасибо, гном, — голос его был хриплым, мое сердце екнуло. Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

Прутик не расслаблялся.

— Можете уже не цепляться друг за друга. Здесь Ларк безопасно.

Гарейн убрал руку, освобождая место.

— А теперь слушайте, — Прутик заставил нас вздрогнуть. Он держал какой-то сверток, он поставил его между нами в наши руки, он был мягким, словно мох. — Это хорошо сушит кожу. Одежду и обувь сюда, — он указал на корни, что торчали, словно крючки, из земляных стен.

Я сняла брюки и тунику, оставив нижнее белье, что и на мне высохло бы. Гарейн снял тунику, но отказался снимать штаны, хотя Прутик ему указывал сделать это. Я была рада. Мы потеряли мхом кожу, и он впитывал воду, словно губка.

Среди бури это спокойствие было бесценным. Я огляделась. Мы были не в пещере, а в большой круглой норе. Она была шириной в несколько шагов, а высоты хватило бы, чтобы встать, и осталось бы еще место до сплетения корней. Гном накрыл мхом нашу одежду, устраивая постель, общую, но мягкую. Я подошла к Прутику, чтобы его поблагодарить. Он был у входа в нору, раскладывал какие-то стебельки на земле.

Он взглянул на меня.

— Лучше? Уже не тонешь.

Я улыбнулась, послышался голос Гарейна:

— Намного лучше. Спасибо.

Гном просиял. На миг мне показалось, что его тело просвечивает. Я моргнула.

— Прутик, что ты делаешь?

Он поднял лиловый цветок на длинном стебле.

— Маленькая буквица прогоняет зло, — он накрыл ею порог и выпрямился. — Она есть в Темном лесу, если приглядеться. Здесь есть то, что поможет в беде, если присмотреться. Хотя... — он взглянул на свою работу, — не обещаю, что это защитит от всего.

— Предвестники? — я вспомнила их ужасные вопли и поежилась.

— Не сами они, — ответил Прутик. — Они пугают шумом. Если ты увидишь их, вопли становятся сладкой песней. Но я боюсь Тротов.

Гарейн оказался рядом. Когда это ему стало так просто быть рядом? Он заметил мурашки на моей коже.

— Прутик, нам нужно согреться. Ждать долго, а Ларк замерзла.

— Знаю, — фыркнул гном. Он покачал головой и сказал. — Не будь ты наследником короля, я бы так тепло с тобой не говорил, — он продолжил уже бодрее. — Садитесь, пора отдавать подарки. Времени почти не осталось.

Прутик поманил нас за собой, чтобы мы сели в центре норы в сиянии светляков. Гном сел напротив нас, мы сидели почти кругом. Он сунул руку в свою сумку на поясе и принялся рыться в ней, бормоча:

— О дарах просили, дары даются вольно...

Я спросила:

— Что за дары?

Прутик замер и уставился на меня.

— Не говори, что ты не знаешь.

— Прости, но у меня нет подарка для тебя.

— Не для меня! — Прутик с силой хлопнул себя по лбу. Гарейн подавил смешок. — Ничего! — гном продолжил, выпрямившись. — Придется рассказывать все, — он цокнул языком и заворчал. — Так мало времени, а я должен все объяснить! — он повернулся ко мне, пристально глядя. — Ты ничего не знаешь о трех дарах?

— Король хотел дать мне три предмета, что помогут получить шар. Но у меня их нет, я не знаю, что это... — я нахмурилась, забыв про убежище. Прутик снова разозлится, и его можно понять. Ужасный из меня Страж получился. Может, я не зря боялась, что не подхожу этому заданию, я не знала, куда идти, что делать, не знала, что за предметы нужны мне для этого размытого задания.

И все спокойствие в норе пропало. Я была напуганной девочкой, потерявшейся в Темном лесу, замерзшей, уставшей, голодной... и бесполезной.

Но гном не злился. Он вздохнул и покачал головой.

— Не расстраивайся. Ты забываешь, что уже достигла, но, думаю, это скоро изменится, — он вернулся к своей сумке и вытащил предмет, что был больше, чем его ладошки. Предмет словно притягивал его к земле. Он держал его, и гном словно стал таять — борода стала белее, руки и ноги — тоньше. Я вспомнила короля и с ужасом подумала, что я забираю их энергию.

Но Прутик посмотрел на меня и приблизился к нам.

— Ларк, все мы — часть этого задания, мы союзники и Хранители. И мы отдаем то, что можем. В конце ты будешь сражаться одна, потому пока что мы отдаем тебе все, чтобы ты выстояла в ужасном испытании. И я повторяю, что ты должна верить, что ты знаешь, что делать в последний момент, — он вытянул руки. — И вместо короля я даю тебе первый предмет, его попросил твой напарник. Им можно согреться.

Прутик положил предмет перед нами. Овальный камень, прозрачный и с голубым отблеском. Тусклый цвет был знакомым.

— Лунный камень, — сказал человечек.

Я кивнула, горло сжалось. Я никогда не слышала о лунном камне, как и о тех камнях, что мы искали в ручье. Прутик смотрел на меня.

— На вид это лишь красивый камешек, но подними его, Ларк. Согрей в руках.

Холодными пальцами согреть холодный камень? Я подняла его.

Прутик прошептал:

— Нет, правильно возьми, — и я обхватила камешек ладонями, сжимая его.

Маленькая вспышка, и я ощутила энергию в камне, что была сначала слабой, а потом начала нарастать. Вдруг между пальцев полился свет, я раскрыла ладони. Лунный камень сиял ярче свечи.

— Ого! — выдохнула я. Гарейн выдохнул.

Прутик сиял.

— Он известен, как камень путников. Это камень равновесия, он придает сил. Но, пойми, что в руках Стражницы он источает ее силу.

Я сидела и могла держать этот источник света вечно, наверное, но Прутик сказал:

— Проведи камешком по волосам. Трех раз хватит. Всадник, помоги ей.

Гарейн забрал у меня камешек и медленно провел им по моим волосам, бледно-голубой на орехово-каштановом. Сначала я ощутила холод. Во второй раз — тепло камня. А в третий раз камень вспыхнул жаром. Гарейн выронил его, и камень покатился в центр нашего круга. Мы чувствовали постоянное тепло, исходящее от него. Я улыбнулась. Он источал энергию. Прутик издал смешок.

— Так вы даже поджаритесь.

Гарейн накручивал на палец прядь моих волос. Я покраснела и посмотрела на гнома.

— Спасибо за мой дар, Прутик.

Он широко улыбнулся.

— Гномы искусны в работе с камнями, — гордо сказал он. — Лунный камень один из самых сложных. Если не так ударить киркой, то камень не будет отражать свет. Его нужно полировать. Этот я, кстати, сделал сам. Для Стражниц лунный камень важен. Храни его.

Мы смотрели на свет. В норе стало теплее, жар шелком касался кожи.

— А теперь немного еды, — сообщил Прутик. Он широко улыбнулся. — Пируем сегодня!

Он вытащил из сумки три желудя и поставил по одному перед каждым из нас. Я почти рассмеялась, Гарейн замер, но смолчал.

Но Прутик подмигнул мне.

— Взглядом не всегда можно оценить чью-то ценность, — сказал он. — Это с белого дуба, что за горами Мир. Как и рябина в долине Брен, белый дуб особый, убежище среди Пустыни. Один его желудь насытит. Их можно поджарить на лунном камне.

Мы вытянули желуди над светом камня, перемещая пальцы, чтобы не обжечься, поверхность желудей нагревалась. Мы разбили их. В каждом оказалось по два семечка — редкость. Мы съели их, масло обволакивало язык, стекало по горлу. И хотя они были маленькими, они оказались невероятно вкусными и питательными.

Мы ели, а я смотрела на изменившегося Прутика. Я не ошибалась, он становился все белее, порой даже мерцал.

— Прутик, что с тобой? — резко спросила я.

Он спокойно жевал.

— Времени почти не осталось, — он захихикал из-за моего потрясения. — Я не умираю, миледи. Просто перестану помогать, когда солнце завершит круг с момента просьбы.

Я раскрыла рот.

— Почему ты мне этого не сказал?

— И ты все это время боялась бы меня потерять?

Он был прав, но мне лучше не стало.

— Как же ты мне поможешь, если уйдешь? — спросила я. Мы знали друг друга лишь день? Без него я вряд ли зашла так далеко.

Но он ответил мне:

— Как я и сказал, Ларк. Верь себе.

Гарейн заерзал, гном вскинул брови и добавил:

— И ты не одна. Так что не будем тратить время на прощание. А времени почти нет, у нас еще остались дары, — он повернулся к Гарейну. — Ты просил у меня, теперь я прошу у тебя. Всадник, дашь мне свою тунику?

Гарейн встал и отцепил тунику от корня. Прутик с жадностью взял ее.

— Хорошо, — сказал он и посмотрел на Гарейна. — Можно мне немного с ней поработать?

Гарейн кивнул. Прутик расстелил тунику на полу норы, пальцами он искал то, что хотел: камешек на воротнике туники. Он вытащил из сумки ножик с белой рукоятью, срезал нити и вернул тунику. — Хорошо, — сказал гном. — Ларк, я закончил твой второй дар.

Прутик достал из сумки еще два предмета, их он положил рядом на земле: кусочек ткани от моей сумки, папоротник Куина. И камешек с туники Гарейна он подвинул к ним, потирая руки.

— Я создам оберег для миледи. Смотри. Начнем с того, что это три вещи Земли, они от трех видов любви.

Гном взглянул на меня, мои щеки вспыхнули, ведь он намекал на Гарейна.

— Смотри, Ларк, — он указывал на предметы. — Растение, животное и камень — предметы Земли. Друг, семья и желание серд...

— Нет! — вмешалась я в отчаянии. — Не говори! — энергия Гарейна изменилась, хоть он и не двинулся.

Прутик смотрел на меня.

— Три вида любви, — прошептал он. — Твоей любви. Союзники.

Мы молчали. Горло сжалось, дыхание участилось, я боялась, что Гарейн узнает о моих чувствах. Желание сердца! Он был им, но не должен был.

Прутик тихо сказал:

— Сердце не врет, Ларк. Твой выбор — твоя судьба. Но правда нужна для оберега. Он будет тебе оберегом, если это — твоя правда. Помни, — он смешал предметы в мисочке, чтобы на дне лежала тряпочка, камень посередине, а папоротник сверху. Он посмотрел на меня. — Сделаешь оберег?

Молчание. Я пылала и понимала, что он имеет в виду. Тишина была напряженной. Оберег должен быть правдой, или у него не будет сил. Я сглотнула, признавая правду, которой боялась.

— Сделаю.

Гарейн заерзал, но его энергия снова изменилась.

Прутик кивнул.

— Их нужно завязать.

Я знала. Я медленно выдернула две волосинки и протянула их гному, и он обвязал ими мешочек, оплетая волосинками всю длину оберега, пока они крепко не покрыли ткань. Прутик завязал узелок.

— Он должен быть сильным. Три любви, три символа Земли, один дан свободно, другой взят, о третьем попросили. Это твой оберег, что придаст тебе сил, когда придет время, — Прутик отдал его мне, и я ощутила пальцами все составляющие оберега — теплый и твердый камень, мягкую ткань и силуэт папоротника, что еще пах жизнью. Мои волосы удерживали их.

— Хорошо, — Прутик прижался пальцем к оберегу, словно хотел на миг ощутить его силу. Его пальцы мерцали. Он таял на моих глазах.

— Прутик...

Он покачал головой.

— Все хорошо. Лунный камень, оберег... осталось еще два предмета. Один — дар, что требовали и вернули по доброй воле, а последний — жертва...

— Но король сказал: три. Не хочу больше жертв! — громко сказала я.

— Король не знал, что ты покинешь Тарнек и изменишь судьбу. И я добавил жертву чем-либо, — возразил он. — Чем-то дорогим.

Прутик отцепил от воротника своей туники красный камешек. Словно слеза упала на мою ладонь, камешек мрачно мерцал в сверкании светляков. Он хрипло заговорил:

— Результат ужасной трагедии. Других таких нет.

Заговорил Гарейн:

— Очень темный цвет. Это рубин?

— Похож, — Прутик коснулся пальцем камня, проведя по нему. Мне было больно видеть, как он расстался с двумя важными для него камнями, но гном сглотнул и покачал головой. — Не смотри так грустно, Ларк. Я в порядке. Всему есть причины. Я передал тебе то, что должен был. Нет смысла хранить чужие сокровища. Они должны быть использованы по назначению.

Но я сказала:

— Прутик, мне грустно, что ты уходишь, — человечек уже больше напоминал белое привидение.

— Что? — гном посмотрел на себя и сказал. — Ой. Странно! Не бойся. Я вернусь к своим делам, от которых меня оторвали.

Он звучал бодро, но я уловила досаду.

— Прутик, надеюсь, тебе понравится конец, — прошептала я. И слабо рассмеялась. — Может, ты прочитаешь его в моей книге.

Он смотрел прямо на меня.

— Мне не нужно его читать. Я верю, что у тебя получится. Тебе тоже нужно поверить в это.

Я глубоко вдохнула. Я пыталась не пускать сомнения в душу в этот миг.

— Верь себе, миледи, — гном встал и поправил сумку на поясе. А воротник поправить уже не мог. Он торчал, придавая ему растрепанный вид. Я улыбнулась.

— Ах! Последний предмет! — вдруг сказал Прутик. — Что я там говорил?

Он знал ответ, но хотел, чтобы это сказала я.

— Дар, что требовали...

— Нет, не ты, миледи, — он повернулся к Гарейну. — Всадник, скажи, что за последний дар.

— Что требовали и вернули по доброй воле.

— Да, — гном пристально смотрел на Гарейна. — Требовали и вернули.

Гарейн не пошевелился.

— Ах, — сказал гном. — Видимо, еще рано. Но ждать я уже не могу.

— Прутик! — крикнула я. — Ты таешь!

— Не бойся, миледи, не бойся! Пришло время. Солнце завершило круг.

— Попрощаемся, Прутик?

Он подошел ко мне. Я слышала его шаги, хоть и едва могла его видеть.

— В лучших обычаях Тарнека, — он поклонился, прижав ладонь к сердцу. Мы с Гарейном ответили тем же, я видела лишь силуэт гнома. Он прочистил горло, остался лишь звук, мы его не видели. И немного сияния, словно облачко пара.

Но голос его был громким и мудрым:

— Всадник, не медли! — он крикнул и мне. — На рассвете посмотри на запад!

— Солнце восходит на востоке, — начала я, но пар уже рассеялся.

— До встречи! — послышался тихий голосок. Пар растаял.

Мы с Гарейном долго сидели в тишине.

— Что нам теперь делать? — мой вопрос повис в воздухе, словно пыль. Я ждала ответ от Прутика. Но его уже не было.

А гроза снаружи не прекращалась. Она выла, словно демон, вопила над нашим укрытием, а мы сидели и молчали, раздавленные прощанием с гномом. Я не могла смотреть на Гарейна теперь, когда мы остались наедине. Я разглядывала лунный камень, что все еще источал тепло, думая, сколько времени он еще будет светиться. Потом задумалась обо всей помощи, полученной по пути, о словах Прутика, что мы далеко забрались. Я все еще была на пути к шару, хоть и не понимала этого?

— Это ведь твой выбор, Ларк?

Я едва расслышала ответ Гарейна. Он заметил мой взгляд и слабо улыбнулся в свете камня.

— Разве Прутик не просил тебя доверять себе?

Я кивнула и отвернулась к лунному камню.

А он медленно повторил мои слова:

— И? Что нам теперь делать? — я обернулась, решив, что он издевается, но на его прекрасном лице не было насмешки.

«Желание сердца», эти слова висели в воздухе. Я отвела взгляд, краснея, рука невольно потянулась к оберегу. Гарейн следил за мной, из-за этого дрожали мои пальцы. Он же был довольно спокоен.

— Ты упускаешь последний дар.

— От тебя, — румянец покрывал уже шею и грудь.

Повисла тишина, я осмелилась поднять голову. Он все еще смотрел на меня, в шалфеевых глазах сиял триумф, но и боль не отступала.

— Из-за меня совершилась трагедия, — прошептал Гарейн. — Ты можешь отринуть меня. А еще... — он улыбнулся. — Ты говорила, что я тебе снился. Ты знаешь, что тоже приходила ко мне во сне?

— Во сне? — выдавила я.

— Стражница, — прошептал он, взгляд затуманился, он вспоминал. — Звала меня, просила пробудить. Я хотел... — улыбка увяла. — Стражей давно не пробуждали. Я понял, что она нужна нам. Но я понятия не имел, что именно я пробужу Стражницу.

Мой голос был хриплым.

— Судьба...

— Я не видел тебя во сне, но знал, что ты близко. И когда зов сказал, что мне нужно тебя отыскать, я помчался на поиски, а нашел... ее. Эрему, — Гарейн скривился. — Я был юным, не знал толком любви и ласки... Меня привлекла та же сила, что почила тебя в Темном лесу, только меня некому было остановить.

— Она сделала это. Она знала, куда ты шел. Она изменила твою судьбу, — и все судьбы.

— Мною владела страсть, — он поежился. — А потом невыносимый страх. Я сражался тогда с Тротами, желая умереть. Но бой закончился, а я выжил...

Гарейн смотрел на меня, качая головой.

— Ты была на краю, словно ждала меня. Обнимала белого коня, вы сверкали в лунном свете, — он скривился. — Я смотрел и ждал. И думал лишь о том, что должен тебя убить.

Мой голос дрогнул.

— Не ты, так кто-то другой...

— Не было никого другого, Ларк. Это меня слишком легко убедить, мной так легко управлять, — он вздохнул. — Я не достоин быть твоим Дополнением.

Было больно слышать это.

— Как ты можешь так говорить? Ты не просил этого. Так ведь решил король, так ведь?

— Ларк, я не должен был этого делать. Выбор есть всегда. Но я этого хотел.

— Но твое лицо! Ты вел себя тогда так, словно не мог вынести прикосновения ко мне.

— Я не мог смириться с тем, что король доверил мне это после того, что я сделал, — он замолчал. И добавил уже тише. — Ты отказываешься от меня не из-за Эремы, а из-за чего-то еще.

Я смотрела на него огромными глазами и не могла отвести взгляд. Он был прав.

Вернулась слабая улыбка.

— Может, я все еще смогу это исправить, — Гарейн придвинулся ближе, все еще глядя на меня, связь между нами загудела сильнее. — Я сделал такую страшную ошибку, а ты отказываешься от меня из-за сна.

Я замешкалась, а потом покачала головой, чтобы отвести взгляд.

— Я не виню за прошлое, но не могу изменить увиденного. Ты влюбишься в другую и убьешь меня.

— Нет, — резко сказал он. — Я причинил достаточно...

— Гарейн, твой меч летел на меня.

Я говорила грубо, и его лицо исказилось, мне пришлось спешно добавить:

— Больно не было.

— Нет! Я не мог и не могу тебя ранить, я не переживу этого!

Но это уже ничего не изменило бы. Я должна была звучать спокойно.

— Два сна, Гарейн. Пойми, ты сам не можешь жить с сожалениями. Я тоже так не могу.

Он не сдавался.

— Не могу... не верю в это!

— Я видела это, Гарейн. Сны не врут...

Он потянулся ко мне. Он крепко схватил меня за руки и приблизил к себе.

— Даже если твои видения не врут, их можно неправильно понять. Разве я не ошибся? — он склонился ближе, губы почти касались моих. — Ты не веришь правде, — прошептал он. — Ты ищешь предлоги, наверное, чтобы защитить сердце...

Я дрожала.

— Не свое сердце.

— А чье? Явно не мое, — прошептал он. — Я *знаю*, что не наврежу тебе.

И его губы прижались к моим, осторожно, тепло, я судорожно выдохнула и отстранилась.

— Ты полюбишь не меня, Гарейн, — я с трудом могла говорить, я хотела к нему. — А мою кузину Эви. Она милая и добрая. Когда ты ее увидишь, то...

— Я мечтал о тебе, — он снова коснулся моих губ. — Я твое Дополнение.

Я снова отстранилась, но он не отпустил меня.

— Дело не в выборе... Тебе не предстоят чувства ко... мне, — я не могла дышать. Он был слишком близко. — Ты сам сказал, что не видел меня. А другой Стражницей может быть Эви. У нее есть метка... — и я взмолилась. — Прошу. Я не смогу отвернуться от тебя, но мне нужно это сделать!

— Из-за Эви?

Я кивнула, ведь уже не доверяла языку.

Гарейн сел прямее.

— Метка или нет, — прошептал он. — Но пробуждает силу не одно касание. Ты это

знаешь, чувствуешь, и ты не можешь противостоять этой правде.

Земля загудела под нами. Я рухнула вперед, ударившись руками о грудь. Я кричала, боясь, что Темный лес заберет у меня Гарейна, но он не отпустил меня. Он не двигался, хотя земля дрожала, он держал меня и смотрел мне в глаза.

— Это не прекратится! — крикнула я. — Никогда не прекратится!

— Ларк...

Эти волнения земли не прекратятся. Еще толчок, и посыпалась земля. А я не могла защититься, я тонула в страхе, что потеряю его.

— Не давай лесу забрать тебя, Гарейн! — кричала и молила я. Если он снова ощутит то притяжение, я не смогу его остановить.

Сильный толчок чуть не оторвал нас друг от друга. Руки Гарейна скользили по моим запястьям. Мы покатались по земле, пытаюсь уцепиться за что-нибудь, остаться на коленях. Убежища не было, укрытие стало опасным. Они нашли нас даже под дубом.

— Ларк! Послушай! Я держу тебя! И не отпущу, — Гарейн крепко держал меня, хотя нас пытались разлучить. — Видишь? Я держу. Держу!

Я сжала зубы, чтобы они не стучали. Светляки падали мне на колени, их сбросило землетрясение. Ревел дождь и гром, завывал ветер, стонала земля, я смотрела, как страдают букашки, как пытаются выпрямиться крылышками, как рычагом, и уползти в корни дуба.

Рычаг. Я посмотрела на свои руки, маленькие ладони в кулаках Гарейна. Трижды мои ладони были на земле, и она успокаивалась. Вряд ли это совпадение.

— Пусти! — кричала я.

Он покачал головой, не понимая.

— Я держу тебя!

— Нет, Гарейн! Пусти! Пусти меня!

Он послушался, и я коснулась дрожащими руками земли, чувствуя ужас и пустоту, лишившись его объятий, земля извивалась под холодными руками. Я впилась пальцами в землю, давя крик, давя...

С тяжким вздохом земля замерла и успокоилась.

Я рухнула на нее, но быстро выпрямилась, смеясь и отплевываясь от грязи.

— Получилось! Сработало!

Гарейн потянулся ко мне.

— Это все ты, — он помог мне сесть ровнее и повернул лицом к нему, держа за запястья. Энергия полилась в меня. — Твои руки...

Я ликовала.

— Я прижала ладони к земле, и она успокоилась! Земля ответила!

Он широко улыбнулся.

— Это было в твоем стихотворении, Ларк. «Взмахом рук»... твои руки и земля, — Гарейн легонько встряхнул меня за запястья, глядя на них. Низким голосом он сказал, удивляясь. — Но когда мы первый раз упали, и ты поднималась от земли. Ничего не изменилось. Наверное, это было из-за того, что я тебя держал.

— Твое прикосновение направляет энергию иначе, — согласилась я. Молчание. Я посмотрела на него, согретая воспоминанием, объятиями и его словами. — Твое прикосновение, — тихо сказала я, — влияет на меня.

— Я думал, мы делимся силой... а оказалось, что это не так, — в его голосе слышалось разочарование. Но я покачала головой.

— Нет, не делимся. Все по-другому, — я выпрямилась. — Это круг. Цикл. Помнишь, как в наших руках ожили фитильки? Прикосновения заставляют энергию течь между нами постоянным циклом. Гарейн, ты уравниваешь меня.

Его руки вздрогнули, но он рассмеялся.

— Значит, это прекрасное ощущение — это Равновесие, и вместе мы можем оживлять.

«Фитильки ожили», — мой голос охрип:

— Найла говорила, что Земля принимает то, что мы даем ей, и отзывается. Она говорила со мной, Гарейн! С-с нами, — я вдруг смутилась.

Меня наполнило тепло от его прикосновения, сильное и уверенное. И он спросил то, что когда-то спрашивала и я, желая услышать мой ответ:

— Что мне отдать? Ларк, наш Страж Жизни, связанный с Землей и ее созданиями, что я могу тебе отдать? Скажи. *Скажи* мне.

Мои ладони дрожали. Я прошептала в ответ

— Любовь.

Он заглянул мне в глаза.

— Я люблю тебя, Ларк. Ты это знаешь.

Так и было. Сейчас Гарейн любил меня. Сильно. Я знала и чувствовала это каждой клеточкой тела. И эта правда наполняла меня счастьем и безграничной силой.

Найла говорила, что мы отдаем любовь.

Я взяла его за руку и прижала ее к своему сердцу, слыша наше судорожное дыхание от этого прикосновения.

— Смотри, Гарейн, на что ты способен.

Всадник прекрасно улыбнулся, и я просияла в ответ, понимая. Прошлые и будущее не имели значения, разбитое сердце или смерть — тоже. Сейчас Гарейн любил меня. И потому пока что Равновесие было восстановлено, его сила теплом текла между нами. Да, это не будет длиться долго, но эта сила была истинной. Она была правдой.

— Гарейн.

— Да, Ларк?

— Сдаюсь, — прошептала я, и его губы накрыли мои.

Позже ночью я ощутила легкое прикосновение к щеке и губы Гарейна у моего уха.

— Ларк, — прошептал он. — Я возвращаю это тебе. Я хранил их, чтобы со мной всегда была частичка тебя. Но теперь у меня есть ты.

Я повернулась к нему, наши губы соприкоснулись, и он провел перьями по моей коже, пока не спрятал их в мою сумку — перья тески-жаворонка, знак и призыв. Этот дар.

Мой.

* * *

Земля дрожала всю ночь над нами и под нами, но не так сильно, тряслись корни дуба и порой сыпалась пыль. Буря утихла, остались лишь стоны дрожащей земли, что уже меня не пугало.

Гарейн обнял меня крепче.

— Ты прекрасна, — прошептал он в мою шею. Темный лес мог делать, что хочет, я не обратила бы сейчас внимания.

Лунный камень потускнел, и хотя светляки все еще сияли, нора теперь была заполнена голубоватым свечением. Земля под нами дрожала, дергаясь то сильнее, то слабее. Гарейн обхватил меня крепче сквозь сон. Я не знала, как реагировать, но повернула голову и

уткнулась в его плечо, вдыхая запах его кожи и мха, на котором мы лежали.

А земля дрожала. Не прекращала. Я закрыла глаза и улыбнулась.

Насторожилась я, услышав царапанье когтей. Оно было негромким, даже не пугало, но не должно было раздаваться в таком месте. Глаза не хотели открываться, и я так и не смогла полностью победить сон. Может, в полумраке я и не разглядела бы их, но ноздри обжег запах, резкий и неприятный, и я резко подняла голову, озираясь.

Я лежала неподалеку от Гарейна, одна его рука была подо мной, он лежал на спине и явно спал. Наша кровать была теплой и мягкой, а мерцание светляков успокаивало. Но я ощутила запах и замерла на месте, едва осмелившись посмотреть дальше груди Гарейна, что вздымалась и опадала. И увидела Трота, что склонился над ним, нюхая воздух.

Меня покинуло дыхание, затишье перед паникой. Как монстр мог пройти границу, созданную Прутиком? Я взглянула на проход и поняла, что Призыватели дрожью земли разбросали стебельки в проеме. Проход был чистым.

Трот решил, что мы спим, потому я могла смотреть, как он замер перед Гарейном, словно раздумывал, что делать. Монстр склонился, вдыхая запах юноши. Я сжалась, едва могла дышать. Он смотрел на Гарейна, когтистая лапа провела линию над грудью, будто он думал, куда лучше ударить. На краткий миг на месте монстра я увидела Эрему, ее пальцы касались обнаженной кожи, а затем пальцы снова превратились в когти серого цвета.

Меч Гарейна лежал на земле слева от меня. Я не мешкала. Рука Трота взметнулась, я подкатилась к оружию и, схватив за рукоять, взмахнула им. На шум Трот с воплем повернул голову, выпуская воздух через ноздри.

Что-то было не так. Металл меча был обжигающе холодным, он был слишком тяжелым для меня, вдвое тяжелее, чем я представляла, не оставляя и шанса поднять его. Понадобилось обхватить рукоять обеими руками. Это тоже не сработало, и я села на колени, поднимая его, не обращая внимания на холод, поворачивая его к Троту и надеясь, что один вид оружия отпугнет его.

Может, так и было. На краткий миг Трот отстранился, рыча и шипя, а потом с воплем бросился вперед, из-за чего Гарейн вскочил на ноги. Трот вскинул лапу с когтями. Он искал брешь в защите.

— Ларк, нет! — крикнул Гарейн, увидев меня, но было поздно. Я шла к выходу из норы, таща за собой меч, страх и ярость гнали меня сразиться с монстром. Я перешагнула бесполезные стебельки и вышла в Темный лес, что окружал, мрачный и кривой, наше убежище. Я и забыла, как быстро меня заполняет дикая энергия. Ярость тут же охватила меня, пронзая. Я сжала зубы, чувствуя ее пульсацию в себе.

Трот мгновенно исчез, тьма скрыла его. Я кружила по тропе, выглядывая его, но видела лишь лозы, что пытались поймать нас ночью, а теперь опасно окружали тропу. Но Трот! Куда он пропал?

— Ларк! — Гарейн пошел за мной, я обернулась.

— Трот! — крикнула я, выпрямляясь, хотя Темный лес давил на меня. — Ты видел?

— Ларк, меч! Он не для тебя! Отпусти!

Но Трот вернулся, выпрыгнул на тропу передо мной с рычанием и раскрытой челюстью. Я закричала и попыталась ударить его мечом. Гарейн вопил, но и Трот визжал, и я ничего не понимала. Трот приблизился, я не могла поднять меч. Он был тяжелым, словно я пыталась сдвинуть гору. Один удар, и монстр выбил оружие из моей руки. Для него меч был лишь жалкой палочкой, он отлетел на дорогу, нет, с дороги в кусты, которые поглотили меч

тьмой.

Меня отбросило в сторону, Гарейн оттащил меня от Трота, я застыла из-за потери меча. Его касание привело меня в чувство, я рухнула на землю, но могла дышать. Я обрела голос и закричала, Гарейн пригнулся и выхватил меч из тьмы кустов одной рукой, Трот прыгнул на него. Я снова закричала, вскакивая на ноги, но Гарейн закричал:

— Назад! — Всадник с невероятной волей и силой сдерживал Трота, сбросил его с себя и вонзил лезвие в его тело.

Трот дико реагировал на меч, он шипел, кровь текла из раны. Я застыла и согнулась пополам, мне стало плохо. Я уже видела однажды сражение Всадников, эту ужасную резню. Как я могла подумать, что смогу держать меч с такой жестокостью? Я поежилась от ужасного осознания: я чуть не убила Гарейна своей глупой выходкой. Разве меня не просили не трогать оружие?

Хаос вцепился в мои страхи, ворвался в мое сознание, я позволила это, боясь этих яростных ударов, своей спешки и почти фатальной ошибки. Я рухнула на колени, обхватывая себя, лес проникал в меня все сильнее. Не только Гарейна моли погубить эмоции, меня тоже предупреждали об этом. Я слышала, как Гарейн зовет меня, но не могла поднять голову. Темный лес захватил меня, голова кружилась.

— Ларк, — звал Гарейн. — Меч не для тебя. Это говорил Лорен — никакого оружия для тебя. Оно ломает твою силу.

Я выпалила:

— Прости, — и потом, — Гарейн...

Он все понял. Спешные шаги, он обнял меня. Сильная хватка, его помощь. Мне стало легче дышать, голова почти не кружилась, Темный лес отступил.

Я положила ладонь на его плечо и судорожно выдохнула, успокаиваясь. Гарейн ничего не говорил, просто обнимал меня, одной рукой гладя волосы, другой держа меня за спину, прижимая к себе.

— Ты в порядке? — спросил он, я снова кивнула, пытаюсь поднять голову и прошептать снова. — Прости... — голос утих, Гарейн посмотрел на что-то позади меня, видя что-то, из-за чего его глаза широко раскрылись.

Он прошептал:

— Позади, Ларк. Позади тебя.

Гарейн напрягся, его рука схватилась за меч, но он не двигался. Кожу покалывало, я ожидала удар клыка, когтей, но это было неправильно. Кожу на голове покалывало, но это было не из-за видения или ужасных монстров, а из-за чего-то нового.

Гарейн пробормотал:

— Посмотри на запад на рассвете.

На миг я его не понимала, но потом вспомнила последние слова Прутика. Я медленно развернула голову и пораженно раскрыла рот.

Дебри Темного леса, хаос переплетенных ветвей на западе расступился, пропуская лучи рассвета, туман мерцал и медленно раздвигался, открывая голую землю. Открытую, широкую и пустую. Я отпустила Гарейна и невольно направилась к ней.

— Нет, погоди! — спешка Гарейна заставила меня остановиться. Он вытер лезвие о землю и подошел ко мне.

— Слова Прутика, — повторила я. — На рассвете посмотреть на запад. Это выход.

— Да, — в голосе Гарейна была тревога или неуверенность, но я не сомневалась.

Гарейн схватил меня за плечо, не пуская дальше. — Ларк, ты должна быть к этому готова.

Я посмотрела на него и коснулась его руки.

— Я готова.

Он рассмеялся.

— Ларк, наша одежда и, что важнее, твои дары.

Я была в нижнем белье, Гарейн — с голой грудью, а все мои дары остались в сумке в норе. Я улыбнулась, радуясь его настроению.

— Я заберу вещи.

— Быстрее, — прошептал Гарейн и оглянулся на мертвого Трота.

Я развернулась и побежала, прорываясь в нору. Защита не спасла нас, я перешагнула стебли буквицы. Я натянула брюки, тунику и ботинки, закинула за плечо сумку и забрала погасший лунный камень. Я отцепила от корня дуба тунику Гарейна и обошла по кругу убежище.

— Спасибо, — прошептала я, прижав ладонь к сердцу, обращаясь к дубу, светлякам, тихому месту и сухому мху. — Спасибо, — светляки затрепетали крылышками, их свет погас. Я вышла по короткому туннелю в тускло освещенный лес.

— Я готова... — начала я, но голос оборвался.

Гарейна окружали трое, а потом и еще четверо Тротов, они не сводили с него взгляда, а он не опускал меч, указывая им на каждого и заставляя их отпрянуть. И среди ветвей были глаза, много глаз. Слишком много.

— Гарейн...

— Тише, милая, — сказал он, не отводя взгляда от монстров. — Они не хотят меня убить.

Я смотрела, как они приближаются к нему, закрывая собой.

«Что делать? — думала я. — Что мне делать?» — но я не могла сдвинуться.

А Гарейн заговорил спокойно:

— Иди, Ларк. Уходи. У тебя есть лишь немного времени на рассвете.

— Я не могу тебя оставить, — с ужасом сказала я. Темный лес уже был здесь, врвался в мою голову, искал брешь, чтобы сломить меня.

— Нет, — четко сказал Гарейн, — можешь.

Троты подступали. Я закричала, и один из них обернулся. Трот источал опасность, но я ощутила на миг его триумф. Почему они не двигались дальше? Почему Гарейн не атаковал?

— Ларк, ты не можешь ждать. Иди.

Я посмотрела на проем. Туман уже начинал закрывать проход, солнце поднималось все выше. Я оглянулась на Гарейна. Пот проступил на его лбу.

— Одного я смогу остановить, уверена, — молила я, глядя на Трота. — Если ты zahахнешься мечом, если заденешь двух и нападешь на третьего, я смогу...

Он заговорил сквозь сжатые зубы:

— Не важно, нападу ли я хоть на одного, придут и другие. Призыватели хотят отвлечь. Не позволяй им выиграть. Быстрее!

— Темный лес захватит меня! Я уже это чувствую, Гарейн. Прошу, я не могу тебя оставить!

— Туман тебя не тронет, — и еще, — Ларк, иди, пока не поздно. *Уходи!* — Троты приблизились к нему еще на шаг.

Он был прав. И я ненавидела это. От слез щипало глаза.

— Прощу. Мы должны быть вместе.

— Это твой путь, любимая. Верь в себя, — он вскинул голову и улыбнулся. — Верь мне.

Он резко опустил меч и крикнул:

— Давай, Ларк! Иди! Отвернись и не оглядывайся!

Троты смыкались к нему, крича, таща Гарейна в Темный лес. Звуки были ужасными, я слышала, как предвестники вторят им с триумфом.

Темный лес скрыл их всех, хоть и отпустил меня. На миг не было ни звука.

20

Он не должен был.

Я выругалась про себя и отвернулась, стряхивая страх, что сковывал меня и мешал идти. Он не должен был! Это было так. Но были видения, что должны были исполниться. Гарейн должен был ударить.

Он должен быть живым, чтобы убить меня.

Я обернулась, не желая верить в слова Гарейна, что так нас хотели отвлечь Призыватели, что я не должна бежать за ним, крича и прорываясь сквозь деревья, чтобы хоть как-то спасти его. Я заставляла себя шагать дальше, поднимать голову и смотреть на запад, подернутый туманом. Брешь уже закрывалась. Темный лес мерцал в этом сером свете, а, может, мне казалось, ведь из-за слез на глазах все вокруг странно поблескивало.

А лес стягивался к проходу, и участок земли становился едва заметным за вуалью ветвей. Я со стоном бросилась вперед, пробираясь сквозь туман. Он сначала сопротивлялся, пытался вытолкнуть меня бархатным прикосновением. Энергия ударяла меня, впивалась в меня. Меня коснулась лоза, обвивая ногу, но я пробиралась дальше, разрывая туман руками, пока не выбралась наружу, задыхаясь и дрожа. Темный лес был позади, я стояла на краю коричневого пространства земли.

Каким бесцветным было небо! Ни солнца, ни синевы, только серое полотно над головой. Я ждала, приходя в себя и слушая, но слышно было лишь мое дыхание. Зловещая тишина. Мурашки побежали по коже, тишина поглощала меня.

Но вдруг это закончилось. Тишина была нарушена. Раздался крик ворона, резкий, громкий и пугающий. Я подняла голову и увидела темный силуэт в небе.

Ворон... Один принес мне третий знак, направил по пути. Судьбы переплелись, и теперь я стояла здесь. Пути обратно не было. Я не могла вернуться. Нужно перестать плакать и всхлипывать. Я уже не та девочка, что покинула Мерит. Я — Стражница.

— Верь в себя, — громко сказала я, голос заполнил тишину. Я сжала зубы, дрожа от страха и сомнений, от смущения, что испытывала почти всю жизнь. Это мой путь, мое задание. Я найду амулет Жизни, шар. Отдам его Тарнеку. Я найду Гарейна. Отдам его Эви. Я поверю в себя.

Я надеялась, что удержу эту решимость.

Я шагнула вперед и увидела, как нога тонет в грязи. Трясина. Хуже, чем болото, угроза путников. Я застыла и осторожно высвободила ногу, отступая на твердую землю. Трясина, как и зыбучие пески, уносила людей в свои пучины, она медленно топила людей, и выбраться из нее было почти невозможно. Двигаться по ней нужно быстро, шаги должны быть легкими. Легкими и быстрыми. Я опустилась на колени на краю, закрыла глаза и вытянула ладони, чувствуя участки, что были более сухими, по которым можно было пройти.

Я могла чувствовать их запах, ощущать изменения ладонями. Я не открывала глаза, но медленно встала и сделала три шага вправо, пока снова не ступила вперед. Трясина пузырилась и шипела, но не затягивала меня вниз. Я поблагодарила Найлу за ботинки, ведь внутри они все еще оставались сухими.

Я потянула ногу вверх, и она поддалась с чавканьем, я сделала еще один шаг. Я шла почти вслепую, чувствуя всю неровность пути по трясине. Я не знала, куда я иду, но шла дальше, надеясь, что что-то укажет мне путь.

Я долго шла.

Ощущения медленно менялись, а началось все с прикосновения тумана к щеке. Запах трясины изменился, появился слабый запах горящего дерева, видимо, костра. И вдруг я ступила на более твердую землю и бесшумно пошла по грязи, следуя за дымом. Туман все еще мешал видеть, но я на это не обращала внимания, почти все время я шла с закрытыми глазами.

И из ниоткуда появилась хижина. Я замерла.

Она была такой же коричневой, как и все вокруг, и покосившейся, стояла одна посреди ничего. Хижина вмещала в себя одну комнату, крыша была остроконечной, а само строение казалось таким хрупким, что порыв ветра мог его разрушить.

Я приблизилась. Хижина должна быть пустой, ведь кто станет жить здесь? Ближе. Это место стонало, пока я шла, это заставило меня замереть. Я взяла себя в руки и пошла дальше. Наш дом в Мерит тоже порой скрипел от ветра...

Шею покалывало, и я оглянулась с вскриком. За мной ничего не было, *ничего*, и я это знала. Но там оказался силуэт то ли женщины, то ли еще кого-то, посреди тумана, такой же коричневый, как земля, на которой мы стояли. Она протянула руку, касаясь моей спины, и отстранилась, когда я обернулась. Скрестив руки на груди, существо смотрело на меня глазами, что были так глубоко посажены, что я не могла определить их цвет.

— У тебя день рождения, — прошипело существо. — Я это чую.

Так и было. А я забыла.

— Именинница, ты идешь туда, куда не должна, — голос хрипел и свистел.

Карга из болота. Ее имя тут же всплыло в памяти, пока я смотрела на нее. Райф ведь как-то описывал ее, будто ее видел его дедушка? Может, сюда приходил Рубер Минл.

Рваная одежда, гниющая кожа, запах разложения, что окружал ее. Разве она не была создана из умерших душ растений, животных и людей, что утонули в трясине? Или она питалась ими?

— Ты не... ОТСЮДА! — прокричала Карга. Я скривилась от вопля и едва удержалась на ногах.

— Но я здесь, — едва дышала я, не зная, как еще ответить.

— Здесь ты умрешь, — она склонилась ко мне, раскрыв беззубый рот. От нее пахло смертью, ее близость пугала. А еще... От Тротов пахло так же, но страшнее, ведь от них пахло жестокой смертью, что бывает в сражениях. А от Карги пахло разложением, смертью после долгой боли. Но боялась я ее меньше, чем Тротов. Я выпрямилась.

— Я не остаюсь, — сказала я. — А ищу путь...

— Путь? — смех с хрипом. — Путь?

— Да, — я глубоко вдохнула. — Путь к горам Мир.

— Ха! — хриплый смех. — Ты еще далеко, не так ли, кроха?

Странно, что она меня так назвала. Я была не ниже ее, она еще и горбилась, становясь

от этого меньше. Это попытка бравады? Она тоже боялась? Я осмелела.

— Я так не думаю, — осторожно ответила я. — Мне кажется, что я близко, — и хотя я не была уверена, я сказала. — Вы знаете путь. И можете мне показать.

Карга из болота опешила. Она подпрыгнула, словно я ее ударила.

— Осмелилась!

Я кивнула, набираясь уверенности, а она завопила:

— Путь! Путь! — она развернулась, и я недоверчиво смотрела, как она бежит вокруг меня, подпрыгивая и размахивая тонкими руками и ногами, повторяя. — Путь!

Я ждала, следя за ней, пока она не успокоилась и не вернулась ко мне, сгорбившись.

— Ты просишь запретного, кроха. Вмешиваешься и просишь запретного. Ответ тебе — смерть!

Но я сказала громче:

— Я прошу пути. И это единственный ответ, что я приму, раз уж... у меня день рождения, у меня должно быть такое право, — так ли? Хотелось бы.

Она задрожала от смеха.

— А ты нахальная! — она приблизилась. — Но, раз уж у тебя праздник, я позволю тебе спросить, пока я тебя не убила, если ты мне ответишь: зачем ты ищешь путь?

— Я из Тарнека. Я поклялась вернуть амулет Жизни.

Она попятилась, съежившись от моих слов.

— Стражница! — завопила она, словно защищалась. Она прыгнула ко мне, разглядывая со всех сторон, танцуя вокруг. Я слышала ее бормотание про мои волосы, что-то про знак. Слышала, как она проклинаят себя. Она ругалась, что ее обманули.

Она врала. Она знала меня, ведь потянулась сразу к моей метке. А эта игра была отвлечением. И с ужасом я посмотрела на свои ноги, понимая, что танцует она, вычерчивая границу вокруг меня.

Заклятие. Она ловит меня. Я выпрыгнула из круга, пока она не закончила его, и закричала:

— Хватит!

Мой голос зазвенел над землей, туман играл с ним. Карга съежилась, скулит и вскидывая руки. Я строго сказала:

— Вы покажете мне путь.

— Стражница-именинница, — фыркнула она, — будешь запугивать беспомощное создание? Темная, темная!

— Хватит! — крикнула я. — Я не угрожаю, а пользуюсь правом. Своим правом, — она скривилась, оседая на землю, а я рассмеялась, наслаждаясь силой своих слов, ведь они были истиной. Это было право Стража. Я заговорила еще громче. — Не притворяйся, Карга! Не надейся играть на моем невежестве. Покажи мне путь, — голос наполнял пространство.

Карга из болота поднялась.

— Правильный ответ, — прошептала она. — Именины, и я должна показать путь. И я покажу, покажу, кроха. Следуй за мной.

Она запрыгала вперед, скрипя костями и направляясь к хижине. Она обернулась и взглянула на меня.

— Следуй, кроха! Времени мало, — она захихикала и прыгнула к двери.

Я прошла за ней к двери, которую она толкнула, а оттуда — во тьму. Здесь не было окон. Серый свет проникал в щели между досок. И хотя пахло дымом, огня видно не было.

— Ты вошла, — прошептала Карга из болота. — Но ты не отсюда.

— Я и говорю, что не останусь. Где путь?

Ее беззубая улыбка стала шире.

— Это путь, кроха, — прошипела она. — Ты на нем.

— Где?

Я выказала неуверенность, и улыбка ее стала невероятно широкой.

— Не видишь? — смех. — Конечно, ты не видишь...

— Я имею право знать... — я замолчала, понимая, что у меня нет уже той силы.

— НЕТ! — закричала она мне на ухо. — Твое право — чтобы тебе указали путь. Ты этого просила.

— Ты играешь со мной, Карга! — крикнула я. Но я вспомнила предупреждение Прутика. Карга была права. Я с ужасом это осознала. Нужно было просить открыть путь.

— Ха! Я тебе указала! И выполнила заказ, — она склонилась ко мне.

На мои плечи упали гнилые листья. А ее пальцы впились в мои волосы, играя с прядями. Я сбросила ее, но держалась она пальцами крепко.

— Я сохраню твои роскошные волосы, — выла она. — Они мне подойдут.

Я сжала зубы, пытаясь звучать грозно:

— Ты их не получишь, Карга. Ты ничего от меня не получишь!

— Нет, кроха! Нет. Ты в ловушке. Ты не можешь ни видеть, ни двигаться. Я могу забрать всю тебя.

— Откройте путь, — прошипела я.

— Ха! Это все не так и просто.

— Чего вы хотите?

— Того, что ты не можешь дать.

— Назовите!

Она фыркнула.

— К чему имя? Ты потерялась, Стражница-именинница. Ты останешься здесь.

Я повернулась к выходу, но она была права. Двери не было. Мы стояли в темном месте, откуда не было ни входа, ни выхода. Я прошипела в отчаянии:

— Откройте путь! Скажите, чего вам надо!

— Зачем? — забавлялась она. — Ты не можешь это отдать...

— Скажите! Я требую! — я сунула руку в сумку и нащупала лунный камень, что был больше остальных предметов. — Вот! Великий дар для Стражницы! Я отдам тебе это!

— Ха! — Карга ударила меня по руке. — Сокровище не у тебя, кроха. Капля не в твоей власти.

Ее голос изменился, ей не только нравилось издеваться. Там была ярость, отчаяние.

— И вы не скажете мне, что это! — кричала я. Лунный камень вернулся в сумку, я нащупала что-то другое.

— Никогда! Я оставлю тебя здесь!

— Я узнаю без разрешения! — я вопила в ответ, поймала ее за руку до того, как она спрыгнула.

Она визжала, царапалась, но не могла вырваться. Я помнила, как вытаскивала Гарейна из пропасти, когда рука была словно лоза, я не могла отпустить ее. Она прыгала и тянула, но я была сильнее. Это был мой единственный шанс. И я почувствовала ее энергию рукой, а потом и увидела, что она хотела:

Тысяча душ закручивались в крепкую спираль. Растения и животные, ветви, тела — все было в этой спирали, и она уменьшалась, уплотнялась, пока не стала одной слезой. Одной кровавой слезой.

Она кричала и вопила, хоть я и отпустила ее руку. И я с мрачным торжеством сказала ей:

— У меня есть твоё сокровище. Открой путь.

— Отдай! — кричала она. — Отдай! Я верну его домой!

Я открыла сумку и нащупала рукой крошечный камешек, что отдал Прутик. Я крикнула:

— Открой путь!

— Дай посмотреть! — молила она. — Дай мне посмотреть!

— Сначала открой!

— Клянусь! Я открою для тебя путь!

Я вытащила крошечный камешек. Света не было, но он мерцал: диковинный кристаллик, тысячи душ в одной кроваво-красной слезе.

— Мое! — шептала Карга. И завизжала. — Мое! — она кричала, а стены начали таять, мы оказались среди камней гор Мир. Зловещее притяжение впилося в мое тело. Меня притягивало к твердой поверхности.

— Вот, — кричала она. — Вот и все! Отдай слезу!

— Это путь? — прошипела я.

— Клянусь. Отдай мне!

— Бери! — я подбросила слезу высоко в воздух, она прыгнула за ней, а я уже ушла. — Спасибо, Прутик, — прошептала я, Карга и болото исчезли с угасающим криком.

21

Дыхание паром вырывалось изо рта и таяло. Я следила, как пар улетает туда, куда я пробраться не могла, поверхность горы была шершавой под щекой, я прижималась к горе, чтобы не упасть. Я выдохнула и медленно развернулась на узкой тропе, что была лишь в половину моего роста, чтобы прижаться спиной к горе, чтобы посмотреть вдаль и представить, что мне видно зеленую вспышку света, что была замком Тарнек.

Я не смотрела вниз.

Ладонь скользила по грубому граниту, гора уходила в небеса. Серый камень, серое небо, серые тучи, солнце не касалось поверхности горы. Она была невероятно холодной.

Я осторожно сняла с плеча сумку и открыла ее, вытащив тунику Гарейна. Я не успела отдать ее ему.

Я натянула ее через голову и плотнее запахла, вдыхая теплый запах позднего лета, когда листья мерцали под лучами солнца, наливаясь сильной. Я вдыхала, пока не заполнилась этим ароматом.

Этого спокойствия хватило не надолго. Я снова огляделась. Я стояла на каменном выступе. Не было ни прямого пути вверх, ни вниз. Где же тот путь? Я прошла еще немного и ощутила, как стена за моей спиной закончилась, за поворотом не было тропы. Я попятилась и направилась в другую сторону. Стена закончилась, я стояла на узком выступе. Паника начинала охватывать меня, ведь Карга отправила меня сюда, но не указала направление пути. Сколько я проживу, прикованная к краю? Ветер, издеваясь, ударял по горе, кружась у моего выступа. Он толкал и не давал сдвинуться, я была прикована к месту,

становилось холоднее, но ветер отступил. Я села и уткнулась головой в колени, желая того, что не могло здесь быть.

Странные ощущения, что проникли в меня, когда я увидела горы на спине Руны не так давно, проникали в меня. Что говорил Гарейн? Что меня могут заставить чувствовать то, что не могут другие, так Призыватели могли нас найти, с помощью этого опустошения, притяжения тела к камню, зловещего гудения в ушах...

Зловещее гудение в ушах.

Стрижи! Они где-то близко. Сердце колотилось, я подняла голову, выискивая в небе черные силуэты. Может, здесь был их дом, здесь они могли кружить, не имея возможности приземлиться. Я поежилась. Хотя я должна умереть от руки Гарейна, ничто не мешало мне быть при этом раненой стрижами. Если меня увидят, от меня останется лишь горстка пепла на камне...

Плохие мысли сковали тело. Я заметила разницу, с Каргой я ощутила свою силу, когда схватила ее и увидела ее желание, а теперь сидела, застывшая, замерзшая и одинокая. Может, я разрушила свою судьбу, вырвала последние страницы своей истории. Может, я упустила шанс получить амулет-шар. Гудение в ушах росло. Скоро я увижу стрижей.

Глупая, глупая девчонка.

Я прислонила голову к камню, подвинув сумку, и посмотрела на руку, а потом схватилась за маленький оберег, что сделал для меня Прутик. Камень, ткань и листок, символы Земли и любви. Пальцы обвилились вокруг маленького предмета, я бездумно ощупывала отдельные части оберега. Я крепко сжала его, прижала на миг к губам.

«Страх приходит, когда ты думаешь, что не знаешь, что делать...»

Слова заполнили сознание. Я улыбнулась и посерьезнела. Они были правдой, слова были истиной. Я боялась.

«Думай! — приказывала я себе. — Думай! Зачем стоять беспомощно на краю? Поднимайся, спускайся или прыгай... Делай что-нибудь!»

«Ты не забереешь по горам, но пройдешь сквозь них».

Этот шепот я услышала внезапно. А потом слова, что говорила зайчиха, которую я спасла от Гарейна:

«Тьма вошла в этот мир... Последний бой, лицо подставишь ветру. Иди налево, не ошибешься».

Я рассмеялась. Мудрость союзников была со мной, она спасала от отчаяния. Я помнила и слова короля: «Ты не одна», как и слова Прутика. Так и было. Со мной говорил оберег, голоса звенели во мне, словно говорящие стояли рядом со мной.

В горах должна быть брешь. Я быстро встала, чуть не упав, повернулась к стене камней и задрала голову, пытаясь что-то отыскать. Брешь где-нибудь. Я разглядывала поверхность, поднимаясь взглядом все выше, проникая в каждую трещину. Я не видела вход.

А слева внизу? Я прижалась к земле и схватилась за острый край, вытягивая шею и заглядывая за край.

Я бы упала. Хорошо, что гора притягивала меня, так я могла смотреть, но не падать. И справа я увидела темную брешь. Проем в горе, он был достаточно широким для того, чтобы прошел человек. Но потом я ощутила потрясение от расстояния. Слишком далек. Я не могла свеситься с края и соскользнуть туда. Меня ничто не удержало бы. Никто не поймал бы.

Я приподнялась, задыхаясь и пытаясь придумать, как добраться до невозможно далекого входа. Я отрицала каждую идею, понимая, что не справлюсь.

Меня охватывала истерика.

— Что теперь? — крикнула я оберегу. «Не ошибешься, — шептал голос зайчихи. — Не ошибешься».

Дары. Они уже открыли мне путь к горам. Два я еще не использовала. Я открыла сумку вернула в нее оберег и принялась искать остальные. Лунный камень я не трогала, зато вытащила три пера жаворонка. Казалось, я нашла их в другой жизни. Дом, сад, поле, бабушка, Эви и Рилег — все это было почти уже незнакомым. И я уже не была наивной девочкой, взявшей перья с камня, куста и у птицы. Коричневые перышки...

Гудение стало еще громче. Я вскрикнула и подняла голову. В небе были силуэты — четыре, а потом пять, и они становились все больше. Ужасное гудение пронзало голову, руки дрожали. Я должна двигаться.

Перья — крылья, это было логично. Я полетела бы с помощью этого дара. Я погладила перьями руки, потом прижала к волосам. И ждала, а ничего не происходило. Я поцеловала их, погладила ими сумку, камень. Ничего.

Послышались первые крики стрижей, я содрогнулась.

— Прошу! — прокричала я перьям. — Покажите! — я почувствовала тягу рукой? Я не знала, я уже стояла, закидывая сумку на плечо, хватаясь за перья жаворонка. — Прошу! — я махала ими над головой. Ничего. Я была привязана к камням.

Стрижи приближались. Уродливые черные тела — клювы, когти и человеческие глаза. Я застыла от страха на миг, двое летели на меня, крича, они бросились к выступу. Я скорчилась, ожидая взрыва, но его не было. Я приподняла голову. Стрижи коснулись горы, но они от этого не взорвались. С пронзительными воплями они кружили и готовились к новой атаке.

Не было камней, чтобы бросить, нельзя было нигде укрыться. У меня был только один выход, которого я не хотела.

Крики звенели в ушах, я прижалась к стене, хватаясь за перья, и ждала. Ждала, пока они окажутся рядом, а в последний миг я спрыгнула.

Падение нельзя было назвать медленным.

За миг я увидела брешь в горе, пролетела ее. Пропала. Рука, сжимавшая перья, была над головой. Может, я надеялась, что они расправят крыльями и спасут от падения. Они этого не делали. На миг я подумала, что это и не было возможным.

Я просто падала, набирала скорость, пролетая камни. Вот только падала я еще быстрее, чем летели стрижи, это радовало. Конец все равно уже скоро.

Я раскрыла ладонь и отпустила перья.

Странно, что красота может так долго оставаться в памяти. Перья, отпущенные мной, не исчезли, а остались со мной, выросли и стали целыми жаворонками, полетели золотыми вспышками в небе, словно искорки в глазах Гарейна. Их крылья расправились шире, они били по холодному воздуху. Свободные. Ликующие.

Они разрастались. Жаворонки неслись ко мне. Они добрались до рук и ног, схватили за рукава и штанину, впились коготками с внезапной силой. И мы принялись подниматься, скорость была не меньше, чем у моего падения. Я поднималась над землей, крича и смеясь от радости, от свободы полета. А жаворонки опустили меня в темной пещере гор Мир и улетели.

Чуть позже я села. Я не боялась. Я больше не могла бояться. Я встала, поправила сумку

и пошла в темноте, чувствуя притяжение камней, закрыв глаза.

Становилось холоднее.

Проход был пустым. Тьма — осязаемой. Она проникала в мое тело, окружала и давила. Я чувствовала, как древний воздух касается ладоней, слышала свои тихие шаги по твердой земле. Пахло камнем и льдом. И останками Тротов.

А еще — слабый пульс, легкое покалывание. Звук на миг донесся до меня: тихий, медленный и ровный. И я поняла, что это — амулет Жизни, хрустальный шар. Пусть я не была с ним знакома, но звук этот напоминал мое биение сердца. Он был там, он был близко.

Я открыла глаза, открыла сумку и вытащила лунный камень Прутика, сжала его в кулаке. Он вспыхнул светом, озаряя проход, что вел во тьму, он был один из тысячи, из которых можно было выбрать. Горы Мир были паутиной ходов.

«Иди налево. Не ошибешься», — прошептала зайчиха. Я улыбнулась, ведь и без ее слов слышала пульс шара. Я выбрала путь, устремляясь в сердце гор.

Тьма поглощала мои следы, свет не проникал далеко. Я быстро и бесшумно шла вперед, борясь с притяжением гор, что хотело удержать меня.

Проход был словно со ступеньками, и, как мне показалось, появились они из-за веса Тротов. Я не смотрела вверх. Я поворачивала налево на развилках, чувствуя пульс, что становился все сильнее, пока не начало покалывать в груди, пока этот пульс не забился в такт с моим сердцем. Я шла все дальше, вспомнив на миг коридоры замка Тарнек, мне не хватало прекрасных гобеленов на стенах...

Мне пришлось резко остановиться.

Прутья. Я инстинктивно вскинула руку, чтобы оттолкнуть преграду, но застыла, уловив звук, помимо пульса амулета, и звук этот был таким болезненно прекрасным, что я опустилась на колени и прислушалась.

Мелодичный голос из сна разносился эхом по туннелю, высокомерный и глубокий. Говорила Эрема. Я хотела коснуться пролетающих мимо слов, что были ощутимо сладкими, но они не предназначались мне. И я дрожью я услышала ответ, что пробудил меня от этого оцепенения, и крик отчаяния сорвался с моих губ:

— Гарейн! — я вскочила и затрясла преграду, лунный камень упал, пальцы впились в прутья, но я отдернула руки с криком. Прутья были из хукона, плотные, переплетенные и злые, покрытые выступами, похожими на колючки гисани. Они обжигали, отравляли, мучили меня. Я яростно схватила лунный камень, вскинув его над головой, чтобы найти другой путь. Потолок пещеры был высоко, прутья исчезали в полумраке в высоте, взобраться не получилось бы, да и стены были гладкими. Я прижалась к полу и принялась разглядывать основание решетки. Но их не получилось бы сломать камнем, прутья были прочными, и я не знала, правду я вижу, или это обман зрения. Но этот дурацкий барьер посреди тьмы явно насмеялся надо мной, а слышать голоса при этом было сущей пыткой.

Я сняла тунику Гарейна и плотно обернула ею руки, осторожно коснулась прутьев. Это помогло, я могла держаться за черное дерево, за участки, где не было колючек. Я могла шатать прутья, чувствуя лишь немного боли. Но я могла бы с таким же успехом расшатывать железо. Решетка не поддавалась, оставаясь на месте. Я снова и снова проверяла крепления, пересечения прутьев, пинала ее основание, пока не стала нетерпеливо ворчать, пока не

отбросила тунику Гарейна прочь с такой силой, что она отлетела еще дальше по полу.

От столкновения появилась искорка. Я уставилась на нее, пока не вспомнила слова Прутика, его голос зазвучал из оберега:

«В тяжелые времена тебе помогут предметы».

Я подбежала к тунике, коснулась руками неровного пола, пытаюсь понять, откуда появилась искра. И я обхватила пальцами камешек, маленький камешек, на который и упала туника. Я поднесла камешек к свету лунного камня и присмотрелась. Он был серым, он был похож на камень пустоши, что использовал на Арноне Прутик, но без блеска. Я рассмеялась и повернулась к решетке. Я держала угольный камень.

«Им можно разжечь огонь», — прозвучали слова Прутика.

Я знала, что хукон горит очень быстро. Два удара камешком, и оранжевое пламя взбежало по прутьям, распространилось по решетке. Еще немного, и вся преграда загорелась, освещая все вокруг. Черная живица капала на пол, растекаясь вязкой лужей. От нее удушающее пахло, от этого вязкого яда. Я прижала сумку к себе, схватила тунику Гарейна, закрыв ею лицо, отступила и подождала, пока решетка обратится в пепел.

— Ты не помешаешь, — торжествуя, прошептала я. Подняв выше лунный камень, я побежала.

Позже я спрятала тунику Гарейна в сумку и держала уже только лунный камень. Туннель был широким и прямым, но конца не было видно. Пустота, холод, я забиралась все глубже в горы. Я замедлилась, чувствуя, как вес горы проникает в меня все сильнее с каждым шагом. Но и амулет Жизни отзывался все сильнее. И это биение сердца звало меня вперед. *Ты не мешаешь...*

Сопение донеслось сверху.

Я убеждала себя, что потолок слишком высоко, что Троты все равно далеко. Но раздалось рычание. И не одно, но я этого ожидала, ведь это их горы. Услышав топот, я уже не могла надеяться, что они меня не видели. Даже если я уберу свет, их глаза могли видеть в темноте. Я вскоре поняла, что они преследуют меня. Вскоре я была окружена.

Дыхание участилось, но я не боялась. Это солдаты Призывателей. Я нужна Эреме, потому я им не добыча. К тому же, Гарейн убьет меня, а не Трот. Эта ужасная мысль успокаивала меня, я не реагировала на скрежет когтей о камень, на фыркание и рычание, что раздавалось эхом по туннелю...

В темноте вдруг вспыхнули глаза, сотни глаз были в вышине, позади меня, за углами, они отражали свет лунного камня, им было его видно. Я ускорила, но и они не отставали. Глаз становилось все больше, они догоняли меня. Я бежала изо всех сил, чувствовала себя тяжелой, а дыхание Тротов уже касалось моей кожи. Я прикусила губу, умоляя себя бежать дальше. Монстр бросился в ореол света, а я крикнула. Я диким движением ударила его, выронив камень, поймав монстра за руку. Он закричал и откатился.

Я пробивалась дальше, задыхаясь. Я обжигала их, они не могли атаковать.

Но я не могла убежать от них. Я мчалась в сторону пульсации амулета Жизни, что тянул меня к себе и бился в груди. Мне не нужен был лунный камень, я бежала, основываясь на ощущения, спеша оторваться от Тротов, что наступали на пятки.

Вдали появился новый свет, что-то яркое, окруженное тьмой, но быстро погасшее. Я вспомнила видение, шар показал себя, но его оплели ветви хукона. Я закричала, думая, что смогу как-то предупредить его. Резко остановилась и рухнула на колени, ведь ворвалась в комнату — огромную, с синими стенами, в самом сердце гор Мир. Я задыхалась и смотрела,

как синеватый свет растекается и становится ярче в этом тупике. И я была не одна.

Эрема.

Она стояла смирно, высокая и прекрасная. Шар был оплетен ядовитыми ветвями на ее груди, он озарял ее лицо, делая еще темнее ее черные глаза. Она смотрела на своих солдат, пока не увидела среди них мою скорченную фигуру, и тогда она уставилась на меня.

Своим красивым голосом она сказала:

— Вот ты где.

Мой сон воплощался в жизнь. Эрема улыбалась, словно знала, и эта улыбка напоминала разлом в земле, глубокую бездну за прекрасными губами и белыми зубами, но ничего не было чернее ее глаз. А этот рот-бездна сказал:

— Смотри, что у меня есть.

Здесь уже не спасет пробуждение ото сна. Я была окружена Тротами, от которых пахло смертью, и Призывателем с ртом-бездной в темных горах. Я медленно встала и обернулась, вскинув в защите руки. И сказала прямо и искренне:

— Верни шар.

Я услышала ее музыкальный смех. Я снова обернулась. Троты отступили. И я тоже рассмеялась, показывая, что не боюсь монстров.

— Видишь? Они не могут меня ранить. Отдай шар.

— Попробуй, кроха Ларк. Попробуй его забрать, — уговаривала она.

Я бесстрашно шагнула к ней. Я так далеко зашла, столько пережила, а здесь стояла лишь одна Призывательница. Троты закрыли собой выход, но я даже не дрогнула.

Эрема скрыла свет шара накидкой. Она склонилась, и пустота в ней начала притягивать меня.

— Шар мой, — пропела она и отступила на шаг.

Но я все равно потянулась за ним, чтобы забрать его, словно она отдала бы амулет, потому что пришел его Страж. Я не боялась и Тротов, что шевелились за моей спиной.

А потом я ощутила внутри вспышку боли и закричала от ужаса.

Хукон. Они проткнули мне плечо копьем из хукона.

23

Ужасная рана!

Я сжалась и пыталась унять боль. Меня тошнило, на коже выступил ледяной пот. Я ударилась плечом об пол и корчилась там, пока не застыла от усталости, желая, чтобы эта пытка прекратилась.

Стояла тишина, лишь бился пульс шара. Я перекатилась на спину, холод камня отгонял боль, и силой открыла глаза, глядя на тусклый синий свет.

Шорох ткани, шаги, пульс амулета Жизни стал громче, Эрема возникла надо мной. Шар мерцал в паутине хукона. Он был так близко, но я не могла поднять руку.

Эрема сказала с показным сожалением:

— Ларк, тебе очень плохо. Хукон выжигает в тебе жизнь.

Было сложно говорить. Я смотрела на шар. Он должен был ярко светиться, но черные ветви закрывали сияющую поверхность, и похожий силуэт был на руке Рубера Минла. Я смотрела, а еще одна ветка поползла по поверхности шара. Паутина была живой. Но это были не лозы из Темного леса, а хукон, черная ива, и паутина искала способы разбить шар.

— Мило, да? — Эрема проследила за моим взглядом. Она подняла руку, словно хотела коснуться шара. — Он так мило светится, напоминает пропитанную солнцем землю, совсем как ты. Представь, как он спас бы тебя, если бы ты взяла шар в руки.

— Он не принадлежит тебе, — простонала я.

— Знаю! Но забрать было так просто! — рассмеялась она, и смех ее был веселым. — Посмотри на себя, мелкая хрупкая девочка! Думаешь, что ты его заслуживаешь. Что ты его достойна.

— Я его Стражница, — возразила я.

Она склонилась ко мне с улыбкой-бездной.

— Так забери.

И я это сделала. Попыталась. Тщетно дернулась рука, пальцы не смогли ничего схватить, меня сжигал яд хукона.

— Ларк, ты слишком слаба. Попробуй еще.

Но я смотрела на ее руку, что не могла коснуться амулета.

— Ты не можешь его тронуть, — прошептала я, вспоминая.

Это заставило ее ненадолго замолчать. Она снова рассмеялась, но не так весело.

— Ты можешь. И тебе станет легче. Давай, Ларк, возьми шар. Обеими руками.

Может, обеими руками будет и проще. Пальцы дрожали. Поднимаясь от холодного каменного пола.

— Давай, Ларк, забери его. Не хочешь избавиться от боли? Амулет спасет тебя.

Сначала поднялась одна рука, за ней вторая.

— Крепко обхвати его, Ларк, — шептала она. — Не думай о ветвях. Ты снова станешь целой.

Я вспомнила слова короля, что Призыватели будут обманом заставлять разрушить амулет. Руки упали на пол.

— Нет.

Ее голос оставался мягким.

— Заставить тебя постараться?

— Я буду бороться.

Эрема склонилась и фыркнула. Она напомнила этим звуком Трота. Но угроза ее звучала заманчиво:

— Ты, видимо, решила, что изучила силу. Но ты не сравнишься со мной, — она изящным движением коснулась двумя пальцами моего левого плеча. Я кричала, пока она не отстранилась. — Ты победила боль, глупая Стражница? А ведь я предлагала способ спастись, — она была близко, от нее пахло цветами. — Хочешь узнать, как ты могла бы себя чувствовать?

Она уже была не Эремой, а Гарейном, что стоял надо мной, как в моем сне, — сверкающая улыбка, каштановые волосы, что падают на лоб. Было больно видеть его невредимым передо мной, его глаза цвета шалфея светились изнутри.

— Я нужен тебе, — прошептала она голосом Гарейна, от которого мне стало не по себе, сердце болело. — Коснись руками моего сердца и почувствуй мою любовь.

Я застонала. Я знала, что это иллюзия, но было так правдоподобно. Гарейн был передо мной, живой и невредимый, я могла его поцеловать, коснуться. Я не могла здраво мыслить.

— Будь со мной, — прошептал он. — И больше ничего, — его руки тянулись к моим.

Я покачала головой, обезумев от желания и боли.

— Тогда скажи это. Пообещай, что Эви не разлучит нас...

— Эви?

Заклятие было разрушено. Гарейна не было передо мной. Эрема склонилась надо мной с натянутой улыбкой на губах, за которыми зияла бездна, и я возмущенно щелкнула языком, злясь, что уже не вижу Гарейна. Она же не обратила внимания, ее привлекло новое имя.

— Эви?

Она не знала о моей кухне. Я вскрикнула:

— Нет!

Но Эрема перестала улыбаться.

— Кто она, Стражница? Твоя родственница?

— Нет!

Она впиалась в мое плечо, я закричала.

— Скажи, — говорила она. — Скажи мне, — пальцы ее впились крепче.

Я терпела боль, что затуманивала сознание. Я сцепила зубы, стонала и всхлипывала, прикусывала язык до крови. Я не выдам Призывателям Эви.

Но Эрема вдруг отпустила меня. Задыхаясь, я открыла глаза и увидела ее ухмылку, ужасную в синем свете. Я помнила эту ухмылку, я видела ее, когда коснулась руки бедного Рубера Минла, от которой у меня холодок бежал по спине.

— Именно, — шипела она своим страшным ртом. — Думаешь, сможешь стерпеть боль? У тебя есть Взор, так увидь, что такое истинная боль!

Ее улыбка стала шире, я смотрела в эту пустоту, в эту тьму. Она что-то резко выкрикнула. Шею покалывало, я закричала, передо мной появилась стена огня, я отпрянула от жара, пока не смогла сказать себе, что это все видение. Видение... Об этом я предупреждала Всадников...

Палатка обгорела, обрывки лежали у моих ног, а красивая лента теперь трепетала на ветру с дымом. Площадь, базарный день в Мерит. Лотки горели. Голос звал бабушку, Эви. Мой голос. Я перекрикивала остальных, бежала сквозь пламя, звала семью, Куина, Крем Посс и Керен. Силуэты мелькали в огне, но я не понимала, кто это. Я бежала к ним, уклоняясь от горящих обломков зданий и обрывков ткани, что падали на землю. Трот выпрыгнул из ниоткуда, чуть не столкнувшись со мной, его страшный вид был усилен кровью на его теле. Я отпрянула, но задела его рукой, и она прошла сквозь. Я была призраком. Меня здесь не было.

С оглушительным топотом копыт мимо промчались Всадники, они заполнили площадь, прыгая через огонь с мечами наперевес. Троты выли. Дым мешал видеть. Слышались лишь звон мечей и рев Тротов, крики, ржание лошадей, что терзало душу.

На миг дым исчез, видимо, постарался ветер. Площадь была пустой и обгоревшей, обломки валялись на земле под сражающимися людьми и монстрами. Все было черным, всюду была кровь. Конь Тэрана встал на дыбы, чтобы избежать удара Трота, целившегося в его ноги. Карг ударил мечом по шее Трота. Я закрыла глаза.

Я не могла укрыться, ведь это было видение, и жестокость царила повсюду. На меня давил вид, звуки, запахи, привкус на языке и даже прикосновения жара и грязи, вязкой крови. Я закашлялась и покачнулась, но не могла избавиться от Взора.

Я упала на камень, едва не зацепив то, нет, того, кто был ранен. Я заставила себя сесть и выдохнула:

— Райф! — Райф.

Он лежал на спине, ловя воздух ртом. Но он не мог набрать воздух в легкие, ведь рана шла от горла по его груди.

— Райф! — закричала я. И его взгляд, полный отчаяния, сосредоточился на мне. Он видел меня.

— Ларк, — он судорожно вдохнул, взгляд его еще был осмысленным.

Райф умирал. Он умирал, и потому мог меня видеть.

— Тише. Я помогу! — я прижала ладони к его груди, но кровь текла через мои прозрачные пальцы. Я была беспомощна, я могла лишь смотреть, как он истекает кровью, а остальные не могли этого увидеть, ведь сражались, а мой голос для них был бы лишь свистом ветра.

— Райф...

Он знал. И не нужно было говорить. Но он был рад мне, рад, что не один. Он попытался выдавить улыбку и выдохнул:

— Ты как солнечный свет в летний день. Ты светишься.

— Не говори!..

— Спасибо за дружбу. За твою храбрость.

— Райф, стой. Прошу! Молчи.

— Эви, — он повернул голову, кровь из раны потекла сильнее. — Эви.

Я плакала, в его голосе было сожаление. Я не могла вынести его горя. И сказала, чтобы приободрить:

— Она любит тебя, Райф, любит. Прошу, держись! — клянусь, его сердце просияло. — Эви придет. Придет!

— Скажи ей, что любовь не умрет, — он тихо добавил. — Посмотри, — он опустил взгляд, я проследила за ним. Кольцо мужчины из Мерит, тонкая полоска кожи.

Я посмотрела на Райфа.

— Твоего дедушки.

— Я вернул его, — он говорил гордо. Я это слышала. Но это уже не имело значения. Рана истекала кровью все сильнее, глаза его закрылись.

— Райф! — руки мои были в его крови, я сидела рядом с ним и беспомощно кричала. Кричала. Кричала. Порыв горячего ветра доносился от огня, его ресницы затрепетали и я подумала:

«Он останется!» — я кричала и звала на помощь, кричала, пока горло не начало саднить, но шум сражения был громче, огонь ревел громче. Я беспомощно всхлипывала, а потом сквозь слезы увидела, как бежит она.

Эви.

Она была в грязи и крови, но невредимая. Она была прекрасной. Ее серебристые волосы развевались в дыму, словно плащ летя за ней. Я прохрипела:

— Эви, назад, — но она не видела меня. Она не услышит меня. Она бежала к Райфу, лицо ее исказилось от ужаса. Она судорожно выдохнула и рухнула рядом с ним на колени, волосы упали на грязь и кровь вокруг нее.

Издалека я услышала, как Эрема радостно кричит, я раскрыла кузину.

— Вот она. Теперь ты испытаеть истинную боль, Стражница. Смотри.

Эрема призвала ужасающих существ. Из-за пламени показалась голова Трота, мутный взгляд был направлен на Эви. Я кричала кузине, но она не поднимала голову.

— Бери амулет, Стражница, — кричала Эрема. — Возьми его обеими руками и крепко

сожми. Сломай его внутри паутины хукона, и это спасет ее.

У меня не было голоса, а крики все равно никто не услышал бы.

— Или ее разорвут, — угрожала Эрема. — Сломай шар, или ты увидишь ее жертву.

Я не могла так. Это было невыносимо. Трот приближался к Эви, ее спина была открытой, она склонилась над Райфом. Я откинула голову и закричала, звала на помощь. Показался другой Трот. Мимо промчались люди, некоторые кричали. Но никто не видел. А я была ничем...

— Жертва, Стражница. Все они станут жертвами.

Но я слышала топот копыт. И сквозь слезы я увидела сильный силуэт Руны вдали.

— Руна! Помоги! Помоги мне!

Руна замер, а потом застучал копытами, испачканными кровью, обращая внимание на грядущую смерть. Предупреждение. Эви подняла голову и увидела Трота, что шел на нее с обнаженными зубами и когтями, она удивленно приоткрыла рот.

Руна был слишком далеко. Я пролепетала:

— Нет, — но Трот уже исчез, его пронзил мечом Лорен, пробежавший между монстром и жертвой. Эви не вздрогнула, она посмотрела, как Всадник обернулся, они успели друг друга разглядеть...

Я вернулась на холодный каменный пол в горах Мир, дрожа после жара на площади, глаза не сразу привыкли к полумраку. Но я смеялась с истерическим облегчением.

— Ты слышал меня, Руна, слышал!

— Ты посмела, — прошептала Эрема. Я едва ее слышала после рева битвы, но чувствовала ее злость.

Мне было плевать. Руна спас Эви, это имело значения. Я сжалась, смех превратился в судорожное дыхание, я пыталась взять себя в руки. Мне еще никогда не было так плохо. И дело было не только в видении, но и в яде. Я стонала и каталась на спине, по щекам стекал холодный пот. Я склонилась, меня стошнило, я видела кровь Райфа на руках, остатки видения, а то и реальность.

— Ты посмела, — повторила Эрема. — Посмела помешать.

А я вдруг разозлилась. Райф, Гарейн, амулет. Я не могла сдаться. И не сдамся. Я заставила себя сесть, хоть и едва могла дышать. Я выдавила:

— Ты можешь лишь угрожать, но ты такая же пустая, как эта бездна в тебе. Ты не можешь меня убить. Я нужна тебе для амулета. Руна спасет остальных.

Она кричала на меня, в ней не осталось красоты.

— Смотри! — вопила она. — Смотри на меня! Смотри, что ты наделала! Смотри, что тебе нужно! — она меняла облик, чтобы сломить и заманить меня: она была Гарейном, Эви, Рубером Минлом, королем, Райфом. И каждый звал меня сломленным голосом, я заставляла себя игнорировать их, понимая, что Эрема лишь повторяет то, что уже видела. Призыватели могли читать мою энергию, но не создавать что-то.

Я была на коленях, руки дрожали, я упиралась ими, чтобы выпрямиться, чтобы заставить голову думать, как забрать амулет.

— Отдай шар, Эрема, — выдохнула я. — Ты не можешь меня убить.

— Здесь, — зашипела она, — ты ошибаешься. Разрушь шар, или я уничтожу тебя.

Оберег, мне нужна была помощь. Я царапала пальцами пол и тянулась к сумке, что лежала неподалеку.

Она смеялась, но уже не мелодично. Она отстранилась, заполняя собой комнату, и топнула ногой, гора содрогнулась, а потом с нежностью позвала:

— Всадник!

Камень за ее спиной исчез. Гарейн появился, как и в моем сне, с обнаженным торсом, мокрым от холодного пота и влажности внутри горы. Он стоял, и меч мерцал в синем свете, лицо его было пустым.

— Гарейн! — не может быть, все слишком быстро. Сон о моей смерти становился реальностью, но это было слишком быстро, конец уже маячил на горизонте.

— Он не услышит тебя, Ларк. Я его отметила, — Эрема вытянула руку и скользнула ею по его плечу, склонилась и поцеловала изгиб его шеи. — Видишь?

Она улыбнулась, ее страшный рот был возле его кожи.

— Но я могу его отдать. Сломай шар, и ты будешь с ним. Смотри, Ларк. Он ждет тебя.

— Ты просишь меня выбрать? — прохрипела я.

— Тебя? — даже насмешка была мелодичной. — Нет, выбираю я. Ты здесь из-за меня. Ты уничтожишь амулет, потому что я так хочу, или умрешь, потому что я прикажу. Я все равно выиграю.

— Я не дам тебе то, чего ты хочешь, — пробормотала я.

— Нет? — рассмеялась Эрема. — Но ты уже это сделала, Ларк. Ты пришла.

Все было зря. Все усилия, весь мой путь не привел ни к чему. Слишком скоро! Никто меня не услышал бы. Рука так и не дотянулась до сумки. Просто пришло мое время умирать.

Эрема заговорила своим милым голосом, но я уже знала, что она скажет:

— А теперь, Гарейн, заверши начатое. Сделай то, что должен.

Я умру. Я посмотрела на свое Дополнение. Я сделаю это так, как поступили бы в Мерит, с достоинством.

Гарейн поднял острый меч над головой, вытянув руки, напрягая мышцы. Я вспоминала наши с ним моменты за эти дни. Я видела его прекрасную улыбку, красивое лицо, связь, что вызывали его прикосновения.

«Не ошибешься», — прошептала зайчиха.

Я помнила и слова Найлы, помнила, как повторяла их Гарейну под дубом в Темном лесу: «Земля принимает то, что мы даем ей, и отзывается...», а Гарейн тогда спросил, что может мне дать...

Завершить цикл. Я закончу то, что он начал, я признаю свою правду, то, что до этого сделать не могла. Я улыбнулась Гарейну, его взгляд был пустым, а в моих глазах стояли слезы. Я повторила, несмотря на охрипший голос, те же слова, что он говорил мне, возвращая ему свое признание:

— Я люблю тебя.

Эрема зарычала. А за этим рычанием Гарейн прошептал:

— Верь в себя.

Меч опустился.

Тысяча жаворонков взлетала, унося цвет земли на крыльях и возвращаясь с песней. Вчетвером мы стояли на высокой скале и смотрели на них: Эви, беспризорница, девушка с рыже-золотыми волосами и я. А внизу простирались серые и коричневые камни, земля,

сверкающая зелень, трава и деревья, синие озера и ручьи, фрукты и цветы вспыхивали красными или лиловыми точками. Долину окружали холмы, озеро было глубоким, а гора высокой...

«Пробуждение!» — слово трепетало на ветру. Три девушки одна за другой подняли руки к небу и взлетели к жаворонкам. На миг я осталась одна.

«Это есть у тебя, Стражница, — послышался шепот. — Это есть», — я была переполнена, ощущения сияли в моем теле, усиливали меня и разгоняли кровь.

Я подняла руки, как и остальные. Только что стояла, но уже взлетела высоко. У меня была сила. Я была дома. А голос рябины зазвенел во мне:

«Принеси во тьму свет».

Рычание Эремы стало воем, потом ревом. Это я услышала сразу, это заставило меня понять, что я жива, что я все еще посреди гор Мир.

Было холодно, тело было поражено ядом хукона.

Я была живой.

Гарейн стоял надо мной, тяжело дыша, словно он сражался. Я скользнула взглядом по лезвию его меча, оружие касалось камня у моих ног. Он ведь напал на меня. Я подняла взгляд. Его глаза уже не были пустыми.

Он выдавил улыбку.

— Меч... не для тебя.

«Оружие тебе не подходит», — я лежала, потрясенная, но дышащая, потрясенная, но живая, понимая теперь слова Лорена. Оружие, созданное из Земли, не могло использоваться Стражницей Жизни, но и против нее обратиться не могло. Металл прошел мимо, словно меня там не было.

Рев Эремы стал визгом, что напоминал вопли стрижей, гора дрожала.

Гарейн яростно посмотрел на нее и, взревев, бросился на Эрему, крича:

— Ты не можешь мной управлять! — его меч взметнулся и пронесся по Призывательнице.

Он не убил ее, ведь мог понимать, что это не получилось бы, что месть была бы ужасной. Меч срезал сеть из хукона. Удар по ветвям, и шар упал с груди Эремы. Мы смотрели, как амулет взлетает под потолок. Эрема яростно вопила, я кривилась, боясь, что шар разобьется, но это было бы глупо. Шар упал и покатился, ярко сияя, избавившись от оков. Я застонала и потянулась к нему...

Эрема ударила Гарейна или толкнула, я не видела. Но Гарейн отлетел к стене, врезавшись в нее со стуком. Я кричала его имя, смотрела, как он сползает на пол, и повернулась к Эреме, а она двигалась ко мне, к шару, она вытащила из груди ветвь хукона. Она взмахнула ею, как хлыстом, заставляя меня отстраниться от амулета.

— Мое! — кричала она. И снова ударила хуконом.

Я ударилась о стену пещеры, ее угрозы эхом отлетали от камня в меня, Эрема уже стояла над шаром, сплетая новую паутину вокруг него из хукона, что рос из ее тела. Я оттолкнулась от шершавого пола, думая о том, как могла успокаивать руками трясущуюся Землю...

«Взмахом руки тьму во свет преврати», — зазвучал в голове куплет из книги моей судьбы, голос был похож на шепот рябины. — «Принеси во тьму свет», — а потом и голос Прутика. — «Лунный камень силен в руках Стражницы».

Но я потеряла камень. Он уже остыл и погас, наверное, был простым камнем...

Просто синий... Взмах руки... Я оттолкнулась от пола со стоном, пошатнулась и встала, прижалась к стене и рассмеялась, сделав это, ощутив гудение под ладонями, касаясь сияющего синим камня.

Эрема вскинула голову из-за моего смеха, уставившись на меня.

— Что ты делаешь? — прошипела она.

Руки ее были вытянуты над создающейся паутиной ветвей, что уже была готова поймать маленький шар, сияющий в углу. Но я ее опередила, пещера уже сияла. Я прижимала ладони везде к камню, куда могла дотянуться, зажигая камни, насмехаясь сквозь боль и радость:

— Что я делаю, Призывательница? Вызываю свет во тьме.

И лунные камни ловили мою силу и загорались, вскоре вся пещера была ярко освещена.

Лунные камни. Пещеры были вырезаны в них, может, из них состояла вся гора. Везде, где я касалась, загорался свет, пока мне не пришлось щуриться из-за его яркости. Но камни эти были не такими красивыми, как ровный овальный камешек, что вырезал для меня Прутик.

Но пещера была вырезана, были созданы грани, и они отражали силу Стражницы.

— Умная... девчонка... — прошипела Эрема, замерев. С жестокостью она начала замахиваться паутиной с воплями желания, гнева, пытаясь поймать амулет. Но в комнате было слишком светло, она не видела, куда бросать. Хукон обжигал меня, а свет — Эрему. Она уже не выглядела прекрасной девушкой, она была охвачена яростью, темной и огромной, от которой сверкали глаза. Она уже была другой, проявлялось чудовище, но оно быстро исчезло, взорвавшись с криком.словно ее вывернули и сожгли. Она исчезла, испарилась. Ее накидка упала в лужу.

Ее поглотил Хаос.

Реагировать времени не было. Ветер ворвался в крошечную комнату, разбивая лунные камни, оглушая. Меня бросило на пол, но и он трескался, я подползла к Гарейну и схватилась за его неподвижное тело, оттащила его от падающих обломков потолка.

Нужно двигаться. Нужно уходить. Я отпустила Гарейна и огляделась в поисках шара. Он сиял ровным светом, по нему не попали обломки камней, что дождем падали с потолка, шар остался в углу пещеры. Я направилась к нему, пригибаясь, уклоняясь от лунных камней, ударявшихся об пол, свет их со вспышками угасал. Наконец, моя рука вцепилась в маленький шар и притянула его к себе, держа так, как это было с изображением шара в разговоре с королем.

Хрустальный шар, амулет Жизни. Пульс бился, касаясь ладоней, но не обжигал. На миг это прикосновение уняло дрожь пещеры и действие яда во мне.

«Нести их могут только четверо, — слышала я голос короля, — лишь они могут держать их, могут вернуть их в Тарнек».

Кристалл мерцал нитями золота и зелени. Ближе к краю подступили и синие проблески. Элементы Жизни — золотой Огонь, зеленая Земля, синяя Вода, а сам кристалл представлял Воздух, и все они были в одном амулете, простом, но изящном, древнем, но живом. Все было в моих ладонях. Шар в моих руках светился с новой силой, хотя тело и изнывало от яда.

Земля дрожала, я упала к стене. Я прижала шар к щеке, а потом обернула в тунику Гарейна и спрятала в сумку рядом с оберегом, закинула сумку на спину. Задышавшись, я вернулась к Гарейну.

Он не двигался. Не мертвый, *не* мертвый. Я знала, ведь чувствовала его энергию. Я коснулась губами его лба и прошептала:

— Я помогу тебе, — хотя честно не знала, как это сделать. Мы не могли уйти тем же путем, что я пришла. Нужен другой способ.

Накидка Эремы. Я потянулась за ней, покачиваясь из-за дрожащего пола. Я старалась не думать, что накидка может быть заколдованной, ведь другого способа нести Гарейна я не придумала. Я расстелила ткань и уложила его в центре. Он был невероятно тяжелым. Я задумалась, почему амулет не мог наделить меня особой силой, но я видела, что хукон мешает ему. Шар не мог избавить меня от яда хукона, как и не мог вырваться из его пут. У всего были слабости.

Я заставила себя подняться, собрала края ткани, чтобы потащить Гарейна прочь из узкой комнаты. Шелк накидки скользил по шершавому полу, этого хватало. Я задыхалась, напрягалась, тянула, пока руки не стали красными, но продвигались мы ужасно медленно. И чем больше я старалась, тем сильнее во мне растекался яд.

Я добралась до проема, впереди были Троты. Я ощутила их близость, они отскочили от страха. Но их было много, их присутствие удушало, наполняло тело ужасной энергией. Их когтистые пальцы хотели, но боялись коснуться. Они были похожи с хуконом, я знала их и боялась. Я склонила голову и закричала, продвигаясь вперед, словно шум помог бы мне держаться. Троты касались накидки, нюхали ее, дополнительным весом тянули назад. Проем задрожал, подбрасывая нас в стороны. Я упала на двух Тротов, они с воплями откатились. Я не могла справиться. Я не знала, куда идти.

И закричала на существ:

— Выпустите нас! Покажите путь!

Сотни глаз светились и смотрели на меня. У меня из рук резко выдернули ткань, я споткнулась. Существа помчались по темным туннелям. Мне пришлось бежать, я едва успевала, полагаясь на ощущения, а не на зрение. Коридор за коридором, топот, фыркание и крикание, ужасный запах... Я цеплялась за сумку, превозмогала боль, спешила за Тротами.

Я врезалась в монстров, что собрались у темного проема. Я завопила:

— Где Гарейн?.. — ведь накидка в их руках была пустой. Но они толкнули меня в проем, используя ткань, и я полетела, как из рогатки.

Крик оборвался, когда я рухнула на землю, перекатилась и понеслась вниз. Склон был длинным и неровным. Ощущения и время уже не имели значения. Я катилась и стонала от боли. Когда я врезалась в Гарейна на дне, я прижалась к нему, корчась от боли яда, гора давила на меня, боль вспыхивала и в мышцах, и в костях. Я искала в темноте правую руку Гарейна. Было почти тщетно искать силы у него.

— Помоги, Гарейн! — выдохнула я, царапая воротник своей туники, пытаясь коснуться его рукой моего плеча, метку к метке. — Всадник...

Не работало. Хуконом меня ударили в то плечо, может, это стерло нашу связь. Я кричала, ударяла его рукой по своей коже. Он не мог умереть. Не мог.

Нет. Нить энергии пульсировала. Я сильнее обхватила его пальцы. Равновесие, пробуждение жизни... Я держала его за руки и прижалась к нему всем телом.

— Цвети... — прошептала я, зная, что он не услышит.

Чуть позже я ощутила восстановленное тепло Гарейна, его дыхание доносилось до меня, ровное, хоть и слабое. Я заставила себя сесть, как-то умудрилась встать. Ветерок проникал в проем, тьма уже казалась светлее, серой. Мы были недалеко от выхода из этой гробницы.

— Гарейн, — я выдохнула и негнушными руками коснулась его запястий, потянула его вперед, рыдая. — Прости, — он царапался спиной об пол.

Мы все же оказались снаружи, едва занимался рассвет, мы были у подножия гор Мир. Здесь была трава, пусть и жесткая, но трава и теплый воздух. Я радостно касалась ее, устроившись рядом со своим Дополнением, между нами лежала сумка, я обхватила его руками и смотрела на небо. У меня больше не было сил.

Мысли путались. Я могла думать только о двух вещах: я нашла амулет, и Гарейн жив. А дальше растекался яд, притупляя чувства, убивая тело. Но я могла дышать, хоть и с трудом, и я дышала так глубоко, как только могла.

Холодный воздух, свежий запах, земля подо мной гудела гармонией, солнце поднималось выше, свет касался моего тела. Я лежала рядом со своей любовью.

Я улыбнулась, ведь все-таки победила. Я победила свой последний сон. Я оставлю Гарейна, буду помнить его любовь, и мне не придется менять ее на дружбу, не придется видеть, как он отдает любовь другой. Я даже радовалась смерти.

Земля гудела. Топот заставлял дрожать траву, шевелил камешки. Я слышала топот копыт, несущихся по земле. Звук был сильным и громким. Я заставила себя посмотреть.

Я ошиблась. Это еще не конец.

Руна. Белый конь был здесь, он коснулся носом моей щеки, низко склонился, чтобы я могла взвалить Гарейна не его широкую спину, чтобы сама могла влезть на него. Я замешкалась, но крепко обхватила Гарейна, чтобы сохранить в памяти этот миг близости. Смерть сменилась спасением, и это было больнее, чем яд. Я не была готова отпустить Гарейна. Я, наверное, никогда не буду готова.

Но мои желания не были частью этого пути. Иначе ничего и не вышло бы. А путь я еще не закончила. Я должна выполнить задание. Я медленно отпустила надежду. Я и не ожидала, что жертва будет такой.

— Неси нас в Мерит, — прошептала я, и Руна терпеливо подождал, пока я удобнее усажу Гарейна, и пошел вперед. Я привязала сумку к шее Руны, чтобы не потерять.

Голова Гарейна упала на мое плечо. Он прошептал что-то неразборчивое и обхватил меня рукой.

Мерит. Я закрыла глаза.

— Эви исцелит тебя, — прошептала я. — Она красивая и умная. Она тебе понравится.

Я должна была сказать: «Все будет хорошо», — но не могла.

25

Магия прекрасна. Она может изменить, защитить деревню, наделить силой обычную душу. Может перемещать белого коня с наездниками быстрее ветра. Даже может забрать боль. Иногда.

Мы добрались до Мерит. Мы оказались на обгоревшей площади. Гарейна сняли со спины Руны, а там и меня. Нас отнесли в дом бабушки, который почти не пострадал, лишь сгорело поле. Целители приступили к работе, восстанавливая и изгоняя из моего тела яд. Даже умелым бабушке и Эви было непросто. Днем и ночью они оставались у наших изломанных тел. Но руки Целителей были волшебными, и знания с терпением позволяли им все исправить. Так было и в нашем случае.

Но никакая магия, даже очень умелая, не могла исцелить разбитое сердце. Его можно было не показывать, о нем можно было забыть, отвлекшись на магию, но не исцелить. Такое человек может только совершить самостоятельно.

Я не знала, как это исцелить.

Снов не было, пока я исцелялась. Время существовало где-то отдельно. Позже мне рассказали, что меня от хукона очищали дольше, чем исцеляли Гарейна. Но в этом и была жестокость хукона — яд делал кровь черной, тело жертвы высыхало, а восстановление было долгим. Рана была постоянной, жертва — уязвимой. Хукон оставлял свой знак навеки.

Часть меня могла и не хотеть просыпаться, видеть, как сон превращается в жизнь. Но в один из дней свет заглянул в мою комнату, и глаза открылись. Я увидела свою комнату, и, казалось, последний раз я была здесь вечность назад, я глубоко вдыхала знакомый запах. Я выбралась из-под покрывал, в которые была плотно укутана, поняв при этом, какой слабой стала.

Мой сон начал сбываться. Я хотела бы ошибаться, могла бы желать умереть вместо этого, но не могла ничего изменить, и таким был мой подарок Эви, выбор ее любви. Я пообещала, а обещание нарушать нельзя.

Я лежала, думая, как избежать боли. Но ничего нельзя было поделаться. Я отодвинула покрывала и заставила себя встать, подошла к окну, солнце заливало светом поля и луга, жаворонок взлетел с земли, словно струя воды, описывая арку. Я улыбнулась, а потом повернулась к дорожке в саду, где Гарейн и Эви шли вместе. Он был целым, красивым и сильным, прошло много времени. И провел он его с Эви.

Я буду счастлива за них, я хотела этого. Но улыбка увяла, они остановились, задев друг друга руками, мое сердце разрывалось пополам. Я не могла помешать этим прикосновениям. Боль в сердце не давала стоять. Я соскользнула на пол, точнее, рухнула, на этом кончился мой сон, и я не знала, что после этого моего падения в комнату придут бабушка и Рилег.

Рилег! Он нюхал мое лицо, облизывал руку, шумно дышал и толкал меня, пока я не открыла глаза и не обняла его с усиленным энтузиазмом. Бабушка терпеливо стояла в дверях, пока я смеялась и плакала в шерсть Рилега, радуясь, что снова встретила с верным другом, которого мне не хватало.

Рилег сел на пол рядом со мной, и я заставила себя сесть прямее и посмотрела на бабушку. Лицо ее не изменилось, хотя я, казалось, очень давно ее не видела. Она смотрела на меня с пониманием.

— А вот и ты, — сказала она.

— Я рада вернуться домой, — голос был хриплым, ведь я давно им не пользовалась. Вот только место уже не очень походило на дом.

Бабушка кивнула. И добавила:

— Отличная работа, Ларк, — так она поприветствовала меня. Бабушка была целительницей. Она почти не проявляла эмоции, я чувствовала их через прикосновения.

— Расскажешь о Мерит?

— Потеряли нескольких жителей, но у каждого своя печаль. Площадь и дома мы починим. Сады и поля вырастут. Мы должны поблагодарить тебя, Ларк, за то, что Всадники успели спасти основное.

— Не этого, — я поежилась, — я ожидала.

— Ничто нельзя предсказать.

Я спросила:

— Он в порядке?

Бабушка знала, что я про амулет. Она склонила голову, и я почувствовала облегчение.

— В порядке. Твоя сумка все еще на твоём коне. Он не позволил никому её тронуть.

«Хотя никто и не пытался», — я задала другой вопрос:

— Всадники?

— Вернулись к себе, кроме одного. Они знали, что тебе и твоему другу нужно исцеление, но остаться не могли, — она добавила. — Кони, видишь ли, взволновали людей после боя. Молодежь в очереди выстраивалась, чтобы их погладить.

Но я не слышала её. «Все, кроме одного», — сказала она. — «Твой друг», — я это, конечно, знала. Но было больно.

Она помогла мне подняться на ноги. Её руки были теплыми и морщинистыми, они могли придать мне сил. В горле пересохло.

— Спустишься? — спросила бабушка.

— Думаю, лучше мне остаться здесь, — я неловко опустилась в кресло. Солнце я увижу и через окно, как и небо.

Она кивнула, принимая мое желание.

— Они ждут тебя, — добавила она, направившись к двери. — Эви и Всадник.

— Знаю, — я изобразила радость. — Буду рада видеть Эви.

Голос подделать не удалось. Бабушка остановилась.

— Ларк, — сказала она строже, её голос был хриплым. — Мы не можем помешать ходу вещей. Разбитое сердце пережить можно. Верь в это.

Верь. Я так часто слышала это слово. Я то ли издала звук, то ли двинулась, бабушка вернулась ко мне. Она положила ладонь на голову, и я уткнулась лицом в её фартук. От неё пахло медом и лавандой. Я была готова расплакаться.

— Ларк...

Но я взяла себя в руки.

— Все будет хорошо, бабушка, — я ослепительно улыбнулась ей.

* * *

Я спустилась чуть позже, цепляясь за поручень и стараясь не наступить на Рилега, что сопровождал меня. Я уже не могла бороться с собой. Гарейн и Эви будут где-то в саду, в этой красоте природы. Я должна их найти, услышать радостную весть и уйти.

Уйти. Как это сделать? Я посмотрела на сад и вошла в него. Деревья у дома цвели. Они радовали глаз яркими цветами, пестрила и клумба с лилиями и мальвами. По утрам я любила останавливаться возле цветов и касаться их руками, чтобы порадоваться их красоте. Нужно будет снова найти это чувство, ведь сегодня я его не ощущала.

Гарейн был там, он спешил ко мне, лицо светилось улыбкой. Я застыла.

— Ларк!

Его слово, словно выдох, радостный крик заставил меня остановиться. Я сморгнула слезы и сосредоточилась на цветах рядом с собой.

— Ларк, ты пришла в себя! Я увидел тебя в дверях, — он приблизился. — Я ждал...

Я вырвалась из его объятий, отступив на шаг. Он опустил руки.

— Тебе стало лучше, раз ты уже бегаешь. Я рада.

Гарейн не сразу сказал:

— Я был изломан, ты унесла меня оттуда. Ты... — он вдохнул и, наверное, отвел на миг взгляд. — Ты снова спасла меня.

Я кивнула. Хотелось бы выглядеть спокойной.

— Всегда пожалуйста, Гарейн, — это мне удалось сказать ровно.

— Ты оба раза оттащила меня... от края, — его голос изменился, и я знала, что последует: слова станут мягче, он поблагодарит меня, я не могла этого вынести. Я повернулась к клумбе.

— Ларк.

Я злилась, что не могу смотреть ему в глаза. Это было глупо. Я ведь была молодой и способной. Я вернула амулет Жизни, я смогу справиться. Но я была в саду любимого дома, в любимой Мерит... пусть все и ощущалось иначе.

Гарейн следовал за мной.

— Ты забрала нас оттуда, Ларк, твоя рана была страшнее.

Я пожала плечами.

— Не такая и страшная. Видишь ведь, что я в порядке.

— Хукон...

— Хукон всегда будет во мне. Ничего не поделать.

— Вряд ли. В Тарнеке тебе будет лучше, — сказал Гарейн. — Там будет безопасно.

Я покачала головой.

— Я дома, Гарейн.

Его ранил мой мягкий тон.

— Ты не вернешься в Тарнек?

— Нет, — он поступал жестоко. Я коснулась стебля мальвы, чтобы сорвать ее, но мне расхотелось. И рука упала.

— Почему? — его голос стал строже. — Посмотри на меня, Ларк.

— Нет. Я выбираю цветы в вазу на кухне, — я заставила себя снова схватиться за мальву.

— Хорошо, — слова были тяжелыми. — Мы соберем цветы, и ты посмотришь на меня и скажешь, почему не хочешь возвращаться...

— Возвращаться! — я постаралась сказать это спокойно. — В этом нет нужды. Я свое дело выполнила. Руна отнесет шар, — и я добавила. — Тебе будет не одиноко.

Гарейн сделал пару шагов в сторону, сдерживая эмоции. Он вернулся и сказал:

— Ларк, возьми немного розовых и тех синих, — он сорвал цветы и протянул их мне. — Только не урони. И вот эти возьми.

— Хватит.

— Почему? — он не злился, но руки его дрожали. Или это мне слезы застилали глаза и искажали все. Он пытался передать мне охапку цветов.

— Хватит, Гарейн. Прошу. Я не хочу ничего ставить в вазу. Я...

— Почему?

Я не могла сдержать слезы.

— Потому что это все уже не радует! — я не сдержала и слова. — Потому что ты заполнил все мои чувства, не оставив места ничему другому.

— Ларк...

Это прозвучало как всхлип.

— Когда-то все это меня радовало. Цветы, травы. Я работала в саду, вырывала гисань, и это мне нравилось. А теперь все это кажется серым, я... ненавижу это! Я ненавижу то, что ты все это разрушил, — я бросила охапку цветов на дорожку и пошла прочь. Я никогда так

не срывалась в пределах дома. Мой голос не подходил этому месту. Как и я сама.

— Ларк. Ларк! И ты нас так бросишь?

Нас. Опять. Я заставила себя вернуться к нему и посмотреть на него сквозь глупые слезы, чтобы процедить сквозь сжатые зубы:

— Прости. Поверь, я рада за тебя. *Очень* рада.

— Рада? О чем ты?

— Хочешь, чтобы я еще и сказала это? Я говорила тебе об Эви, я знала задолго до этого утра. Сон сбылся, выбор сделан, и... даже если я веду себя глупо, поверь, я в порядке. *Буду* в порядке, — я вдохнула. — Вот. Я закончила. Не нужно мне ничего говорить.

— Сон? Ты нас видела?

Глупые слезы!

— Да! И я перестану делать то, что разрушит обещание! — я побежала прочь, забыв, что у меня нет на это сил.

Гарейн успел подхватить меня, пока я не упала, руки обвились вокруг моей талии, и мы оба вскрикнули. Когда мы упали, я оказалась в объятиях Гарейна, что было только хуже.

— Нет! — рассвирепела я. — Нет! Так не честно.

— Не честно! — прорычал он. — Не дергайся!

— Это не честно по отношению к Эви... — я ведь не о себе.

— Как это связано с Эви? Какая мне разница, увидит ли она нас?

— Хватит!

— Эви знает, Ларк!

— Ты рассказал ей? — опешила я. — Зачем? Она не должна была знать! Гарейн, наши чувства были временными. Она уже страдает, она не должна...

— Она знает, Ларк. И она рада за нас!

Это заставило меня потрясенно замолчать.

Он яростно сказал:

— А почему ей не радоваться? Она любит тебя.

— Это бессмысленно!

— Бессмысленно? Или ты по какой-то безумной причине просто не хочешь этого слышать? Я рассказал Эви о своих чувствах к тебе. Я рассказал, что заберу тебя с собой в Тарнек, и она была счастлива!

Я всхлипывала.

— Но это не так. Взор выбрал тебя для нее. Ты обнимал ее. Ты склонился, чтобы поцеловать ее и был так рад.

— Я склонился, чтобы прошептать ей на ухо, что люблю тебя! — прошипел он. — Ты об этом? Ты видела, как мы обнимаемся, во сне и решила, что я буду с Эви?

Я подозревала, что Гарейн тряс бы меня, если бы я не была слабой после хукона.

— Я тебе говорил, что ты можешь неправильно понимать увиденное! Ты, Ларк! Носительница Взора! — он процедил эти слова и обнимал меня уже не так нежно. — Я люблю тебя. Как можно подумать что-то другое?

— А Эви? Я не могу ее ранить! Ты — ее любовь.

— Я? Почему ты делаешь вид, что так слепа? Ты не можешь выбирать за меня. И Эви не любит меня, она любит кого-то другого, — его голос стал печальнее. — Любила. Она любила кого-то другого.

Я плакала, уткнувшись в его руку, изливая все слезы, что накопились во мне за эти дни,

с каждым тяжелым вдохом. Я плакала из-за Мерит, из-за королевы, из-за лис и Прутика, из-за рябины. Я плакала из-за потери амулетов, из-за Райфа и Эви. Гарейн не отпускал, ожидая, пока я успокоюсь, пока печаль не вытечет со слезами, а останется лишь понимание, что этот юноша будет так держать меня вечно. Он. Этот Всадник. Мое Дополнение. И когда я подняла голову, послышался смех с всхлипами, а не рыдания, и он посмотрел на меня с кривой улыбкой и сказал:

— Разве я не говорил, что наша связь — это не только прикосновение? — он вытер мою щеку большим пальцем.

— Говорил, — кивнула я и поцеловала его, уже не жалея об этом желании.

Я нашла Эви на кухне, она готовила рагу. От одного вида я лишилась дыхания, мне пришлось сесть. Ее глаза, губы, кожа и волосы были до боли знакомыми. Она даже радостно улыбнулась, когда я вошла. Но она была бледным призраком самой себя. Если меня любовь исцелила, то ее — высушила.

Я потянулась через стол, и она взяла меня за руки. Обычно ее ладони были теплее, но не теперь. Я впервые смогла ощутить Эви через прикосновение, словно она уже не была такой близкой, чтобы не открываться мне. Что-то изменилось. Любви не стало меньше, но мы были разделены. Мы долго смотрели друг на друга и не говорили.

— Райф, — прошептала я, и она кивнула. — Мне очень жаль, Эви. Я пыталась... и не смогла ему помочь.

Она смотрела на меня.

— В сражении?

— Я была там через видение, и... он меня видел.

Ее пальцы крепче сжались на моих. Я ощутила ее вспышку зависти, ведь я была с ним в последний миг. Она заговорила медленно, словно рассказывала страшный секрет:

— Я так и не сказала ему.

Ее боль была невыносимой. Она отозвалась в моем сердце. Я сжала ее холодные руки и сказала в спешке:

— Но я успела, Эви. Я сказала Райфу, что ты его любишь. Я думала, эта вера придаст ему сил. Я не знала, правда это или нет, но ему нужно было знать... Я хотела его успокоить... — я беспомощно смотрела на нее. — Я не имела права говорить вместо тебя, но пришлось...

— Ларк, стой. Ты правильно сделала. Ты выбрала за меня, — повисла тишина. Губы Эви изогнулись в едва заметной улыбке. — Помнишь? Я просила тебя выбрать мне любовь в подарок на день рождения.

Конечно, я помнила, но это было неожиданно. Я думала, что выбрала Гарейна, но ведь именно в день рождения я увидела Райфа. И это ему я рассказала о любви Эви.

— Я же говорила, что Взором ты поймешь. Что ты выберешь, — глаза Эви были сухими, но голос сорвался. — Ты правильно выбрала, Ларк. Хороший выбор.

Я попыталась улыбнуться.

— Последние слова Райфа, Эви. Они предназначались тебе. Он сказал: «Любовь не может умереть».

— Знаю, — сказала она.

Любовь была простой. Эви обрадовалась нескольким словам, и словами без слез она выражала свое страдание. На нее было больно смотреть. Бабушка говорила не обо мне насчет разбитого сердца, но я не была уверена, что Эви перенесет эту боль. Может, это я не

могла вынести такого конца для близкого друга.

Эви немного успокоилась и посмотрела на меня.

— Дай на тебя посмотреть, Ларк, — она добавила. — Ты изменилась.

Я вдохнула.

— Эви, если я начну рассказывать...

Она покачала головой.

— Не надо. Ты светишься. Это прекрасно, — и через миг она прошептала. — Я представляю, какой красивый Тарнек.

— Да, — сказала я. — Но и здесь красиво.

Она опустила взгляд, но быстро подняла голову, отведя глаза.

— Этот дом и деревня стали особым местом, местом детства, — она не просила ответа, это даже не было вопросом. Я поежилась, ведь о доме она говорила в прошедшем времени.

В ее голосе была тоска.

— Любовь, цели, испытания... Все это открыло твои сердце и разум, — она выдавила улыбку. — Смотри, Ларк, Рилег копает дверь. Он хочет к тебе. Позже поговорим.

Она медленно отпустила мои руки, но я успела поймать ее ладони.

— Эви.

Она покачала головой.

— Это было невероятное путешествие для тебя, Ларк, — она пожала мои пальцы. — У каждого должно быть нечто подобное.

Эви исчезла следующим утром. Она оставила прощальные слова в виде разбросанных маргариток и ивы на кухонном столе, как пожелание счастья и любви всем нам. Она взяла немного еды, свою бирюзовую накидку и несколько пузырьков с травами, я не знала, какие именно, но поняла бабушка. Я видела, как она нахмурилась, разглядывая пустые участки на полке. Бабушка почти не была удивлена отсутствием Эви, но ей было тяжело отпускать ее. А я? Я не успела рассказать Эви о метках, об их значении.

Я плакала. Я плакала бы дольше, но на крыльцо прилетел почтовый голубь и ждал, пока я протру глаза и отвяжу свиток ткани от лапки. Лента была яркого розового цвета Тарнека. Цвета флага, что я несла в долину Брен.

Я передала послание Гарейну, а его лицо помрачнело, когда он прочитал.

— Король не поправится, — с болью сообщил он. — Я должен ехать, — он прижал меня и неохотно сказал, уткнувшись подбородком в мою макушку. — Ларк... амулет.

— Он должен его увидеть, — прошептала я. — Должен узнать, что амулет вернулся.

Бабушка наполнила сумку едой. Мы приглашали ее, но она отказалась ехать с нами. Мерит нужен был Целитель. И третий старейшина, ведь сэр Джаретт не пережил атаку Тротов, и бабушка заняла его место среди старейших жителей. Она крепко обняла меня и сказала, что это не прощание.

— Эви когда-нибудь вернется, как и ты. Но пока что у каждого из нас свой путь.

Я прошла по дому, скользя пальцами по всему, что делало его родным. Я прошла по полям и садам, я приказала гисани не лезть на наши земли, хотя и понимала, что она вряд ли послушается. Я попрощалась с соседями и друзьями. Они не знали всей правды, но слышали, что меня ранили хуконом, понимали, что я буду лучше защищена там, куда отправляюсь. Никто не говорил о замке Тарнек, и я не разбалтывала секреты. Я просто уходила с

Гарейном, Всадником, что жил где-то среди холмов Тарнека, возле неизведанных территорий.

Но мадам Керен поклонилась мне, когда я прощалась с ней, и, увидев мое удивление, она одарила меня улыбкой.

Куин знал все, потому что я рассказала, он бы меня не подвел. Он опустил флейту и заявил, что станет Всадником. Я улыбнулась, и спросила, как он будет без милой Нэнси, без глупой Кэт, и разве деревне не нужна музыка больше, чем меч холмам?

— Я хочу не меч, Ларк. Я хочу лошадь.

Это было глупо, но я предложила:

— А если я пришлю тебе лошадь?

Куин посмотрел на меня и показал головой.

— Ты не можешь и не должна этого делать. Это создаст беспорядки в Мерите.

Нужно было помнить о Равновесии. Я заставила Куина пообещать, что он не пойдет в королевство Тарнек без флага, который нужно будет повесить на рябину. Я протянула ему стебелек папоротника и сказала, что это знак моей дружбы, что он будет защищать его.

— Хоть это и не от Кэт, — сказала я, подмигнув.

И через два часа после появления голубя я отправилась с Гарейном в замок Тарнек. Мы ехали рядом на конях. Амулет Жизни оставался на шее Руны в моей сумке, ведь я обеими руками держала Рилега.

Ехать было далеко, а у него было только три лапы.

26

Путь был поделен пополам. Через трещину, что создали Призыватели, что тянулась от болот Нилер до предгорья Куллан, проложили мост, и мы ехали по свежим доскам, что еще сочились смолой. Я старалась не думать о бесконечной пустоте подо мной.

Вскоре мы уже взбирались по узкой тропе к замку Тарнек, четверо Всадников встретили нас и сопровождали. Я приветствовала их поименно: Лорена, Тарэна, Эвена и Вильха. Они были рады нас видеть.

Лорен спросил про Эви и кивнул, когда я сказала, что она ушла, и поблагодарила его за спасение ее жизни.

— Я думал, что она пропала, — ответил он.

Потом и остальные поприветствовали меня дома. Дома. Это сказала я? Я стояла в спальне, где провела всего одну ночь, вдыхала запах роз-колокольчиков, проникающий в окно. Дом. Рилег устроился на пушистом ковре, а я села на большую кровать, закрыла глаза и дышала. Пахло не мхом, рыхлой землей и молоком, как дома в деревне, но запах был приятным и сладким.

— Миледи? — Найла показала в дверях. — Король вас зовет.

Я тут же поднялась, закинула на плечо сумку с шаром внутри и покинула комнату. Но Найла остановила меня.

— Не туда.

Она повела меня не в главный зал, а по ступенькам, вырезанным в камне, что вели сначала вверх, а потом вниз, пока она не остановилась и не сказала, что дальше я должна идти одна. И так я шла до конца, ступеньки закончились перед просторным восьмиугольником с гладкими стенами, освещенными одинокими свечами в каждом углу. В

центре стоял источник, единственный предмет здесь. Он был холодным и немного мутным... Я стояла в сокровищнице, где хранились амулеты, Равновесие. Но не сейчас.

— Хорошая работа, юная Ларк. Я знал, что у тебя получится.

Король ждал меня там. Я быстро подошла, поклонилась, прижимая ладонь к сердцу, радуясь ему, но я печалюсь. Король выглядел болезненно. Он стоял, но с помощью деревянной трости с кристаллом на ее вершине. Я вдруг подумала о Прутике, как он таял на глазах. Король тоже казался таким.

Я забыла, что он мог читать мои мысли.

— Ах, гном, — улыбнулся король. — Он отозвался на твою просьбу.

— Я не нашла бы амулет без него помощи.

— Значит, это был мудрый поступок — позвать его, — король переминался с ноги на ногу. Я слышала в его голосе усталость. — Ты вернула домой амулет Жизни. Можно посмотреть?

Я открыла сумку. Вот он. Шар. Я спасла его, принесла и была готова, стоя перед королем, вернуть его на место.

Я обхватила ладонью амулет, подняла его и приблизила к себе.

— Так он ярче, — сказала я, восхищаясь его сиянием.

Король слабо кивнул.

— Да. Но не такой яркий, каким может быть.

Конечно, он был прав. Шар тепло сиял, но внутри него светились только зеленые нити.

— Поставь его, — сказал он. Я прошла за ним медленными шагами к источнику. Чаша была широкой и мелкой, стояла на возвышении из дерева, камней и металлов разного цвета, строения, с разными узорами. Четыре спирали закручивались и поддерживали углубления для амулетов.

— Узкая трещина в камне будет держать меч Света, — сказал король, указав. — Гнездо с жемчугом — для ракушки Смерти. Камень Тьмы должен быть на железном кольце, а в центре — шар.

Подставки для Тьмы, Света и Смерти окружали центр треугольником, а шар должен был лечь на подушку из мха. Я посмотрела на короля. Он прищурился.

— Давай, — сказал он.

Обеими руками я положила шар на мох. Так просто. Я слышала наше с королем дыхание, а затем, казалось, вся комната выдохнула с облегчением. Все вокруг стало прочнее. Сильнее.

— Ах. Молодец, — вздохнул король, я резко взглянула на него. Он склонился над тростью, словно только она удерживала его от падения.

Я поспешила к нему.

— Позвольте отвести вас в вашу комнату.

— Ларк, — он смог рассмеяться. — Ты ведь не думаешь, что я заберусь по тем ступенькам.

— Тогда я позову на помощь. Всадники...

— Нет. Мое время вышло, — он смотрел, как я качаю головой, отказываясь его слушать. — Все хорошо, Ларк. Я рад этому.

— Почему мы не можем вас исцелить? — спросила я.

Он вздохнул, но не виновато.

— Ларк, как ни старайся, а Дополнение не может долго жить, потеряв свою Стражницу.

Я коснулась его руки.

— Вы были Дополнением королевы? Она была Стражницей?

— Она была, — король выпрямился, — Стражницей Жизни.

Я опустила руку.

— Я не могу быть королевой.

— Ты уже ей стала, милая, — он кивнул мне. — Услышь меня, юная Ларк, и пойми, что времени мало. Ты, Стражница нашего амулета Жизни, отмеченная Равновесием, теперь полноправная правительница Тарнека. Это непросто, да. Ты должна проследить, чтобы амулеты вернулись, чтобы миру вернулось Равновесие. Это твой долг.

Я отступила. Я не отрицала его слова, но не могла сразу с ними смириться. А рядом со мной ровно светился шар. Я это сделала. Я вернула амулет домой. И пусть было страшно, пусть я чуть не погибла, но я справилась. И принесла его.

Я поежилась, а потом увидела в этой комнате и другие предметы. Узкая скамейка была почти не видна из-за источника, на ней стояли четыре книги. В отличие от изящного источника, они казались простыми, даже слишком. Король узнал мои мысли.

— Им их видеть и нельзя было.

— Книги Стражниц, — сказала я, — в которых написана их судьба. Так можно найти остальных?

— Стражницы пробуждаются, когда это требуется, — напомнил он. — Они не знают еще, конечно, но готовы пробудиться, как и ты была. В книгах нет нужды, но они ускорят поиск. И раз они есть у нас, мы не можем упускать шанс. Читай только первую страницу, один куплет в начале каждой книги. В нем указания для поиска. Помогай Стражницам.

Я подошла к скамейке. Книги безобидно лежали на простой полке. На моей книге был выдавлен шар. Обложки трех других книг тоже были с узорами: ракушка, камень и маленький изогнутый меч. Книги были красивыми, по краям они сверкали, кожаная обложка была гладкой, но они не казались вычурными, кричащими о своей важности. Какие судьбы хранятся в них? Как они связаны с моей? Вернут ли они остальные амулеты? Если я раскрою первую страницу, там будут красивые или страшные слова?

— Ты не должна читать их заранее, Ларк, — прочитал король, слыша мое любопытство. — Оставь им право выбора. В этом честь Равновесия.

Что они выберут, услышав о трудном задании? Поверят ли они, что смогут? Мучения. Надежда. Я чувствовала это от книг. А еще...

— Я видела этих Стражниц, — прошептала я. — Они юные. Все мы очень молоды.

Король улыбнулся.

— Тревогой им не поможешь. Верь себе.

Я рассмеялась.

— Так говорил и Прутик.

— Мудрый гном, да.

Мои глаза расширились.

— Вы отправили его, — прошептала я. — И помогали мне. Лунный камень, оберег, предметы, что вы хотели мне дать...

Его улыбка стала шире, но он покачал головой.

— Рябина — наш друг. Она помогла мне помочь тебе. Ларк, помни слова Прутика: «Правда будет лучшей помощью». Оберег был твоей правдой. Голоса приходили из твоей памяти. Ты верила в себя.

Я едва дышала.

— А красная капля, которую дал мне Прутик, которую хотела Карга с болот, которая пропустила меня в горы Мир... Это была слеза Карги с болот?

— Слезка, но не ее. Это последняя капля крови нашей королевы, пока хукон не заставил ее почернеть, — его голос был ровным. — Стражница Жизни воплощает в себе всех существ Земли. Ее кровь — кровь каждого существа. Мы должны хранить каждую ее каплю, чтобы души не потерялись в Хаосе. Жизнь превращается в Смерть, Ларк. Равновесие.

— Вы не собирались давать ее мне.

Он прикрыл глаза.

— Я должен был вернуть каплю, но ты открыла с ее помощью проход в горы Мир, и я решил, что такая помощь тебе пригодится. Карга отнесет ее домой.

Карга из болот. Я пересекла одно из королевств Смерти, чтобы попасть в горы Мир.

Король прошептал:

— Последняя чистая капля твоей крови тоже была спасена.

— О-откуда вы знаете, что моя кровь все еще чистая? Я была в тех горах вечность, так мне казалось, как вышло, что она не почернела полностью?

— Ты ведь не умерла, — король спокойно смотрел на меня. — Ларк, королева была преклонного возраста, у нее не было твоей силы юности.

Я просила то, что уже не раз приходило в голову:

— Она знала?

Он слабо улыбнулся:

— Помни, что мы жертвуем сознательно.

— Но она позволила Эреме украсть амулеты!

— Между Равновесием и Хаосом всегда шла война, — напомнил он мне. — Тарнек в этот раз еще легко отделался. А королева, возможно, понимала, что необходима новая эра Стражниц, что Хранителям Тарнека нужна сила, — он добавил после паузы. — Стражница Жизни долго ждала, она видела, как угасают остальные Стражницы. Она знала, что нужен сильный наследник силы. Она поверила тебе.

А теперь его время пришло. Король таял передо мной. Я потянулась к нему, чтобы вернуть ему плотную форму, но он тяжелым шагом отстранился, опираясь на трость. Я прошептала:

— Трость из хукона!

Король с кривой улыбкой взглянул на меня.

— Равновесие всегда необходимо, даже если это боль, — он узловатым пальцем указал на меня. — Твой хукон внутри.

Я чувствовала свой шрам, как он и говорил. Рану от хукона нельзя было исцелить полностью.

Король поднял голову, глаза его закрылись, на лице сияла красивая улыбка.

— Дополнение, — услышала я. Он уходил к ней. — Любовь моя, Жизнь моя... — тихо сказал он и растаял. Трость из хукона упала на землю, камень на ней разлетелся на тысячи огненных искр, и они сожгли злое дерево в пепел, а я даже вдохнуть не успела.

Вот и все. А я стала королевой Тарнека.

* * *

Когда я добралась до конца ступенек, было уже темно. Было поздно, и я никого не встретила в коридоре. Я вернулась в комнату и с тяжелым сердцем толкнула тяжелую дверь,

радуясь при виде Рилега, огня в камине и чая, что был еще теплым. Я почесала Рилега за ухом, взяла чашку и села, глядя, как подрагивает в ней жидкость, показывая, что я дрожу из-за грядущих испытаний, как дрожала я в тот день на площади Мерит. Но дрожь унялась.

Найла оставила травы рядом с чайником чая, слабо пахло медом и мятой. Я заметила на подносе что-то еще. Я собрала предметы, поднялась и вышла в сад.

Он был в пруду, я знала, что он там будет. Вода тихо шелестела от его движений. Я пошла по тропинке. Свет свечей из окон был золотым, но камни под ногами были серебряными от звезд. Гарейн появился из воды, откидывая руками волосы, с которых стекала вода.

Он глубоко вдохнул.

— Король...

Я покачала головой. И подбежала к нему, а он дотянулся до меня у края пруда, заключая в теплые объятия, хоть руки и были мокрыми. Я опустилась на колени, чтобы мы были наравне, и прошептала:

— Мне так жаль...

— Все хорошо, — ответил он. — Я знал, что так будет. Все мы знали.

Я прижалась лбом к его груди.

— Я должна плакать, но мне не грустно. Он счастлив вернуться к своей Стражнице. К своей королеве.

Гарейн отстранился, но только чтобы заглянуть в мои глаза и убрать мои сухие волосы с плеча. Он сверкнул своей красивой улыбкой и сказал:

— Моя королева, — и поцеловал меня.

Это вызвало немного слез радости. Гарейн целовал мои губы, щеки, подбородок, шею, его пальцы скользили по моей спине к лопаткам. Он развернул меня, чтобы коснуться губами маленькой черной точки над моей меткой. Метки света и тьмы были рядом.

— Хотел бы я забрать этот шрам, — прошептал он, щекоча дыханием кожу.

— Это мой шрам, — я повернулась к нему лицом, он смотрел мне в глаза. — У каждого своя жертва, — я издала смешок из-за своих слов. Все же Тарнек влиял.

Он кивнул. И сказал в ответ:

— Лорен ушел чуть раньше. Ушел за твоей кузиной.

— Эви... Лорен? Почему?

— Может, не хочет, чтобы ее первыми нашли Призыватели.

Наша метка. Связь. Дополнение должно быть и у нее.

— Гарейн! Я ей не успела рассказать о метках, о том, что узнала в Тарнеке, об амулетах! Я не успела, ведь не думала, что она уйдет. Ох, какая из меня королева, если я всего этого не сделала? — я опустила голову на его плечо. — Я... — смешок. — Я в ужасе, если сказать проще.

Гарейн поцеловал меня в макушку.

— Ты сильная, любовь моя. И ты не одна.

Я вспомнила то, что держала в кулаке. Я раскрыла ладонь и показала Гарейну.

— Смотри, что мне оставила Найла.

Предметы были маленькими, а на ладонь падала тень, но они все равно мерцали. Палец Гарейна коснулся цветка миньона, прошептав:

— Самый сильный исцеляющий цветок. Это для тебя, — он коснулся двух колец, что сверкающими кругами лежали на моей ладони, и сказал. — И ты понимаешь, что это, —

Гарейн поднял голову и посмотрел мне в глаза. Я покачала головой. — Это дары. Дары Земли — драгоценный металл из ее запасов, что передается от Стражницы Жизни к Стражнице Жизни. Присмотрись.

Он подхватил мою ладонь и поднял ее, чтобы мы смогли разглядеть изящные кольца. Они сверкали в свете звезд, они нагрелись от нашего прикосновения. Казалось, что они сплетены из тоненькой паутины, золотой и медной, кольца были не шире травинки, почти такие же тонкие.

— Прекрасные, — прошептала я.

— Это знак Хранителей и их союзников, — добавил Гарейн.

А по плетению кольца напоминали кожаные кольца юношей Мерит. Они были союзниками. Я взяла кольцо поменьше и надела на палец. Оно было тонким, жар скользнул по пальцу и наполнил все тело. Сразу все.

Другое кольцо я протянула Гарейну.

— Правь со мной.

Он улыбнулся, поднял мою руку и поцеловал оставшееся кольцо, а потом накрыл его моими пальцами, сжав ладонь в кулак.

— Буду. Но сначала Тарнеку нужна королева.

Он отпустил меня и подплыл к другому краю пруда, где вышел из воды по ступенькам, улыбаясь, ведь знал, что я смотрю на него. Он оделся.

— Идем, — позвал он. — Рассвет близко. Посмотрим вместе.

Мы пошли по темным залам, босые ноги бесшумно ступали по коврам, и вышли на балкон, что окружал замок Тарнек и проходил над обрывом. Сначала мы посмотрели на север, где темнели горы Мир. А потом прошли туда, откуда было видно, как солнце на востоке пронзает первыми лучами небо над холмами Тарнек. Мы смотрели, как свет заливает зеленые долины и бледные камни. Мы смотрели на юг, где у Темного леса приютилась Мерит, где пустыми пространствами поражали болота Нилер и предгорье Куллан. Напоследок мы повернулись на запад и увидели богатые земли у замка Тарнек, зелень и деревья, камни, поля, здания были залиты утренним светом. Бледная луна скрывалась за деревьями. Интересно, куда отправилась Эви?

Утро разбудило птиц, их песни заполнили воздух, я заметила, как что-то стрелой поднялось с земли, чтобы увидеть первые лучи.

— Смотри! — крикнула я. — Смотри, там жаворонок взлетает в небо!

Гарейн повернулся ко мне, я чувствовала, что он смотрит на меня с улыбкой.

— Я вижу, — сказал он.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Благодарности

Эта история родилась в поле за моим домом, где магия и красота растут так быстро, что мне за ними не успеть. Но эта история стала книгой, благодаря тем, кто вдохнул в нее жизнь, и потому я от всего сердца говорю «спасибо»...

Моему агенту Дженни Бент, которая помогла ростку стать бутоном, и моему издателю Диане Ландольф, которая помогала бутону расцвести. Вы обе удивляли меня тем, как сильно

верили в эту историю.

Моим друзьям-писателям, трио авторов — Татьяне Бонкомпаньи, Мелани Маррей Даунинг и Лорен Липтон, что критиковали варианты, но с добрым сердцем.

Тем, кто осилил множество страниц, следуя зову дружбы и родства, поддерживая меня весь путь: Джону Галлу, Лизе Ворс Хьюбер, Лизе Клейн, Жаклин Маддакс, Кэти Вог и Джонатану Стерну. И тем, кто помогал творческим талантом: Деборе Чабриан, Эдду Мартинезу и Мелани Клейд.

Моей большой семье — маме Диане, памяти отца, сестре Кэти, брату Лоренсу, они помогали мне и создавали нужную атмосферу в доме.

И моим домашним — Джонатану, Кристоферу и Джереми, которые обустроили мне прекрасное рабочее место, подарив отличное кресло, чтобы мне было удобно писать. Я люблю вас.

Не пропустите книгу про Эви!

Вторая книга о Стражницах Тарнека!

Лунный свет на воде, деве той покажи

Мимолетный страх и печаль от резни.

Серебро, серп, взмах целебный руки,

Песнь ракушки услышь, дождь земле призови.

После смерти любимого семнадцатилетняя Эви Кэрю хочет лишь затеряться в болотах Марш. Но старый провидец Харкер говорит ей, что для нее есть важное задание, и любопытство охватывает Эви. Что за ракушку она должна найти по словам Харкера? И почему в ее мыслях появляется имя одного из двенадцати Всадников Тарнека?

Скоро!